

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

II

КУРСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КУРСКАЯ ПРАВДА“

1 9 4 9

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

№ 2

КУРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КУРСКАЯ ПРАВДА»

1 9 4 9

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Первый сборник «Ученых записок Курского пединститута» вышел в свет в мае 1941 года и его тираж почти полностью был уничтожен фашистскими бандами, временно оккупировавшими Курскую область.

С восстановлением института возобновилась и научно-исследовательская работа кафедр. Три из публикуемых в данном сборнике статьи (тт. Лаппо, Самсонова и Веселова) написаны еще в период Великой Отечественной войны, остальные две (тт. Плющева и Карпова) — в последние годы. Большинство статей «Ученых записок» № 2 посвящено изучению родного края.

Редколлегия обращается к читателям с просьбой свои критические замечания об отдельных статьях и сборнике в целом присылать по адресу: Курск, улица Золотая, 8, Пединститут.

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

Борьба за коллективизацию сельского хозяйства в Курском округе (1928—1930 гг.)

Г. К. ПЛЮЩЕВ.

Переделка мелкого индивидуального крестьянского хозяйства на социалистический лад была одной из самых трудных и самых сложных задач пролетарской революции и в то же время необходимым условием построения нового, социалистического общества в нашей стране.

Великая Октябрьская революция создала условия для социалистического пути развития сельского хозяйства. Однако вопрос о социалистическом развитии деревни решался в ожесточенной борьбе рабочего класса и трудящегося крестьянства под руководством партии большевиков против эксплуататорских классов.

Проблема быстреей социалистической реконструкции сельского хозяйства в СССР особенно остро встала перед партией и советской властью в 1926—1927 гг., когда обнаружилось чрезмерное отставание сельского хозяйства, особенно его зерновой части, от быстрых темпов развития социалистической промышленности и когда это отставание грозило опасностью хронического голода и срывом политики индустриализации. И. В. Сталин говорил: «Растет промышленность. Растет количество рабочих. Растут города. Растут, наконец, районы производства технического сырья (хлопок, лен, свекла и т. д.), предъявляющие спрос на товарный хлеб. Все это ведет к быстрому росту потребности на хлеб, на товарный хлеб. А производство товарного хлеба растет убийственно медленным темпом»^{*}).

Коренной причиной отставания сельского хозяйства и крайне низкой товарности его являлась распыленность и дробность крестьянского хозяйства. Мы имели крупную социа-

^{*}) И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 184.

листическую промышленность, развивавшуюся вперед быстрыми темпами, и отсталое мелкое крестьянское хозяйство, являвшееся основным производителем и поставщиком хлеба и сырья для промышленности. Но нельзя было в дальнейшем и в продолжении слишком долгого периода базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе крупной социалистической промышленности и на основе раздробленного и отсталого мелко-товарного крестьянского хозяйства.

Выход из этого противоречия был только один — это создание крупного колхозного сельскохозяйственного производства. Этот путь являлся одновременно и методом решения зерновой проблемы.

Партия большевиков руководствовалась при этом следующими указаниями В. И. Ленина.

«Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, организовало общественное, крупное земледельческое хозяйство»^{*)}).

Опираясь на это указание Ленина, товарищ Сталин разработал теорию коллективизации сельского хозяйства и претворил ее в жизнь. В этой теории товарищ Сталин разъяснил, что колхозы являются социалистическим типом сельского хозяйства. Товарищ Сталин открыл сельскохозяйственную артель, как основную форму колхозного строительства на данном этапе, удачно сочетающую личные интересы колхозников с общественными интересами, выдвинул и обосновал политику ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации и указал на решающее значение МТС, как опорных пунктов в деле социалистического переустройства сельского хозяйства.

И. В. Сталин подчеркнул, что коллективизация должна была не только разрешить зерновую проблему, но и дать советской власти «социалистическую базу в самой обширной и жизненно необходимой, но и в самой отсталой области народного хозяйства — в сельском хозяйстве»^{**)}).

Исходя из этого, XV съезд ВКП(б) признал, что коллек-

^{*)} В. И. Ленин. Том XXVI, стр. 299.

^{**)} История ВКП(б). Краткий курс, стр. 292.

тивизация сельского хозяйства должна стать генеральной линией партии в деревне. Съезд признал, что «задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне»^{*)}).

За решение этой задачи боролись и курские большевики.

1. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КУРСКОГО ОКРУГА НАКАНУНЕ МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Курский округ возник в 1928 году на одной четвертой части территории бывшей Курской губернии, которая являлась до Октябрьской революции губернией классического малоземелья, раздробленности крестьянского хозяйства, отсталости сельскохозяйственной техники и низких урожаев.

По сельскохозяйственной переписи 1917 года в Курской губернии числилось около 4 миллионов десятин удобной земли, из них крестьянам принадлежало 2.196.005,7 десятин, помещикам, церквям, монастырям и прочим частновладельческим лицам — около 1,5 миллиона десятин. Октябрьская социалистическая революция в корне изменила это положение. Помещичьи, церковные, монастырские и прочие крупные частновладельческие земли были конфискованы и в значительной части перешли в землепользование крестьян. В 1924 году удобной земли в пользовании крестьян находилось 3.434.620 десятин. Таким образом, Октябрьская социалистическая революция дала крестьянам Курской губернии 1.238.614,3 десятины земли, что значительно увеличило крестьянские земельные наделы. В 1927 году в среднем приходилось удобной земли на одну крестьянскую душу 1,15 десятины и на крестьянский двор 6,2 десятины.

Такое обеспечение земель при благоприятных климатических и почвенных условиях Курской губернии нельзя уже было считать малоземельем.

Это значит, что малоземелье курских крестьян ушло в прошлое, что оно относится к дореволюционному периоду, когда помещики держали в своих руках значительную часть земли. Но средние цифры не дают точной картины землепользования, так как в действительности душевые нормы земли у различных групп крестьян были неодинаковы, а еще

^{*)} ВКП(б) в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть II, стр. 259.

большее различие имелось в фактическом пользовании землей. Следующая таблица показывает это различие.

Размер душевого надела пашни и фактическое землепользование в 1927 году.

Посевные группы			Душевой надел в десятинах	Фактическое пользование в десятинах
С посевом	до 1	десятины	0,54	0,14
»	от 1 до 2	»	0,56	0,52
»	от 2 до 3	»	0,67	0,66
»	от 3 до 4	»	0,76	0,77
»	от 4 до 6	»	0,87	0,88
»	от 6 до 8	»	1,01	1,01
»	от 8 до 10	»	1,07	1,09
»	от 10 до 16	»	1,18	1,24
»	свыше 16	»	1,45	1,75 *)

Эта таблица показывает, во-первых, что душевой надел у последней многопосевной группы выше средней нормы на 78 проц. и выше нормы малопосевной группы на 161 проц. Во-вторых, маломощные (бедняцкие) хозяйства фактически обрабатывали меньше земли, чем имели, тогда как кулацкие хозяйства обрабатывали больше земли, чем их душевой надел. Это значит, что часть своей земли беднота сдавала в аренду кулакам и зажиточным крестьянам.

Крестьянские хозяйства, благодаря дроблению их, являлись мелкими, малопродуктивными, полунатуральными хозяйствами. Причем, процесс дробления крестьянских хозяйств продолжался до наступления массовой коллективизации. К 1928 году количество крестьянских хозяйств в Курской губернии выросло на 40 процентов против 1916 года. В результате дробления, количество крестьянских хозяйств увеличивалось ежегодно на 3 процента, что приводило к снижению товарности крестьянского хозяйства, ибо, чем мельче было хозяйство, тем меньше оно давало товарной продукции.

Еще в 1926 году почти половину земли крестьяне обрабатывали сохами. Крестьяне снимали низкие урожаи и не

*) Архив Курского обкома ВКП(б), фонд 79, связка № 4, лист 18.

обеспечивали город достаточным количеством хлеба, а промышленность сырьем. Около 35 процентов крестьянских хозяйств округа не имели нужного им сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота и не могли полностью обрабатывать находившуюся в их руках землю, вследствие чего часть земли пустовала, а крестьянская беднота попадала в кабалу к кулакам. Это полностью подтверждало правоту высказывания В. И. Ленина: «Мелким хозяйством из нужды не выйти»^{*}). «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель»^{**}).

Крестьяне искали путь к лучшей жизни. Таким путем была коллективизация. Коллективизация явилась необходимостью для самих крестьян, ибо только она могла дать возможность мелким крестьянам выйти из нужды и нищеты. Партия большевиков нашла и подсказала крестьянам форму перехода к лучшей жизни и организовала этот переход. Политика коллективизации явилась сознательным выражением стихийного стремления миллионов масс крестьянства нашей страны к зажиточной жизни. Коллективизация должна была поднять сельское хозяйство, значительно повысить его товарность, избавить широкие массы бедноты и середняков от нищеты и кулацкой кабалы и перестроить деревню на социалистический лад.

Первые колхозы в Курской губернии возникли еще в 1918 году. Рост колхозов начинается после решения XV партийного съезда о коллективизации сельского хозяйства. На 1 октября 1929 года, т. е. до начала сплошной коллективизации, в Курском округе насчитывалось 517 колхозов, объединявших 9.800 крестьянских хозяйств, с площадью земли в 75.752 гектара.

Несмотря на свою малочисленность, колхозы показывали преимущество перед единоличным мелким крестьянским хозяйством.

Преимущество крупного социалистического хозяйства перед мелким крестьянским хозяйством наиболее ярко выразилось в более высокой урожайности.

В 1929 году урожай в крестьянских хозяйствах, колхозах и совхозах получился следующий (в относительных цифрах):

^{*}) В. И. Ленин. Том XXIV, стр. 540.

^{**}) В. И. Ленин. Том XX, стр. 417.

Сельскохозяйственные культуры	Крестьянские хозяйства	Колхозы	Совхозы
Рожь	100	122	128,6
Овес	100	110	114,4
Просо	100	141,4	150,0

Эти данные показывают, что урожай в колхозах и совхозах оказался значительно выше урожая в единоличном крестьянском хозяйстве. Простое сложение крестьянских орудий производства и коллективный труд, даже при недостаточной обеспеченности сельскохозяйственными машинами, давали возможность расширять посевные площади, обрабатывать целинные земли, увеличивать валовой сбор и товарность сельскохозяйственной продукции и, следовательно, повышать жизненный уровень колхозного крестьянства. В связи с этим рос авторитет колхозов, постепенно увеличивался приток крестьянских хозяйств в колхозы, росло количество колхозов.

Следующие данные показывают систематический рост колхозов:

Вид объединения	На 1/X—1927 г.		На 1/X—1928 г.		На 1/X—1929 г.	
	Число	‰	Число	‰	Число	‰
Коммуны	5	5,3	7	3,0	14	2,7
Артели	12	12,7	19	8,6	52	10,0
ТООЗ	77	82,0	203	88,4	451	87,3
Итого:	94		229		517	
Рост в ‰ к 1927 г.	100		248,5		533 *)	

Таким образом, за два года количество колхозов в округе выросло почти в 5,5 раза. При этом в данный период преобладала начальная форма колхозов, т. е. товарищество по совместной обработке земли.

До массовой коллективизации в колхозы объединялись преимущественно маломощные крестьянские хозяйства. Колхозы по своему социальному составу являлись бедняцкими. По данным обследования колхозов на 1 сентября 1928 года, сельскохозяйственные артели состояли на 60 процентов

*) Курский областной государ. архив, ф. 1043, дело № 128.

из бедняцких хозяйств, 39 процентов — середняцких и 1 процент падал на кулаков.

Одним из серьезных недостатков колхозного строительства начального периода (1927—1929 гг.) было то, что колхозы являлись очень мелкими объединениями, как по числу дворов, так и по площади земли. В 1927 г. в среднем на каждый колхоз приходилось 13 крестьянских дворов и 99 гектаров земли. Это были карликовые колхозы. Так, например, в Золотухинском районе в одном селе насчитывалось 18 колхозов — по несколько колхозов на одной улице. В Фатежском районе имелись колхозы, насчитывавшие всего по 5—6 хозяйств. По данным Окрколхозсоюза на 1 октября 1928 года, колхозы по своей мощности представляли такую картину:

1. Колхозы, имевшие в своем составе до 10 хозяйств, составляли	38,2%
от 11 до 20	44,4%
от 21 до 50	1,2%
свыше 50	16,2%
2. Колхозы, имевшие земли до 50 га, составляли	12,7%
от 51 до 100	49,3%
от 101 до 150	25,7%
свыше 150	12,3% *)

Таким образом, мельчайшие колхозы, имевшие в своем составе до 20 дворов, составляли 82,6 процента всех колхозов округа и имевшие от 21 и выше дворов составляли 17,4 процента всех колхозов. Это были такие колхозы, которые по размерам землеиспользования не превышали крупные кулацкие хозяйства. В экономическом отношении они были малорентабельными и не имели возможности использовать все преимущества крупных хозяйств.

Так, например, в карликовом колхозе «Красный свекловод» Солнцевского района трактор выполнил работы за 1928 год на 636 руб., а расходы на горючее и смазочный материал, а также на оплату трактористу, определились в 775 руб., т. е. колхоз получил убыток в 139 рублей. Трактор в таком мелком колхозе оказался нерентабельным. Поэтому одна из важнейших задач партийных и советских организаций округа состояла в проведении мероприятий по укрупнению колхозов.

Остро ощущался недостаток агрономов. По данным

*) Курский областной государственный архив, фонд № 1043, дело № 9, лист 452.

Окрколхозсоюза, на всю колхозную систему округа приходилось 22 агронома, из них 4 работали в аппарате Окрколхозсоюза и 18 — на периферии. Таким образом, в среднем один агроном должен был обслуживать 28 колхозов. В дальнейшем рост колхозов еще более усилил этот недостаток, ибо подготовка агрономических кадров не могла поспевать за стремительным развертыванием колхозного движения. В осеннюю посевную кампанию 1929 года требовался агрономический штат в количестве 68 единиц, а фактически имелось только 22, из них с высшим образованием 8. На одного агронома приходилось в среднем уже 36 колхозов. Радиус обслуживания одним агрономом равнялся 30 километрам. При таком положении колхозы, конечно, не могли получить достаточной агрономической помощи.

Наиболее затруднительными и неясными для колхозников были вопросы организации труда, порядка оплаты и распределения коллективных доходов. Неправильное разрешение указанных вопросов приводило к сравнительно низкой производительности труда и недостаточной, производственной дисциплине.

По данным обследования 154 колхозов, проведенного летом 1928 года, в большинстве колхозов применялась следующая система организации и оплаты труда. Правление колхоза заранее определяло, какое количество рабочей силы требуется на ту или иную работу и затем исчисляло, от скольких едоков требуется одна рабочая единица. Если у члена колхоза нехватало в своей семье рабочей силы по количеству едоков у него, то вместо него правление колхоза назначало на работу из другой семьи, в которой имелось больше рабочей силы, чем требовалось от нее по количеству едоков. В результате первому колхознику записывается «недоработка», а второму — «переработка». В итоге урожай распределялся по едокам, но с того члена, который имел «недоработки», стоимость их по оценке общего собрания колхоза вычиталась из его доли, а тот, кто имел «переработки», получал сверх причитающейся ему доли урожая. Этот способ организации труда и распределения урожая являлся наиболее распространенным и был выдвинут по инициативе самих колхозников. Но нередко применялся и уравнилительнопотребительский принцип, т. е. урожай делился по едокам, без учета вложенного труда. Второй способ (елоцкий) совершенно не интересовывал в добросовестном отношении к труду и подрывал производственную дисциплину.

Некоторые колхозы делали попытки установить нормы оплаты за отдельные работы в денежном выражении. Так, колхозники артели «Красная заря» Солнцевского района установили четыре категории оплаты труда: 1-я категория — 20 копеек в час, 2-я — 40 копеек, 3-я — 60 копеек и 4-я — 80 копеек в час. Наиболее легкая работа оплачивалась по 1-й категории и наиболее тяжелая (рытье канав) оплачивалась по 4-й категории.

Имели место случаи, когда при распределении доходов применялся капиталистический принцип, т. е. доходы распределялись по размерам имущественных паев, внесенных каждым членом при создании колхоза (стоимость обобществленного инвентаря, скота, построек и др.). Это был явно кулацкий принцип и применялся там, где кулаки имели засилие в колхозах.

Становилось ясным, что правильная организация труда и его оплата являлись насущнейшей задачей, определявшей организационную и хозяйственную устойчивость колхозов.

Вопросы организации труда и укрепления трудовой дисциплины явились настолько трудными и сложными, что они занимали видное место и в дальнейшей работе нашей партии по организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

Развертывание колхозного движения проходило в обстановке классовой борьбы в деревне.

Кулак почувствовал в колхозах смертельную для себя опасность, понял, что колхозы должны вырвать бедноту из его цепких рук и уничтожить самого кулака и повел отчаянную борьбу против колхозов, применив различные методы, начиная от агитации до террора (убийства, поджоги, вредительство, саботаж мероприятий советской власти). Вот примеры яростного сопротивления коллективизации со стороны кулаков.

В ночь на 3 февраля 1929 года в селе Выползове Солнцевского района у председателя колхоза товарища Криволапова кулаки сожгли сарай и половень.

28 сентября 1929 года кулаки подожгли усадьбу активного члена Протасовского сельсовета Колпнянского района Ягупова.

За полтора осенних месяца 1929 года в деревнях Полянское и Дрябловка кулаки совершили пять поджогов построек колхозных активистов. Бедняки на своем собрании категорически потребовали принять самые суровые меры по отноше-

нию к кулакам, вплоть до высылки наиболее злостной части из деревни.

В ночь с 24 на 25 октября 1929 года в деревне Больше-Крюковой Обоянского района зверски был убит кулаками председатель сельсовета Горлов, принимавший активное участие в коллективизации.

Осенью 1929 года кулацкий террор проявился в 4-х убийствах, 12 избиениях и 36 поджогах.

В то же время кулак проникал в колхоз, чтобы изнутри разлагать его. С целью маскировки и использования предоставлявшихся колхозам льгот, кулак создавал 'лжеколхозы. Так, в ноябре 1929 года в селе Нижне-Гуторово Курского района образовался колхоз, куда вошли десять домохозяев (все родственники: родные и двоюродные братья), хозяйства которых являлись кулацкими. Бедняков в колхоз не принимали. В созданном колхозе коллективно никакой работы не велось. Целью объединения этих людей в колхоз было стремление построить кирпичный завод и получить на это государственные кредиты и добиться аренды сенжкосных угодий государственного лесничества, и тем самым укрепить свое единоличное хозяйство. Окружными организациями этот «колхоз» был распущен.

Зимой 1929 года в поселке при железнодорожной станции Черемисиново наряду с колхозом, куда вошли бедняки и середняки, создавался кулацкий колхоз из бывших людей. В колхоз вошли: бывший купец И. И. Лыков, сохранивший у себя и после революции целую экономию — 3,5 десятины сада, 100 ульев с пчелами; брат Лыкова — кулак; братья Скворцовы — бывшие владельцы паровой мельницы и крупорушки; бывшие купцы П. В. Афанасьев, Дехтярев и Самойлов; бывшие барышники братья Токмаковы; бывший представитель сахарозаводчиков по закупке свеклы Солодилов и бывший жандарм Воробьев. Купец, кулак, жандарм — таков социальный состав «колхозников». Эти люди надеялись замаскироваться колхозом и спасти себя от ожидавшей их гибели.

Для освобождения колхозов от кулацких и чуждых элементов Курский окружком ВКП(б) в ноябре 1929 года провел проверку и чистку колхозов. Этому мероприятию окружком придавал широкий общественный характер. Около 40 тысяч человек из батраков, бедняков и середняков принимали активное участие в чистке колхозов. В результате было исключено из колхозов 589 кулацких хозяйств и хозяйств

других чуждых элементов (торговцев, служителей религиозных культов, бывших полицейских).

В деле развертывания колхозного строительства окружная партийная организация играла руководящую, направляющую и организующую роль. Окружком ВКП(б) в ноябре 1929 года потребовал от деревенских коммунистов, а также райкомов и сельских партячеек повернуться лицом к колхозному строительству. Окружком партии вел решительную борьбу с оппортунистическими элементами, имевшимися в окружной партийной организации.

II. ПОВОРОТ КРЕСТЬЯН НА КОЛХОЗНЫЙ ПУТЬ И ПЕРЕХОД К ПОЛИТИКЕ ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА В КУРСКОМ ОКРУГЕ

В связи с утверждением XVI конференцией ВКП(б) в апреле 1929 года первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР в округе был разработан и утвержден пятилетний план колхозного строительства. Согласно этому плану в 1933 году (последний год пятилетки) коллективизация в округе должна была приобрести следующий вид:

1. Количество колхозов	890
2. Количество крестьянских дворов в них 27.082 или 15 ⁰ / ₀ всех крестьянских дворов округа.	
3. Количество земли в колхозах 206.800 га или 14,12 ⁰ / ₀ всех крестьянских земель округа	
4. Количество тракторов	300
5. Валовая продукция колхозов:	
а) зерновых	74.750 тонн
б) технических	9.070 тонн
6. Товарная продукция:	
а) зерновых	34.081 тонна (товарность 45,6 ⁰ / ₀)
б) технических	5.444 тонны (товарность 60 ⁰ / ₀ *)

Таковы перспективы колхозного строительства, которые намечали партийные и советские организации округа на предстоящие пять лет. Однако действительность опрокинула эти расчеты.

Массовый поворот крестьян на колхозный путь в Курском округе наступил осенью 1929 года. На 1 ноября 1929 года колхозами было охвачено до 6 процентов всех крестьянских дворов, а на 1 января 1930 г. колхозы объединяли уже 24,8 процента хозяйств.

*) Курский областной госуд. архив, ф. 1043, д. № 16.

Это был революционный скачок от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному. В колхозы пошла основная масса деревни — середняки.

В эту зиму деревня рвала со своими вековыми традициями. В селах проходили бурные собрания и митинги, на которых решался коренной вопрос жизни крестьян; происходила подлинная революция, ломались старые устои, старые общественные отношения.

Партийная организация округа явилась организатором и руководителем этого поворота. Она объединяла массы бедняцкого и середняцкого крестьянства вокруг партии и Советов и организовывала их на осуществление задач хозяйственного подъема деревни и перехода ее к коллективным формам земледелия. Окружком послал в деревню почти весь актив городской партийной организации для проведения агитационно-пропагандистской и организаторской работы среди крестьян.

Большую помощь колхозному движению оказала посылка в деревню рабочих-двадцатипяти тысячников. В деревни Курского округа до февраля 1930 года было послано 195 человек рабочих, из них 140 человек членов и кандидатов ВКП(б). Из числа рабочих Москвы прибыло 146 человек, а город Курск дал 49 человек. И. В. Сталин очень высоко оценил посланных в деревню рабочих, как пропагандистов: «Надо признать, — писал он, — что из всех существующих и возможных пропагандистов колхозного движения, рабочие пропагандисты являются лучшими пропагандистами среди крестьянских масс»^{*)}).

Массовое вступление крестьян в колхозы явилось результатом всей предыдущей работы партии и советского правительства. Политика социалистической индустриализации, обеспечившая снабжение деревни тракторами и сельскохозяйственными машинами, государственное кредитование колхозного строительства и налоговая политика, стимулировавшая вступление крестьян в колхозы; рост сельскохозяйственной кооперации, постепенно приучавшей крестьянина к коллективному хозяйству; решительное наступление на кулачество, приводящее к изоляции кулачества и укреплению союза с середняком; сплочение деревенской бедноты вокруг партии и советской власти путем оказания ей производственной помощи и проведения политико-воспитательной работы; хороший опыт

^{*)} И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 270.

колхозов и совхозов, показывавший преимущества крупного социалистического земледелия, — все это вместе взятое обеспечило поворот крестьян на путь коллективизации.

Большую роль в деле роста коллективизации сыграла первая тракторная колонна в округе, созданная в 1929 г. в селе Охочевка Щигровского района.

Охочевская тракторная колонна обслуживала первоначально 45 небольших земельных объединений (товариществ по общественной обработке земли), из которых вскоре было создано 9 более крупных земельных объединений. Таким образом, тракторная колонна способствовала созданию более крупных колхозов.

Но роль тракторной колонны заключалась не только в этом. Работа тракторов способствовала резкому повышению урожайности на обобществленных полях, что на опыте убеждало крестьян в преимуществе артельного труда. Так, в деревне Гремячке Щигровского района, до вступления ее в колхоз, урожай зерновых обычно не поднимался выше 30—40 пудов с десятины. В 1929 году при обработке земли тракторной колонной рожь дала 85 пудов, а овес 98—100 пудов с десятины. Селения, обслуживавшиеся тракторной колонной, до 15 октября полностью выполнили план хлебозаготовок, полностью уплатили сельхозналог и обеспечили себя хлебом до нового урожая. В связи с этим приток крестьян в колхозы увеличился.

Производственная помощь деревне со стороны государства шла и по линии машиностроения, кредитования и снабжения минеральными удобрениями и чистосортными семенами.

За один только 1929 год сельское хозяйство округа получило 21.252 плуга, 15.778 борон, 1.583 культиватора, 421 сеялку, 4.636 веялок, 315 уборочных машин и другой сельскохозяйственный инвентарь.

И все же тракторов и сельскохозяйственных машин не хватало для того, чтобы удовлетворить производственные потребности колхозов. Тогда окружными организациями было принято решение создать в помощь колхозам машинно-конные станции (МКС). Таких МКС в округе к февралю 1930 года было создано 77. В разработанном о МКС положении говорилось:

«В связи с бурным ростом колхозного движения и наличием значительного количества безинвентарных бедняцких хозяйств... при остром недостатке тракторов и сложных

сельскохозяйственных машин, организуется МКС, как одно из средств, способствующих усилению темпа коллективизации, организации крупных колхозов и наиболее полному использованию конного инвентаря и тягловой силы. МКС организуются при кустовых объединениях и крупных колхозах и обслуживают не только площадь колхозов, создающих такие станции, но и близлежащие производственные сельскохозяйственные объединения с целью более рационального использования тягловой силы и инвентаря. Станции строятся на основе обобществления мертвого инвентаря и рабочего скота колхозов... Недостающее количество инвентаря и рабочего скота приобретается за счет средств населения и кредитов, отпускаемых в порядке общего кредитования колхозов на машиноснабжение и рабочий скот»^{*)}).

Таким образом, МКС первоначально представляли из себя не что иное, как простое сложение крестьянского инвентаря и рабочего скота, но этот скот и инвентарь использовался коллективно и потому более рационально. В дальнейшем МКС пополнились инвентарем и рабочим скотом за счет средств производства, отбравшихся у кулаков и за счет машиноснабжения со стороны государства в порядке кредитования.

Массовому вступлению крестьян в колхозы кулачество оказало ожесточенное сопротивление. Кулачество понимало, что сплошная коллективизация должна привести к уничтожению его как класса и потому пустило в ход все имевшиеся в его распоряжении средства и силы, применило различные формы борьбы, от распространения злостных слухов до террористических актов, чтобы задержать вступление крестьян в колхозы.

Кулачество особенно стремилось использовать отсталость женщины-крестьянки, рассчитывая на то, что, в силу своей отсталости, крестьянка легче поверит всевозможным кулацким нелепицам о жизни колхозов. Для борьбы с кулацкой агитацией среди женщин в Медвенском районе были созданы женские бригады по коллективизации, состоявшие из работниц и колхозниц. В этих бригадах приняли участие 20 женщин коммунарок из коммуны «Ленинская искра». Особенно против них выступили кулаки.

Вместе с этим кулак стал применять и такой способ борьбы против колхозов: переодевшись в нищего, кулак

^{*)} Курский областной госуд. архив, ф. 1043, д. № 27.

пошел по деревням просить подаяния, ведя при этом такую агитацию: «в колхоз пришли с коровами, лошадьми, а теперь помиру голыми ходим».

Чтобы избавиться от раскулачивания, кулаки пускались на всевозможные уловки. Наиболее широко они стали практиковать такой маневр — выезд из деревни «в неизвестном направлении». Например, в Гребцовском сельсовете выехали из села ночью со всем своим имуществом четыре самых крупных кулацких семьи. Кое-где сельские Советы, пораженные политической слепотой, не обратили внимания на новый кулацкий маневр и выдавали кулакам все необходимые для выезда документы.

Но в связи с массовой коллективизацией кулаки все чаще стали переходить к прямому террору.

Первого февраля 1930 года на хуторе Бобыбино Любичского сельсовета Медвенского района кулак Лукьянчиков железным болтом убил бедняка — колхозного активиста Чаплыгина. В деревне Машино Солнцевского района кулаки сожгли сарай с общественными лошадьми. В огне погибло 14 лошадей колхоза.

В борьбе против коллективизации кулаку оказали помощь различные религиозные сектантские группы, которых в Курском округе было много. В разгар коллективизации одна из многочисленных сектантских групп Фатежского района выбросила лозунг: «лучше убить сто человек, чем осквернить себя вхождением в колхоз»^{*)}. Это был прямой призыв к террору.

Служители религиозных культов именем бога заклинали крестьян не идти в колхозы. Церковники использовали церковь как трибуну для антиколхозных выступлений.

Однако все ухищрения кулака не имели успеха. Стремление классового врага убедить бедняка и середняка, что в колхозе мужик будет жить куда хуже, чем на своем клочке земли, разбилось о конкретные примеры из жизни колхозов. Колхозное движение ширилось и крепло. Кулака перестали слушать. Правда, кулаку удавалось кое-где перетянуть на свою сторону недостаточно сознательных крестьян, которые на крестьянских собраниях и сходах выступали как подкулачники и стремились сорвать собрания или пролезть в руководящие органы колхозов, чтобы внутри колхозов проводить кулацкую линию.

Таким образом, сплошная коллективизация сопровож-

^{*)} «Курская правда» от 26 марта 1930 года.

ждалась ожесточенной классовой борьбой в деревне. Но теперь она имела другое содержание, чем до периода сплошной коллективизации. Теперь при организации колхоза, в который вступали целиком деревня, село, район, колхозу отходила вся крестьянская земля, в том числе и кулацкая. У кулаков отбирались земля, скот, машины — все средства производства, а сам кулак, по требованию колхозников, арестовывался и выселялся из деревни. Кулачество ликвидировалось как класс.

«Переход к сплошной коллективизации происходил не в порядке простого и мирного вступления в колхозы основных масс крестьянства, а в порядке массовой борьбы крестьян против кулачества. Сплошная коллективизация означала переход всех земель в районе села в руки колхоза, но значительная часть этих земель находилась в руках кулаков, — поэтому крестьяне сгоняли кулаков с земли, раскулачивали их, отбирали скот, машины и требовали от Советской власти ареста и выселения кулаков.

Сплошная коллективизация означала, таким образом, ликвидацию кулачества.

Это была политика ликвидации кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации»^{*}).

Политика ликвидации кулачества как класса была впервые провозглашена И. В. Сталиным в его речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года и была затем закреплена историческим постановлением ЦК ВКП(б) от 5-го января 1930 года.

1-го февраля 1930 года ЦИК и СНК СССР приняли специальное постановление о практическом применении политики ликвидации кулака как класса. В этом постановлении местными органами советской власти давались следующие указания:

«В целях обеспечения наиболее благоприятных условий для социалистического переустройства сельского хозяйства ЦИК и СНК СССР постановляют:

1. Отменить в районах сплошной коллективизации действие закона о разрешении аренды земли и о применении наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах.

2. Предоставить краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством, вплоть до полной конфискации имущества

^{*}) Краткий курс истории ВКП(б), стр. 290.

кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей).

Конфискованное имущество кулацких хозяйств, за исключением той части, которая идет в погашение причитающихся с кулаков обязательств (долгов) государственным и кооперативным организациям, должно передаваться в неделимый фонд колхозов в качестве взносов бедняков и батраков, вступающих в колхоз»^{*)}).

Это постановление явилось оформлением политики ликвидации кулачества как класса в закон советского государства.

На основании постановления ЦК ВКП(б) и закона ЦИК СССР о ликвидации кулачества, областной и окружной партийными организациями был разработан ряд мероприятий по практическому осуществлению этих постановлений.

Было признано необходимым кулацкие семьи выселять на отдельные земли вне колхозов, а наиболее злостных кулаков, активно борющихся против колхозов, арестовывать и высылать за пределы области. Профсоюзы и отделы труда обязывались не принимать кулаков на биржи труда, промышленные предприятия, на транспорт и совхозы, а в случае использования кулаков на временных и сезонных работах не принимать их в члены профсоюзов.

Таким образом, в конце 1929 года партия большевиков перешла от политики ограничения кулачества к новой политике, к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Что дало возможность партии и советской власти совершить такой крупный поворот и перейти от политики ограничения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса? Какую роль в этом повороте играла сплошная коллективизация?

Этот поворот партия могла совершить потому, что в 1929 году в СССР для этого была создана достаточная материальная база, произошла передвижка классовых сил в экономике страны. Массовая коллективизация, а также развитие совхозов давали советскому государству возможность заменить кулацкое производство хлеба производством колхозов и совхозов. В этом заключалась материальная основа того, чтобы покончить с кулаком, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс.

^{*)} «Правда» от 2 февраля 1930 года.

«Еще в 1927 году кулаки производили более 600 миллионов пудов хлеба, из коих товарного хлеба давали около 130 миллионов пудов. Колхозы же и совхозы могли дать в 1927 году только 35 миллионов пудов товарного хлеба. В 1929 году благодаря твердому курсу большевистской партии на развитие совхозов и колхозов и успехам социалистической индустриализации, снабжавшей деревню тракторами и сельхозмашинами, колхозы и совхозы выросли в серьезную силу. Уже в этом году колхозы и совхозы производили не менее 400 миллионов пудов хлеба, из коих товарного хлеба давали уже более 130 миллионов пудов, т. е. больше, чем кулаки в 1927 году. А в 1930 году колхозы и совхозы должны были дать и действительно дали товарного хлеба более 400 миллионов пудов, т. е. несравненно больше, чем давало кулачество в 1927 году.

Таким образом, передвижка классовых сил в экономике страны и наличие материальной базы, необходимой для того, чтобы заменить кулацкое хлебное производство производством колхозов и совхозов, дали возможность большевистской партии перейти от политики ограничения кулачества к новой политике, к политике ликвидации кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации»^{*)}.

Политика ликвидации кулачества как класса, так же, как и политика коллективизации вообще, встретила сопротивление со стороны правых оппортунистов, вся деятельность которых по части саботажа мероприятий партии и правительства преследовала одну цель: сорвать политику партии и затормозить дело коллективизации.

Установки лидеров правых оппортунистов на развитие индивидуального крестьянского хозяйства, «теория» мирного вращивания кулака в социализм, игнорирование работы с беднотой ставили задачу отстоять позиции кулака и подорвать политику коллективизации.

Правооппортунистическая теория находила практическое применение в работе некоторых партийно-советских работников и в Курском округе в период коллективизации.

Так, окружком ВКП(б) в феврале 1930 года вынужден был снять с работы руководство Колпнянского райкома ВКП(б) за правооппортунистическую практику в колхозном движении, когда работники этого района проводили коллективизацию без подготовительной работы с беднотой,

^{*)} Краткий курс истории ВКП(б), стр. 290—291.

игнорируя бедноту. В результате некоторые бедняки иногда выступали вместе с кулаками против мероприятий партии, проводимых в деревне. Имели место случаи, когда под влиянием кулацкой агитации беднота отменяла принятые ею ранее решения о переходе на колхозный путь. Во время хлебозаготовок работники района стремились выкачать хлеб у середняков и бедняков. Кулаков, саботировавших сдачу хлеба государству, оставляли безнаказанными, мотивируя это тем, что «в этой деревне кулаков нет».

Не случайно, что в Колпнянском районе во время раскулачивания имели место факты, когда руководство колхоза предлагало кулаку откупиться от раскулачивания: «Ты внеси 100 рублей вклада и мы раскулачивать тебя не будем», — говорил председатель одного колхоза кулаку*).

Массовая коллективизация по-новому ставила вопрос о работе Советов в деревне.

В период сплошной коллективизации в партии оказались люди, не сумевшие разобраться в новой обстановке и сделать правильные политические выводы, или просто скрытые троцкисты, которые стремились противопоставить колхозы Советам, заменить сельские Советы правлениями колхозов, передать функции сельсоветов правлениям колхозов и ликвидировать, таким образом, Советы в деревне. При этом эти люди считали, что замена Советов правлениями колхозов должна явиться началом отмирания советского государства. Это была троцкистско-бухаринская политика ликвидации Советов, вытекавшая из антиленинской теории потухания классовой борьбы, выгодная классовому врагу и враждебная партии и советскому государству.

Болтовня об отмирании государства встретила решительный отпор со стороны партии. «Сильная и мощная диктатура пролетариата, — говорил И. В. Сталин, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять впрах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации». «Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения...»**).

В постановлении ЦИК СССР от 25 января 1930 г. гово-

*) Из доклада секретаря ОК ВКП(б) на VII пленуме окружкома «Курская правда» от 6 марта 1930 года.

**) И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 394.

рилось, что Советы в деревне должны стать органами, мобилизующими активность широких батрацко-бедняцких и середняцких масс для переустройства всей жизни деревни на социалистической основе, что основным содержанием работы сельсоветов в связи с массовой коллективизацией является их активное участие в составлении производственных планов колхозов и их выполнении, в налаживании правильной организации труда и в контроле за выполнением колхозами всех их обязательств перед советским государством (налоги, хлебозаготовки, контрактация и т. д.).

Коллективизация сельского хозяйства имела величайшее значение как для построения социализма в нашей стране, так и для укрепления ее обороноспособности. Она ликвидировала корни капитализма в деревне, переводя мелкотоварное единоличное крестьянское хозяйство, рожающее капитализм, на социалистические рельсы. Она создала экономическую базу для изжития мелкобуржуазной психологии крестьянских масс.

Партия большевиков дала образец блестящего разрешения аграрно-крестьянского вопроса, нашла путь вовлечения крестьянских масс в дело социалистического строительства и показала всем братским коммунистическим партиям, как это нужно делать.

Благодаря колхозам, сельское хозяйство нашей страны могло справиться с громадными трудностями снабжения армии и населения продовольствием в период Великой Отечественной войны Советского Союза с немецко-фашистскими захватчиками. «Не будь у нас колхозов, сельское хозяйство пришло бы во время войны в полный упадок и оставило бы армию и страну без продовольствия. Только благодаря колхозам наше сельское хозяйство с честью справились с задачами военного времени»^{*)}).

III. ИСКРИВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ В КОЛХОЗНОМ ДВИЖЕНИИ В КУРСКОМ ОКРУГЕ И БОРЬБА С НИМИ

В ходе массовой коллективизации в Курском округе имели место искривления линии партии и нарушения директив ЦК ВКП(б) по колхозному строительству.

В своем историческом постановлении от 5-го января 1930

^{*)} «Правда» от 2 февраля 1946 г.

года ЦК ВКП(б), учитывая разнообразие экономических и политических условий в различных районах СССР и неодинаковую степень подготовленности различных областей к массовой коллективизации, определил различные темпы и сроки коллективизации для различных краев, областей Советского Союза.

Согласно этому постановлению, Курский округ, как составная часть Центрально-Черноземной области, входил во вторую группу зерновых районов, в которых коллективизация сельского хозяйства в основном должна была закончиться весной 1932 года.

Однако, увлеченные успехами коллективизации, работники округа и районов погнались за дутыми цифрами коллективизации и решили закончить полностью коллективизацию округа в 1930 году.

Если на 1 ноября 1929 года в колхозы вступило до 6 проц. всех крестьянских дворов округа, то в дальнейшем имели место такие сдвиги в коллективизации:

на 1 января 1930 г. колхозы объединяли уже 24,8% хоз.

на 1 февраля 1930 г. колхозы объединяли уже 37,1% хоз.

на 1 марта 1930 г. колхозы объединяли уже 91,5% хоз.

В начале декабря 1929 года, когда в округе колхозами было охвачено около 8 процентов крестьянских дворов, VI пленум Курского окружкома ВКП(б), а затем президиум окрисполкома приняли решение—коллективизировать в период весенней посевной кампании 1930 года 50 процентов крестьянских хозяйств округа, а в трех районах округа — Щигровском, Тимском и Солнцевском — провести сплошную коллективизацию.

Готовясь к январскому пленуму окрисполкома, окружные работники в тезисах доклада «О задачах колхозного строительства в округе» выдвинули уже новую задачу: в 1930 году коллективизировать 65 процентов крестьянского населения, а в пяти районах — Щигровском, Тимском, Солнцевском, Обоянском и Фатежском — провести сплошную коллективизацию.

Пленум окрисполкома собрался 14 января 1930 года. Прошло несколько дней с момента составления тезисов и уже на самом пленуме вносится «поправка»: пленум выносит решение объявить все районы округа районами сплошной коллективизации, а коллективизацию Курского округа полностью закончить в течение 1930 года.

19-го января 1930 г. пленум Курского ОК ВКП(б) дает установку: «догнать и перегнать другие округа области».

Если в 1929 году при составлении пятилетнего плана колхозного строительства, а затем плана на 1930 год окружные работники исходили из реальной жизни и строили свои планы на основе здоровых успехов колхозного движения, то уже в январе 1930 года окружные работники забежали вперед и стремились, как бы подтолкнуть коллективизацию. Это и была подмена действительного движения декретированием, игрою в коллективизацию.

Следуя их примеру, районы стремились перегнать друг друга. Так, в Золотухинском районе на 1 февраля было коллективизировано 14 процентов крестьянских хозяйств, на 10 февраля — 56, на 20 — 76 процентов. За двадцать дней было коллективизировано 62 процента крестьянских хозяйств.

В погоне за большими цифрами коллективизации в округе был нарушен принцип добровольности, которая была заменена принуждением. В некоторых селах середняков и бедняков и даже учителей насильно заставляли вступать в колхозы, угрожая арестом, раскулачиванием и лишением избирательных прав.

В селе Озерки Щигровского района при ликвидации кулаков раскулачили и середняка, в прошлом батрака, Михайлова Никиту Ивановича, забрали у него имущество и лишили права голоса. А затем перегибщики оправдывались: «лес рубят, щепки летят».

Такая практика раскулачивания и такие методы коллективизации могли бы оттолкнуть трудящиеся массы крестьянства от советской власти и давали возможность кулакам использовать искривления в борьбе против колхозов. Отрицательные результаты такой «коллективизации» сказались в том, что наскоро возникшие колхозы стали быстро разваливаться, а часть крестьян, относившихся сначала с доверием к колхозам, стала отворачиваться от них.

Таковы результаты нарушения принципа добровольности при построении колхозов. И. В. Сталин в своем «Ответе товарищам колхозникам» писал:

«Ленинизм учит, что крестьян надо переводить на рельсы коллективного хозяйства в порядке добровольности, путем убеждения в преимуществах общественного, коллективного хозяйства перед хозяйством единоличным. Ленинизм учит, что убедить крестьян в преимуществах коллективного хозяй-

ства можно лишь в том случае, если будет показано и доказано на деле, на опыте, что колхоз лучше единоличного хозяйства, что он выгоднее единоличного хозяйства, что колхоз дает выход крестьянину, бедняку и середняку, из нужды и нищеты. Ленинизм учит, что вне этих условий колхозы не могут быть прочными. Ленинизм учит, что всякая попытка навязать силой колхозное хозяйство, всякая попытка насадить колхозы в порядке принуждения может дать лишь отрицательные результаты, может лишь оттолкнуть крестьян от колхозного движения»^{*)}).

Таким образом, нарушение принципа добровольности при создании колхозов явилось одним из главных искривлений политики партии в колхозном движении.

Искривления линии партии выражались также в головотяпском перескакивании через сельскохозяйственную артель к коммуне, в стремлении обобществить не только основные средства производства, но и мелкий скот, домашнюю птицу, приусадебные земли и домашние вещи, что вызывало недовольство крестьян.

В ряде директив окружкома по коллективизации райкомам партии подчеркивалась необходимость создания коммун.

Кулак, провоцируя отдельных работников на поголовное обобществление скота, в то же время втихомолку, а в некоторых деревнях и открыто, вел агитацию за убой скота. Началось массовое истребление скота: коров, овец, свиней, птицы. Экономический и политический вред получился огромный.

В «Ответе товарищам колхозникам» И. В. Сталин писал: «Некоторые наши товарищи, опьяненные первыми успехами колхозного движения, благополучно забыли и об указаниях Ленина, и о постановлении ЦК. Вместо организации массового движения за сельскохозяйственную артель эти товарищи стали «переводить» крестьян-единоличников прямо на устав коммуны. Вместо закрепления артельной формы движения стали «обобществлять» в принудительном порядке мелкий скот, птицу, нетоварный молочный скот, жилые постройки. Результаты этой непозволительной для ленинца торопливости известны теперь всем. Устойчивых коммун, как правило, конечно, не создали. Но зато выпустили из рук ряд сельскохозяйственных артелей. Правда, остались «хорошие» резолюции. Но какой в них толк?»^{**)}).

^{*)} И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 306—307.

^{**)} И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 310.

Искавления выражались, далее, в «гигантомании», т. е. в стремлении построить сверхкрупные колхозы, колхозы-гиганты, объединявшие в один колхоз десятки сел и деревень.

В январе 1930 года пленум Курского окрисполкома вынес решение: «средний размер крупного колхоза не должен быть ниже 2000—3000 гектаров и при окончательном организационном оформлении его размеры необходимо довести до 9—12 тысяч га»^{*)}).

Следуя этому указанию, в районах начали «соревноваться». Так, уже 27 января 1930 года Тимской район в своем информационном отчете о ходе подготовительных работ к весенней посевной кампании мог «похвалиться», что в районе созданы три колхоза-гиганта: в Засемьевском сельсовете слили в один колхоз 7 колхозов, на площади в 4.700 гектаров; в Пузачинском сельсовете — 6 колхозов на площади 4.600 гектаров; в Погожинском сельсовете слили в один колхоз 10 колхозов на площади в 4.200 гектаров ^{**)}).

Щигровский райком ВКП(б), не желая уступить «первенства» в этом деле Тимскому району, принял решение: «к 1 мая 1930 года коллективизировать 100 процентов бедняцко-средняцких хозяйств района, которые должны быть объединены в шесть колхозов-гигантов:

1. Охочевский	на площади	23.465 га	с населением	19.206 чел.
2. Щигровский	»	22.146	»	18.880 »
3. Мелехинский	»	27.164	»	23.687 »
4. Коссоржанский	»	14.673	»	12.171 »
5. Черемисиновский	»	28.028	»	24.237 »
6. Стакановский	»	23.446	»	21.340 ^{***)})

Уже в начале февраля Окрколхозсоюз в своем отчете о проведении подготовительных мероприятий к весенней сельскохозяйственной кампании сообщал, как о крупнейшем достижении, что в Коссоржанском сельсовете слились в один колхоз 25 колхозов на площади 23.000 гектаров, черемисиновский колхоз-гигант создан на площади 37.000 гектаров, в районе деятельности Охочевской МТС образовалась коммуна с площадью в 32 000 гектаров, фатежский гигант имел 60 000 гектаров земли^{****)}).

*) Курский областной государ. архив, ф. 1043, д. № 53.

**) Курский областной государ. архив, ф. 1043, д. № 90.

***) Решение напечатано в «Курской правде» от 7 января 1930 г.

****) Курский областной государ. архив, ф. 1043, д. № 90.

В Золотухинском районе был создан колхоз-гигант на площади 72.000 гектаров, объединивший 16 сельсоветов с 80 населенными пунктами.

Естественно, что с созданием колхозов-гигантов вставал вопрос об управлении такими колхозами. Как же решался этот вопрос? Нельзя сказать, что работники на местах не сознавали всей сложности этого дела, но решение его представляли себе очень туманно. С созданием в Фатежском районе колхоза-гиганта, объединившего 11 сельсоветов с 25.000 человек населения, предполагалось, что колхоз должен быть разбит на несколько хозяйственных единиц (9—10), которые, в свою очередь, должны делиться на хозяйственные ячейки масштаба села, деревни, возглавляемые колхозным активом. Такие хозяйственные ячейки должны были работать под общим руководством правления колхоза-гиганта.

Понятно, что из этой бюрократической затеи ничего не получилось. Колхозы-гиганты еще до весенней посевной кампании развалились, как карточный домик.

Перегибы и искривления линии партии были использованы кулачеством, которому удалось в некоторых селах поднять крестьян на антиколхозные и антисоветские выступления. В результате перегибов имел место отлив крестьян из колхозов, распад многих колхозов, создавалась опасность срыва коллективизации, подрыва классовой основы советского государства — союза рабочего класса и крестьянства.

На 1 мая 1930 года коллективизация в округе составляла только 9,9 процента вместо 91,5 процента на 1 марта 1930 года.

Ошибки и перегибы в колхозном движении были своевременно вскрыты товарищем Сталиным и ЦК ВКП(б).

По поручению Центрального Комитета партии товарищем Сталиным была написана статья «Головокружение от успехов». В этой статье И. В. Сталин указал на недопустимость административного нажима при строительстве колхозов, подчеркнул необходимость соблюдать добровольность при вступлении крестьян в колхозы, напоминал, что основной формой колхозного строительства на данном этапе является сельскохозяйственная артель, а не коммуна. Товарищ Сталин квалифицировал стремление местных работников обобществить все, в том числе приусадебные земли, жилые постройки, мелкий скот, домашнюю птицу, как головотяпское перескакивание через артель к коммуне.

Эта статья товарища Сталина имела огромное политическое значение. Она нанесла сильный удар по классовому

врагу, рассчитывавшему на то, что на почве перегибов ему удастся поднять крестьян против Советской власти. Статья внесла успокоение в крестьянские массы, убедившиеся в том, что линия партии не имеет ничего общего с головотяпскими перегибами, допускавшимися на местах. Указания товарища Сталина ориентировали партийные организации на путь исправления допущенных ими ошибок и перегибов в колхозном движении.

Эта статья, вскрывавшая глубину и размеры ошибок, явилась, по выражению товарища Сталина, «глубокой разведкой ЦК». После этого ЦК ВКП(б) опубликовал свое знаменитое постановление от 15 марта 1930 года «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении».

ЦК партии обязал партийные организации немедленно исправить допущенные ими ошибки, а «работников, не умеющих или не желающих повести решительную борьбу с искривлениями партийной линии, смещать с постов и заменять другими»^{*)}.

3 апреля 1930 года была опубликована другая статья товарища Сталина «Ответ товарищам колхозникам», в которой был вскрыт корень ошибок в крестьянском вопросе, показаны главные ошибки в колхозном движении, намечены пути их исправления и ближайшие практические задачи колхозов в области организационно-хозяйственного укрепления их, проведения весеннего сева и расширения посевных площадей колхозов.

Эта статья дала глубокий и ясный ответ на все недоуменные вопросы, возникшие у практиков колхозного строительства. Она помогла партийно-советским работникам быстрее исправить допущенные ими ошибки и перегибы в колхозном движении.

«Нужна была, — говорил И. В. Сталин, — величайшая твердость Центрального Комитета, умение его пойти против течения, чтобы во-время повернуть на правильный путь значительную часть партийных кадров, которая, увлекшись успехами, катилась стремглав вниз, в сторону от партийной линии»^{**)}.

Как же исправлялись допущенные искривления партийной линии в колхозном движении Курского округа?

Не подлежало ни малейшему сомнению, что после решения ЦК ВКП(б) и статей И. В. Сталина главной задачей

^{*)} ВКП(б) в резолюциях, часть II, стр. 663.

^{**)} Краткий курс истории ВКП(б), стр. 296.

партийной работы в деревне являлось решительное и последовательное исправление всех допущенных извращений, ошибок и перегибов в колхозном строительстве.

Курский окружком ВКП(б) на своем пленуме от 13 апреля 1930 года вскрыл и признал свои ошибки в колхозном строительстве, выразившиеся, во-первых, в нарушении принципа добровольности при вступлении крестьян в колхозы; во-вторых, в создании колхозов-гигантов; в-третьих, в перекачивании через артель в коммуну и, в-четвертых, в распространении мер раскулачивания на середняцкие хозяйства.

Окружком ВКП(б) отменил свое прежнее постановление о сроках сплошной коллективизации в округе, а также директивы «догнать и перегнать другие округа области» и о создании коммун. Окружком ВКП(б) предложил всем райкомам и деревенским партиейкам руководствоваться в этих вопросах указаниями Центрального Комитета партии.

Еще раньше, 22 марта 1930 года, по докладу Золотухинского райкома партии бюро окружкома ВКП(б) приняло решение, в котором отмечались «крупнейшие политические извращения, допущенные Н.-Смородинской партиейкой Золотухинского района и рядом уполномоченных и выразившиеся в том, что меры по раскулачиванию были применены к середняцким хозяйствам, хозяйствам бывших красноармейцев и учителей. Имели место случаи недопустимо грубого администрирования при проведении коллективизации. Применялись запугивания, угрозы и в отдельных случаях аресты бедняков и середняков за нежелание вступить в колхоз... И этим дискредитировали партию и власть, оттолкнули от себя массы и способствовали кулакам использовать эти искривления и преступления в борьбе против колхозов»^{*)}).

Окружком ВКП(б) снял с работы руководителей Солнцевской районной парторганизации, допустивших крупные искривления линии партии в колхозном строительстве.

Были пересмотрены списки раскулаченных и возвращено экспроприированное имущество 4605 хозяйствам; из них 3860 середняцким хозяйствам, 439 хозяйствам семей красноармейцев, 44 хозяйствам партизан, 70 хозяйствам учителей и агрономов.

Окружком ВКП(б) провел большую работу по организации и проведению разъяснительной работы и ознакомлению всех коммунистов и беспартийных крестьян со статьями

^{*)} «Курская правда» от 25 марта 1930 года.

товарища Сталина. В этом деле большую роль сыграла окружная газета «Курская правда», на страницах которой разоблачались перегибы в колхозном строительстве. «Курская правда» критиковала тех работников, которые плохо исправляли свои ошибки, и организовывала коммунистов, комсомольцев и беспартийных колхозных активистов на укрепление колхозов и подготовку их к весеннему севу.

2 апреля 1930 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о налоговых льготах колхозам и колхозникам. Это постановление послужило огромнейшим стимулом к возвращению крестьян в колхозы. После опубликования этого постановления начался новый прилив крестьян в колхозы.

Но это был уже здоровый рост колхозов. В колхозы принимались крестьяне, подавшие индивидуальные заявления, а не в порядке решения общих собраний. Теперь крестьянин обдуманно и самостоятельно решал вопрос о своей дальнейшей судьбе и если решал вступить в колхоз, то окончательно рвал со своим индивидуальным хозяйством.

Как развивалась коллективизация и каково было ее состояние в округе после исправления перегибов к началу весеннего сева 1930 года? Следующая таблица дает представление в этом отношении:

Даты	Количество колхозов	Число хозяйств в них.	% коллек- тивизации	Площадь посева в гектарах
На 1/X — 1927 г.	94	1070	0,6	7.384
На 1/X — 1928 г.	229	3261	1,8	24.603
На 1/X — 1929 г.	517	9800	5,3	75.752
На 1/III — 1930 г.	неизвестно	169.188	91,5	сева еще не было
На 1/V — 1930 г.	404	15.506	9,9	125.590 (по плану)

Таким образом, после отлива из колхозов процент коллективизированных крестьянских хозяйств к началу весеннего сева 1930 года оказался почти в два раза выше, чем на 1 октября 1929 года. Это был нормальный и здоровый рост.

IV. ПЕРВАЯ КОЛХОЗНАЯ ВЕСНА И НОВЫЙ РОСТ КОЛХОЗОВ

В результате исправления ошибок и перегибов в колхозном движении и массово-разъяснительной работы началось

постепенное возвращение крестьян в колхозы, перед партийной организацией округа во всем объеме встала основная решающая задача — подготовка и проведение весеннего сева. И хотя колхозный сектор деревни должен был по плану посеять весной 1930 года только 8,5% посевной площади округа, весенний сев для колхозов приобретал огромное не только хозяйственное, но и политическое значение.

Сев проходил в обстановке продолжавшегося исправления ошибок и перегибов в колхозном строительстве, в обстановке бешеной борьбы против колхозов кулачества, снова поднявшего голову. К севу было приковано внимание всей окружной партийной организации и беспартийного советского актива. Многие крестьяне впервые проводили сев коллективно. Колхозы, как социалистический тип хозяйства, показали свое преимущество перед единоличным крестьянским хозяйством.

Практическая задача колхозов заключалась в том, чтобы расширить посевные площади, правильно организовать сев и добиться повышения урожайности. Работе по организации сева были подчинены все другие работы в колхозах.

Чтобы осуществить эту практическую задачу, надо было обратить внимание колхозных работников на решение хозяйственных вопросов колхозного строительства и организационного оформления колхозов. Необходимо было, далее, создать в колхозах широкий беспартийный актив и привлечь к руководящей работе в колхозах лучших людей из середняков, среди которых имелись хорошие хозяева, и дать им возможность проявить свои хозяйственные способности в колхозном строительстве. Надо было, наконец, развернуть политическую и организаторскую работу среди крестьянок, которые должны были сыграть огромную роль в колхозном строительстве и стать величайшей силой в колхозах. Работа среди крестьянок явилась слабым звеном в работе окружной партийной организации, что в значительной степени облегчало кулаку возможность вести за собой крестьянку. Этот недостаток нужно было скорее ликвидировать.

Таковы условия, от выполнения которых зависело успешное проведение сева в колхозах. За успешное осуществление их и взялась окружная партийная организация.

Из практических задач подготовки к весеннему севу исключительное значение, прежде всего, имело создание семенного фонда в колхозах. Трудность в решении этой задачи заключалась в том, что крестьянские хозяйства, оставшиеся в

колхозах после отлива, не могли полностью обеспечить колхозы семенным материалом.

Еще в конце декабря и в начале января, когда еще не было погони за дутыми цифрами коллективизации и имел место здоровый рост колхозов, партийная организация занялась вопросом создания семенного фонда для колхозов. Решено было собрать семена методом подворной раскладки: бедняцкое хозяйство, освобожденное от сельхозналога, должно было внести один пай, хозяйство, платящее сельхозналог до 10 рублей, — два пая и свыше 10 рублей — три пая. Размер пая устанавливался в зависимости от потребности колхоза в семенном материале. Этот метод в основном был применен и после отлива крестьян из колхозов. Таким образом удалось полностью обеспечить колхозы семенами для весеннего сева.

Второй важной практической задачей явилось обеспечение колхозов тягловой силой. Живого тягла (лошадей и волов) в колхозах было недостаточно. На весь округ имелось всего 45 тракторов, которые были сосредоточены, главным образом, в Охочевской машинно-тракторной станции. Решено было при поддержке государства создать 40 машинно-конных станций. К 25 января 1930 г. удалось уже организовать 16 таких станций. На помощь пришло советское правительство, которое за период подготовки к весеннему севу завезло в Курский округ 123 трактора и значительное количество сельскохозяйственных машин: плугов 21.305, культиваторов 1.747, сеялок 1.269, сортировок 706, триеров 230.

Кроме того, было завезено минеральных удобрений всех видов в количестве 194.513,5 центнера, в том числе фосфоритной муки 175.535,5 центнера, что должно было способствовать повышению урожайности.

Государственными и кооперативными органами в колхозах было создано 30 мастерских и 20 кузниц по ремонту сельскохозяйственного инвентаря.

Все это вместе взятое обеспечило колхозам дружное проведение весеннего сева и способствовало их хозяйственному укреплению.

Весенний сев 1930 года в Курском округе начался 4—10 апреля. По плану в округе надо было посеять 596.611 гектаров всех яровых культур, из них на долю колхозного сектора приходилось 48.573 гектара. Если принять во внимание, что после отлива крестьян из колхозов в Курском округе к весеннему севу осталось 404 колхоза, то на каждый колхоз в сред-

нем приходилось 120 гектаров весеннего сева. В условиях становления колхозов эта цифра являлась значительной.

Весенняя посевная кампания 1930 года еще раз наглядно показала преимущество колхозов перед единоличным крестьянским хозяйством. Колхозный сектор перевыполнил план сева, а единоличный выполнил его только на 95 проц.

В некоторых районах округа колхозы значительно перевыполнили план сева: в Фатежском районе колхозы выполнили план сева на 145 проц., в Обоянском — на 124 проц., в Золотухинском — на 119 проц., в Курско-пригородном — на 106 проц. Это значит, что колхозы расширили посевную площадь и могли дать государству больше хлеба. Это значит, что коллективный труд дал возможность успешно преодолеть трудности, встретившиеся на севе, а единоличники не могли полностью справиться с этими трудностями.

Благодаря помощи со стороны государства и росту колхозов, посевные площади в округе значительно расширились. Это видно из следующей таблицы:

Годы	Площадь посева (в га)	В % к 1927 г.
1927 год	800.886	100,0
1929 год	819.306,4	102,3
1930 год	919.313	114,8

Одновременно с ростом посевных площадей происходят и крупные сдвиги в области внедрения трудоемких технических культур и структура посевных площадей изменяется следующим образом:

Культуры	Посеяно в 1927 г. (в га)	В ‰ ко всей площади	Посеяно в 1930 году (в га)	В ‰ ко всей площади	1930 г. в ‰ к 1927 г.
Вся площадь	800.885		913.313		114,0
В том числе:					
Зерновых	684.757	85,5	709.001	77,1	103,5
Сахарной свеклы	2.403	0,3	16.188	1,8	421,0
Конопля	29.633	3,7	38.359	4,2	128,9
Картофеля	60.066	7,5	76.335	8,3	127,7

Таким образом, при общем расширении посевных площадей на 14,8 проц. посевы зерновых увеличились только на

3,5 проц., посевы конопли—на 28,9 проц., посевы картофеля—на 27,79 проц., а посевы сахарной свеклы увеличились в 4 с лишним раза. Сахарная свекла становилась основной технической культурой в Курском округе, что обеспечивало создание сырьевой базы для развития сахарной промышленности в округе.

Колхозы выдержали первый экзамен: выполнили и перевыполнили план весеннего сева. Начался уход за посевами, где колхозы также лучше справились с задачей, чем единоличники.

К 15 июля 1930 г., т.е. к началу уборки урожая, экспертная комиссия Окрплана следующим образом определила состояние посевов и виды на урожайность в совхозах, колхозах и единоличных хозяйствах Курского округа:

Наименование культур	Урожайность (валовой выход) с гектара в центнерах		
	Совхозы	Колхозы	Единоличники
Озимая рожь	14	10,8	10,2
Озимая пшеница	14	11,9	10,5
Овес	13	10,5	9,5
Гречиха	9,8	7,9	7,9 *)

Таблица показывает, что совхозы и колхозы, как социалистический тип хозяйства, добились более высокой урожайности, нежели единоличные крестьянские хозяйства. Крестьяне лишним раз убедились в преимуществе крупного социалистического земледелия перед мелким индивидуальным хозяйством. Это не могло не отразиться на отношении крестьян к колхозам.

Организованно проведенный весенний сев, более высокие виды на урожай и начавшаяся успешно уборка урожая в совхозах и колхозах вызвали новый прилив крестьян в колхозы. Об этом говорят следующие факты.

Артель «Свободный труд» Фатежского района в период массовой коллективизации выросла до 507 дворов. В результате перегибов артель распалась, — в ней не осталось ни одного двора: лошадей, инвентарь, семенной материал растащили. Наступила весна, начался сев. Беднейшие крестьяне увидели, что в одиночку им не удастся справиться с возник-

*) «Курская правда» от 20 июля 1930 года.

шими трудностями. В результате 107 дворов записались в колхоз и совместно провели весенний сев.

В Медвенском районе, начиная с июля месяца, ежедневно вступало в колхозы от 10 до 15 дворов.

Колхоз имени Ворошилова Щигровского района в марте насчитывал 160 дворов. После отлива в нем осталось 90 дворов. Колхоз успешно справился с весенним севом. Урожай получился хороший. Видя колхозные успехи, бедняки и середняки снова пошли в колхоз. Перед уборкой урожая правление и общее собрание колхоза не успевали разбирать заявления о приеме: их было подано до 200. К 15 июля в колхозе уже состояло 256 хозяйств.

Колхоз «Путь Ленина» Мелехинского сельсовета Щигровского района к началу весеннего сева насчитывал 40 дворов. Сев был проведен с большим подъемом, по-большевистски. Когда настала пора жатвы, в колхозе уже было 117 хозяйств. Успешная уборка дала новый прилив бедняков и середняков в колхоз. К началу августа в колхозе уже состояло 170 хозяйств. Таким образом, за период сева и уборки колхоз вырос по количеству членов в 4 с лишним раза.

В Щигровском районе посевы ржи и овса сортовыми семенами на колхозных полях дали урожай на 35 — 40 проц. выше, чем посевы рядовыми семенами тех же хлебов в единоличных хозяйствах. Во время уборочных работ начался новый прилив в колхозы единоличников. Многие хозяйства, вышедшие в марте из колхоза, в уборочную кампанию снова влились в ряды колхозников и приступили к совместной уборке.

За первые дни уборки урожая чаховский колхоз Медвенского района вырос на 12 дворов, а драчевский — на 16 дворов. Колхоз «Победа» Поныровского района вырос за несколько дней на 27 дворов.

По уборке урожая колхозы шли впереди единоличного сектора. Успешная уборка явилась хорошей агитацией за колхозы. Поэтому имел место не только прилив крестьян в уже существующие колхозы, но и одновременно создавались новые колхозы.

Во второй половине июля в Фатежском районе сразу возникло три новых колхоза: в Архангельском сельсовете организовался колхоз из 18 дворов, в Кромском сельсовете по инициативе наиболее передовых бедняков и середняков организовался колхоз из 22 дворов, в Хмелевском сельсовете

организовался новый колхоз, в который вступило 23 бедняцких и середняцких хозяйства. В Сухочевском сельсовете Фатежского района за первые три дня августа возник новый колхоз из 40 хозяйств.

Таким образом, дружно проведенный весенний сев в колхозах более высокий, нежели у единоличников, урожай и организованно начавшаяся уборка урожая подняли авторитет колхозов в глазах крестьянских масс, способствовали организационно-хозяйственному укреплению колхозов и вызвали новый рост колхозов. Колхозы выдержали второй экзамен: вырастили хороший урожай.

Начался третий этап работы в колхозах — уборка урожая и сдача хлеба государству. Колхозы развернули социалистическое соревнование. В результате, к августу почти все колхозы округа закончили уборку озимых, начали обмолот и сдачу хлеба государству. К ссыпным пунктам потянулись красные обозы с хлебом нового урожая. Колхозы сдавали хлеб государству по контрактационным договорам. Соревнуясь по хлебосдаче, многие колхозы выполнили свои контрактационные договоры к сентябрю 1930 года.

Не только валовой сбор, но и процент выхода товарного хлеба у колхозников оказался выше, чем у единоличников. Колхоз имени Сталина в деревне Пашково Курского района, насчитывавший 43 двора, дал государству вдвое больше хлеба, чем 88 дворов всей этой деревни до создания колхоза.

Многие колхозы, в результате успешного проведения сельскохозяйственного года, стали крепко на ноги.

Колхоз «Путь к социализму» Щигровского района, насчитывавший 63 двора, убрал разных культур 288 гектаров и засеял озимых под урожай 1931 года 77 гектаров. Все зерновые посевы в колхозе убраны за 15 дней. Рожь и пшеница убраны и обмолочены за 8 дней. По сравнению с 1929 годом колхоз добился повышения урожайности зерновых на 40 проц. и расширил посевную площадь на 18 проц. Государству колхоз дал 550 центнеров зерна, 30 центнеров семян клевера, 2000 центнеров сахарной свеклы, 1000 центнеров картофеля, 100 центнеров капусты и 200 центнеров других огородных культур. Валовой доход колхоза от полеводства, огородничества и садоводства выразился в 40 тыс. рублей (в ценах 1926—1927 годов). К 1 октября колхоз покрыл все платежи по кредиту и имел 5 тыс. рублей чистой прибыли. За один 1930 год колхоз выстроил общую конюшню и свинарник на

150 голов свиней, расширил кирпичный завод и построил плодоовощную сушилку. Во время уборки и осеннего сева колхоз оказал помощь 20 бедняцким хозяйствам единоличников, убрав 55 гектаров и обмолотив 1000 копен хлеба. В результате эти хозяйства вступили в колхоз. Это был крупный успех коллективного труда.

Другой пример: сельскохозяйственная артель «Искра» Солнцевского района организовалась в январе 1930 года. После отлива и нового прилива в артели насчитывалось 223 двора: бедняцких 99, середняцких 121 и батрацких 3. В период весеннего сева артель засеяла 448,5 гектара яровых и огородных культур, расширив посевную площадь на 35 гектаров сверх плана. Колхозники вырастили хороший урожай: пшеница дала 15 центнеров с гектара, рожь — 12 центнеров, овес — 13 центнеров, гречиха и просо — 7 центнеров, сахарная свекла — 200 центнеров. По огородным культурам: капуста — 200 центнеров, помидоры — 33 центнера с гектара. Валовая продукция составила: зерновых культур 7.801,5 центнера, сахарная свекла 8.334 центнера и огородных культур 1.033 центнера. После расчета с государством и кооперативными организациями по контрактационному договору, артель выдала своим членам значительное количество хлеба: колхозник, бывший бедняк, М. Д. Бойденев получил при расчете 318,5 пудов хлеба, не считая овощей. Бывшие бедняки-единоличники, не имевшие возможности обеспечить себя хлебом до нового урожая, теперь, работая артелью, с избытком имели хлеб на весь год и, кроме того, государству сдавали больше хлеба. В этом проявилось преимущество коллективного труда.

Колхозы округа, засеявшие в 1930 году только 8,5 проц. всей земельной площади, не считая совхозов, дали государству 25 проц. всей товарной продукции зерна в округе. Это был крупный успех. Сельское хозяйство округа пережило величайший перелом. Бедняцко-середняцкие массы крестьян повернули на путь социализма.

Колхозы явились новым типом хозяйства, невиданным в истории человечества и впервые открытым опытом социалистического строительства в СССР. «Колхозы, как тип хозяйства, есть одна из форм социалистического хозяйства». (Сталин). Колхозы явились таким типом сельского хозяйства, где основные орудия производства обобществлены, а земля принадлежит государству; где нет эксплуататорских классов — помещиков и кулаков, а хозяином является колхозное

крестьянство, свободное от эксплуатации. Колхозы выросли в ожесточенной борьбе с кулаками. Эта борьба окончилась ликвидацией кулачества как класса, уничтожением самого многочисленного эксплуататорского класса в нашей стране, являвшегося оплотом реставрации капитализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К кануну Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии колхозная деревня Курской области достигла гигантских успехов.

Вместо сотен тысяч мелких единоличных крестьянских хозяйств в Курской области было создано свыше 5 500 крупных социалистических хозяйств — колхозов, засевавших в 1940 году 99,82 процента всей земельной площади колхозно-крестьянского сектора.

На колхозных полях работало несколько тысяч тракторов. Коллективизация дала возможность вести сельское хозяйство на основе агрономической науки, что обеспечило получение высоких урожаев и, следовательно, обеспечило получение государством большего количества хлеба, овощей, продуктов животноводства и сырья для промышленности.

Если в бывшей Курской губернии средняя урожайность за 1898 — 1913 годы на крестьянских землях составляла по ржи 10,4 центнера с гектара, по пшенице — 11,9, по овсу — 9,8, по ячменю — 10,9, по подсолнуху — 9,4 центнера с гектара, то в Курской области средняя урожайность уже в 1937 году по тем же культурам в колхозном секторе составляла: 13,2; 12,3; 11,5; 12,7; 10,3 центнера с гектара. Произошло коренное улучшение материального положения колхозного крестьянина. Уже в 1937 году колхозники получали в среднем на трудодень от 5 до 10 килограммов хлеба, не считая овощей и денег. В области имелось много колхозов, где выдача хлеба на трудодень в несколько раз превышала действительные потребности колхозной семьи. Колхозники области стали производить многочисленные закупки промышленных товаров, строить новые дома. Колхозы стали строить собственные электростанции, радиоузлы, клубы, школы, детсады, ясли, бани и т. д.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства заложила основы для ликвидации противоположности между городом и деревней. Широкая сеть МТС, совхозов и колхозов, рост машинного парка привели к созданию на селе-

многочисленного отряда специалистов: механиков, трактористов, агрономов, зоотехников и пр., потребовали подъема культурного уровня, а также технических и агрономических знаний у рядовых колхозников, превращая сельскохозяйственный труд в разновидность индустриального труда.

Сельское хозяйство области стояло на крепкой социалистической основе.

Немецко-фашистские захватчики, оккупировавшие почти всю Курскую область, нанесли сельскому хозяйству тягчайший урон.

«В Курской области немцы разрушили 5 220 колхозов; сожгли и уничтожили в них 80 тысяч строений; отобрали 280 тысяч голов крупного рогатого скота, 320 тысяч лошадей, 250 тысяч свиней, 420 тысяч овец и коз, 1 300 тысяч голов разной домашней птицы» *).

Немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили почти все МТС. Немцы полностью уничтожили общественное животноводство. Число лошадей сократилось в 11 раз. В некоторых колхозах осталось по 2—3 лошади, да и то больные и истощенные. Большая часть тракторов была вывезена немцами в Германию или разбита. Почти полностью был уничтожен прицепной тракторный инвентарь в МТС, а также сельскохозяйственные машины и конный инвентарь в колхозах. В результате этих разрушений посевные площади в колхозах в 1943 году, после изгнания немцев, составили меньше 40 проц. довоенного. До 2 миллионов гектаров пашни не было освоено, превратилось в залежи и заросло сорняками. Были нарушены севообороты.

В условиях капитализма это явилось бы катастрофой для многих тысяч крестьянских хозяйств. Но в условиях советского строя сельское хозяйство области могло подняться и после таких тяжелых разрушений.

Еще продолжалась война, еще шли бои на территории ряда районов области, а большевистская партия и советское правительство уже принимали меры к быстрейшему восстановлению хозяйства и культуры в освобожденных районах.

По постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 года «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой окку-

*) Из сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, «Курская правда» № 184 от 15 сентября 1945 года.

нации», затем по решению Совнаркома СССР от 13 декабря 1944 года «О дополнительных мероприятиях по восстановлению и дальнейшему развитию сельского хозяйства Курской области» — область получила огромную помощь государства тракторами, сельхозмашинами, рабочим скотом, семенами, фуражом и продовольствием. Эта помощь оказывалась и в последующие годы. Она создавала необходимые условия для восстановления сельского хозяйства Курской области.

Не сломила крестьянина-колхозника и засуха 1946 года, которая была особенно тяжелой в Курской области.

Борясь за выполнение решений февральского Пленума ЦК ВКП(б) 1947 года, курские колхозники развернули живое соревнование за урожай, в котором приняли участие сотни тысяч колхозников, колхозниц, трактористов, комбайнеров и других работников сельского хозяйства. Именно это массовое движение колхозного крестьянства, воодушевленного сталинской заботой о народе, дало возможность Курской области в исключительно короткий срок преодолеть последствия засухи, расширить посевную площадь, во-время посеять яровые, применить в массовом масштабе передовую агротехнику и вырастить хороший урожай.

Вот некоторые примеры высокого урожая, завоеванного курскими колхозниками в 1947 году.

Сельскохозяйственная артель «13 лет РККА» Рыльского района вкруговую собрала по 12 центнеров ржи и ячменя, по 11 центнеров яровой пшеницы с гектара. 30 июля артель выполнила годовой план хлебопоставок, рассчиталась по натуроплате с МТС и погасила государственную ссуду *).

Звено Пелагеи Васильченко из колхоза «Светлый путь» Новооскольского района собрало урожай ячменя с площади 8,6 гектара по 31,6 центнера, ржи — по 30 центнеров **).

Звено Софьи Щеголевой из колхоза «Хлебороб» Чернянского района вырастило урожай по 30,5 центнера ржи с гектара.

Ефремовское звено Меланьи Савенковой из колхоза им. Чкалова Ивнянского района с каждого из 5,8 гектара собрало по 33 центнера ячменя***).

Звено Александры Украинской из колхоза им. Куйбышева Краснояружского района с каждого из восьми гектаров высокоурожайного участка намолотило по 30 центнеров, а

*) «Курская правда» № 142 от 20 июля 1947 г.

**) «Курская правда» от 23 июля 1947 г. № 144.

***) «Курская правда» № 144 от 23 июля 1947 года.

с каждого из 13 гектаров остальной площади — по 22,5 центнера ржи*).

Таких примеров можно было привести тысячи. Это значит, что только коллективный труд может достигнуть таких урожаев, которые недоступны для единоличного мелкого крестьянского хозяйства.

При этом надо иметь в виду, что, в результате ограбления и уничтожения немецкими захватчиками большого количества сельскохозяйственной техники, обильный урожай на полях области убирался, главным образом, вручную. Чтобы легче было представить, какие трудности преодолели курские колхозники по уборке урожая 1947 года, приведем такие данные: вручную косами и серпами они убрали 70 проц. урожая, около 40 проц. обмолотили цепами, 75 проц. сахарной свеклы выкопали вручную и больше 70 проц. всего хлеба, картофеля, сахарной свеклы перевезли на живом тягле**).

В 1947 году в Курской области развернулось соревнование за досрочное выполнение плана хлебозаготовок. Колхозы области взяли обязательство ко 2 сентября 1947 года (4-я годовщина освобождения Курской области от немецких захватчиков) выполнить годовой план хлебопоставок государству.

Курские колхозники выполнили свои обязательства и сдали государству сверх плана несколько миллионов пудов хлеба.

За получение высокого урожая в 1947 году Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Социалистического Труда 27 колхозникам и рабочим совхозов области. 726 человек награждены орденами и 2.025 — медалями Советского Союза.

*) «Курская правда» № 146 от 26 июля 1947 года.

**) Из доклада секретаря обкома ВКП(б) П. И. Доронина на XXV Пленуме Курского обкома ВКП(б). «Курская правда» № 132 от 16 июля 1947 года.

Свеклосеяние и сахарная промышленность Курской области

Г. Е. КАРПОВ.

Курская область является одним из важнейших районов свеклосахарного производства в нашей стране. По размерам свеклосеяния и сахарной промышленности Курская область занимает второе место в Советском Союзе, уступая лишь УССР, и первое место в Российской Федерации.

До Великой Отечественной войны на долю Курской области приходилось 12,5 проц. от всех посевов свеклы по СССР. В 1939/40 году сахарные заводы области дали стране 14 проц. белого сахара от общесоюзного производства.

В структуре народного хозяйства самой Курской области свеклосеянию и сахарной промышленности принадлежит весьма значительная роль; на долю сахарной промышленности в 1940 году пришлось 10,2 проц. от всей валовой продукции промышленности области.

Свеклосеяние и сахарная промышленность накладывают большой отпечаток на весь уклад сельского хозяйства свекловичных районов, усиливая степень его интенсивности, повышая культуру земледелия, а также и животноводства. Свекловичные севообороты, вводимые в большинстве районов области, способствуют повышению урожайности всех остальных сельскохозяйственных культур, а на отходах сахарного производства развивается интенсивное животноводство.

Курская область не только один из основных, но и наиболее рано сложившихся районов свеклосахарного производства в нашей стране.

Первый сахарный завод на территории Курской губернии был построен графом Бобринским в селе Михайловка в 1829 году, а через 10 лет уже действовало пять сахарных заводов, мощностью от 3 до 5 тысяч пудов сахара в год каждый.

Дешевый, в большинстве случаев бесплатный, крестьянский труд, высокие цены на сахар на рынках России и крупные премии на экспорт сахара в другие страны обеспечивали сахарозаводчикам огромные прибыли, нередко превышающие

доходы от всего остального хозяйства имений. Неудивительно, что в этих условиях среди помещиков вспыхнула своего рода «сахарная горячка».

За последнее десятилетие перед реформой 1861 года в пределах Курской губернии было построено еще 6 новых сахаропесочных заводов. Сахарные заводы на территории Курской губернии строились преимущественно в имениях, принадлежащих членам царской семьи или крупной придворной знати; так, например, Дерюгинский сахарный завод был личной собственностью царя, Крупецкой сахарорафинадный завод принадлежал князю Барятинскому, Головчанский завод — графу Толстому и т. д.

Быстрое развитие капитализма в России во 2-й половине XIX века обуславливает коренные изменения и в экономике Курской губернии. Начавшийся еще в условиях крепостнического хозяйства процесс оскудения Черноземного Центра, в пореформенный период находит свое полное завершение. В Курской губернии крестьян при «освобождении» ограбили больше, чем в других районах страны. У крестьян было отнято от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ всех ранее принадлежавших им земель. Крепостнические повинности крестьян — оброк и барщина — сохранились и после реформы 1861 года. Непосильные отработки и платежи принуждали крестьян нередко отказываться от наделов. По числу отказов от наделов Курская губерния в 70-х годах стояла на первом месте в России. Обнищавшие крестьяне вынуждены были идти в отход и на переселение. Ежегодный отход составлял от 10 до 35 проц. всего рабочего населения. Поэтому Курская область была одним из районов наиболее дешевой рабочей силы.

В этих условиях для курских помещиков было выгодно расширять свеклосеяние и сахарное производство. В пореформенный период происходит дальнейший рост количества и размеров свеклосахарных заводов. Только в 90-х годах было построено 8 новых заводов и к началу XX века общее количество сахарных заводов в Курской губернии достигает 22.

В начале XX века рост свеклосахарного производства в Курской губернии идет по линии увеличения производственных мощностей существующих заводов и соответственного увеличения количества производимого сахара. Сахарные заводы из мелких, полукустарного типа, какими они были вплоть до 80-х годов прошлого века, теперь превратились в крупные капиталистические предприятия. Производство сахара за пе-

риод с 1900 по 1915 год, при неизменном количестве сахарных заводов, увеличилось с 5,1 до 16,8 млн. пудов в год.

Увеличение количества сахарных заводов и расширение их производственной мощности сопровождалось ростом посевных площадей под свекловицей.

Посевная площадь и урожайность сахарной свеклы.

Годы	Площадь посева в десятинах	Средняя урожайность с десятины в пудах
1884/85	29.706	1143
1900/901	50.100	790
1912/13	79.275	1142
1915/16	102.733	1091

Сахарная свекла, вплоть до Октябрьской революции, оставалась помещичьей культурой; свыше 85 проц. всех посевов сахарной свеклы было сконцентрировано в помещичьих имениях, на долю крестьянских хозяйств приходилось лишь 14,8 проц.

Свеклосеяние на крестьянских землях не было средством увеличения доходности и роста благосостояния крестьянского хозяйства, а в большинстве случаев сопровождалось закабалением крестьян сахарозаводчиком и еще большим их разорением.

Сахарная промышленность Курской области в дореволюционный период работала преимущественно на внутренний рынок, на экспорт шло не более 4—5 проц. всего производимого сахара. На долю Курской губернии, дававшей почти 15 проц. всего сахара, производимого в стране, приходилось менее 2-х проц. общегосударственного экспорта. Курский сахар, вывозимый за границу, в отличие от украинского, направлялся не в Западную Европу, а в азиатские страны, прежде всего в Иран.

Последние предреволюционные 1916, 1917. годы были периодом резкого сокращения размеров свеклосеяния и сахарного производства в Курской губернии. За эти годы посевная площадь сократилась на 54 проц., в 2 с лишним раза уменьшилась выработка сахара.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в развитии свеклосеяния и сахарной промышленности Курской области происходят большие изменения.

2 мая 1918 года Совет Народных Комиссаров РСФСР издает декрет о национализации сахарной промышленности на территории Российской Федерации. В осуществление этого декрета во второй половине 1918 года все сахарные заводы Курской области были объявлены государственным достоянием.

После национализации, подавляя саботаж, проводимый старым управленческим аппаратом, рабочие сахарных заводов, взявшие в свои руки управление, сумели обеспечить бесперебойную работу большинства предприятий в течение всего сезона сахароварения 1918/19 года. Но весной 1919 года на территории Курской области развернулись ожесточенные сражения между Красной Армией и белогвардейцами. Деникинцы и другие бандитские шайки разрушили почти до основания многие сахарные заводы. За период гражданской войны катастрофически сократилась и посевная площадь под свекловицей, составляя в 1921 году только 5,4 проц. от довоенного уровня:

Состояние сахарной промышленности области в первый год восстановительного периода характеризуется следующими данными:

№ п/п	Показатели	Годы		1921/22 год в проц. к 1914/15 году.
		1914/15	1921/22	
1.	Число действующих заводов	23	14	60,8
2.	Переработка свеклы в тоннах	1 698 670	51 527	3,2
3.	Получено бел. сах. в тоннах	245 953	5236	2,1
4.	Нагрузка на один действ. завод	73 850	3680	5,0
5.	Средняя продолжительность сокодобывания в сутках	99,5	10,83	10,9

В то время, как количество действующих заводов в 1921/22 году сократилось по сравнению с 1914/15 годом менее чем в 2 раза, количество переработанной свеклы уменьшилось в 33 раза, а выработка белого сахара в 48 раз.

1921 год был переломным в развитии сахарной промышленности области. Начиная с этого времени свеклосеяние и сахарная промышленность идут по пути неуклонного роста, и уже в 1927 году был превзойден дореволюционный уровень*. В советский период сахарная свекла стала крестьян-

* Уровень 1916 года.

ской культурой. Из года в год на протяжении всего восстановительного периода увеличивается количество крестьянских хозяйств, сеющих сахарную свеклу. Так, если в 1924 году свеклу сеяли 39.776 хозяйств, то в 1926 году промышленные посевы свеклы имелись в 79.363 хозяйствах. Рост крестьянского свеклосеяния в восстановительный период опирался на большую материальную помощь государства и на имевшиеся в деревне значительные трудовые ресурсы.

С проведением в Курской области сплошной коллективизации, роль колхозных хозяйств в производстве фабричной свеклы стала не только решающей, но и абсолютно преобладающей. Значительные массивы посевных земель, принадлежавших до коллективизации свекловичным совхозам, были переданы в вечное пользование колхозам, а совхозное производство фабричной свеклы сошло почти на-нет. Все свекловичные совхозы области были превращены в семеноводческие хозяйства, их удельный вес в производстве фабричной свеклы перед Великой Отечественной войной составлял не более 2—3 проц. от общеобластного производства.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства открыла новые огромные возможности для роста свеклосеяния и сахарной промышленности. В 1940 году, по сравнению с 1914 годом, посевная площадь под свеклой возросла в 1½ раза. Произошли значительные изменения и в географии посевов свеклы. Наряду с расширением посевной площади под свекловицей в старых свекловичных районах юго-запада и запада области перед Отечественной войной промышленные посевы сахарной свеклы появились в северо-восточных и восточных районах, расположенных, главным образом, по линии железных дорог: Курск — Касторное и Касторное — Валуйки. Расширение посевов сахарной свеклы за счет северо-восточных и восточных районов, при наличии в этой части области лишь одного Олымского сахарного завода, производилось с целью создать мощную сырьевую базу для проектировавшегося к постройке Кшенского сахаропесочного завода и покрыть нехватку в сырье Шебекинской группы сахарных заводов.

Быстрый рост посевов сахарной свеклы в годы предвоенных сталинских пятилеток стал возможным, в первую очередь, благодаря широкой механизации всех основных видов работ на свекловичных плантациях.

В свеклосеющих районах области в 1940 году находилось:

Тракторов гусеничных	1191
» У-2	2572
Сеялок свекловичных двенадцатирядных	1925
Культиваторов двенадцатирядных	1733
Свеклоподъемников	2297
Опрыскивателей тракторных	303
» конных	1885

Улучшение качества обработки почвы, применение в больших количествах удобрений и внедрение в практику свекловичного производства передовых достижений советской агрономической науки дали возможность значительно повысить урожайность сахарной свеклы и всех остальных культур свекловичного севооборота. Средняя урожайность сахарной свеклы по области за период с 1937 по 1940 год равнялась 130 центнерам с га.

Валовой сбор фабричной свеклы в 1940 году покрывал потребность в сырье всех действующих в области сахарных заводов.

Соответственно росту посевных площадей и увеличению размеров валового сбора фабричной свеклы расширялось и производство сахара.

Реконструкция сахарной промышленности области в годы предвоенных пятилеток шла по линии переоборудования и расширения ранее существовавших заводов, из новых заводов было начато в 1940 году строительство лишь одного сахарного завода на северо-востоке области, в районе железнодорожной станции Кшень.

Перед Отечественной войной на территории Курской области существовало 18 сахарных заводов, в том числе один рафинадный. Все сахарные заводы Курской области, за исключением рафинадного завода имени Карла Либкнехта, были построены в XIX веке, главным образом, в период с 1875 по 1900 год.

Сильная изношенность оборудования, а также колоссальные разрушения, нанесенные заводам в период гражданской войны, потребовали осуществления в годы предвоенных сталинских пятилеток коренной реконструкции подавляющего большинства сахарных заводов.

За советский период было полностью перестроено энергетическое хозяйство сахарных заводов: установлено 44 новых паровых котла, общей поверхностью нагрева 11.200 кв. мет-

ров, полностью осуществлена электрификация всех заводов, большинство заводов было переоборудовано и оснащено новыми видами машин и аппаратов. В результате реконструкции мощность сахарных заводов области в 1941 году, по сравнению с дореволюционным периодом, выросла на 32 проц.

За советский период сахарные заводы области получили 98 км. узкоколейных и 60 км. ширококолейных железнодорожных путей.

Немецко-фашистские захватчики разрушили все до единого сахарные заводы и в период оккупации на полях области исчезли промышленные посевы сахарной свеклы. Ущерб, нанесенный оккупацией сахарной промышленности области, определяется в 220 миллионов рублей. 7 сахарных заводов были уничтожены полностью, а остальные подверглись разрушению и разукомплектованию. Оккупанты уничтожили 27 паровых котлов, 37 паровых машин, 3 турбогенератора; на всех заводах совершенно были уничтожены контрольные измерительные приборы и механические мастерские. Также были разрушены подъездные железнодорожные пути и угнан или взорван подвижной состав.

После освобождения от немецко-фашистских захватчиков проделана большая работа по восстановлению хозяйства и культуры области, в том числе и по восстановлению свекло-сахарного производства.

Партийные и советские организации области уделяют исключительно большое внимание росту посевных площадей под сахарной свеклой и повышению ее урожайности.

**Динамика урожайности свеклы после освобождения области
от немецко-фашистских захватчиков**

Г о д ы	Урожайность сахсвеклы в цент. с га.
1944	99,0
1945	115,0
1946	—
1947	130
1948	175 (план)
1950	200 (проект)

Февральский Пленум ЦК ВКП(б) в своем постановлении «О мерах послевоенного подъема сельского хозяйства» дал исчерпывающую программу борьбы за быстреее восста-

новление и дальнейшее увеличение производства сахарной свеклы: «Закончить в 1949 году во всех свеклосеющих колхозах восстановление и введение правильных севооборотов, с применением в них травосеяния бобовых и злаковых трав, размещать с 1947 года посевы сахарной свеклы только по глубокой зяблевой пахоте, произведенной с предварительным и своевременным лущением стерни. Посев сахарной свеклы проводить в ранние сжатые сроки, не более 6—7 дней и начинать его одновременно с началом массового сева ранних культур».

Вооруженные историческими решениями февральского Пленума ЦК ВКП(б) свекловоды Курской области уже в 1947 году достигли значительных успехов как в расширении посевной площади под свеклой, так и в увеличении ее урожайности.

Достигнутая в 1947 году среднеобластная урожайность сахарной свеклы 130 центнеров с гектара, хотя и стоит на уровне лучших довоенных лет, но далеко не удовлетворяет тружеников свекловичных плантаций.

В своем обращении к великому вождю советского народа товарищу Сталину колхозники, работники МТС и совхозов и специалисты сельского хозяйства Курской области дали нерушимую клятву вырастить в среднем по области урожай сахарной свеклы не меньше 175 центнеров с гектара. К концу первой послевоенной пятилетки среднеобластная урожайность сахарной свеклы может и должна составить не менее 200 центнеров с гектара.

Одновременно с ростом, в период послевоенной сталинской пятилетки, посевных площадей под сахарной свеклой идет и восстановление сахарной промышленности.

К началу 4-й пятилетки были частично восстановлены и введены в действие 10 сахарных заводов.

Суммарная мощность восстановленных заводов по переработке свеклы в 1946 году составила 37,2 проц. к общей довоенной мощности сахаропесочных заводов области. Все эти заводы были восстановлены во время войны и в большинстве смонтированы из старого оборудования, оставшегося на месте или эвакуированного из тыловых районов. Для окончания восстановительных работ и укрепления технической базы этих заводов в 4-й пятилетке реализуются капиталовложения в сумме 29 мил. рублей.

Помимо расширения и укрепления уже действующих заводов за годы 4-й пятилетки на территории области восстанавливается еще 3 завода: Ново-Таволжанский, им. К. Либкнехта и Льговский. Хотя при восстановлении этих заводов и намечено использовать частично сохранившиеся клетки основных заводских зданий и подсобных предприятий, но по существу приходится вести новое строительство.

В течение первой послевоенной пятилетки осуществляется строительство и ввод в эксплуатацию 4 новых сахаропесочных заводов: «Большевик», им. Куйбышева, Краснояружский и Советский. Эти заводы строятся в тех же местах, где они были до Отечественной войны, но на совершенно новых заводских площадках. На всех этих заводах строятся новые заводские корпуса, устанавливается новое оборудование, также заново создается энергетическое хозяйство и заводской транспорт.

К концу 4-й пятилетки заводы Курского сахаротреста по производству сахарного песка превысят на 13,8 проц. довоенный уровень. Курская область снова станет одним из важнейших районов свеклосахарного производства в СССР.

Выполнение плана первой послевоенной пятилетки далеко не исчерпывает всех возможностей развития свеклосахарного производства области. За пределами 4-й пятилетки особенно большое значение приобретает вопрос о более рациональном размещении по территории области посевов сахарной свеклы и сахарных заводов.

По своим естественно-историческим условиям Курская область может быть превращена в сплошной район свеклосеяния, но чтобы решить вопрос о целесообразности внедрения промышленных посевов свеклы во всех районах области, необходимо учесть и сопоставить целый ряд экономических факторов: размеры пропашного поля, соотношение пропашных культур вообще и технических в частности, размеры трудовых ресурсов, степень механизации основных сельскохозяйственных работ и главное — потребности страны.

Вопрос о путях дальнейшего развития свеклосеяния и сахарной промышленности за пределами 4-й пятилетки мы не ограничиваем каким-либо строго установленным сроком, поэтому будем исходить в перспективе из максимально целесообразных размеров посевной площади под сахарной свеклой.

Перед Великой Отечественной войной размеры посевной

площади под важнейшими пропашными культурами характеризовались следующими данными:

Посевная площадь основных промышленных культур и конопли в 1941 году.

№№ пп.	Наименование культур	в ‰	
		к площади распашн: земли	к общей площади посева
1.	Сахарная свекла	4,4	5,7
2.	Подсолнук	2,3	3,3
3.	Кориандр	0,5	0,6
4.	Конопля	1,2	1,6
5.	Итого технических	8,6	11,5
6.	Картофель	1,1	1,5
7.	Овощи и бахчевые	0,8	1,0
8.	Кормовые корнеплоды	0,8	1,0
Всего:		11,0	14,7

Определить возможность дальнейшего роста посевов сахарной свеклы нельзя без решения вопроса о судьбе всех остальных пропашных культур.

Курская область испытывает острый недостаток в естественных кормовых угодьях, и всемерное расширение площади под кормовыми корнеплодами — одна из важнейших задач, стоящих перед сельским хозяйством области. Поэтому необходимо за пределами 4-й пятилетки предусмотреть рост площади под кормовыми корнеплодами по сравнению с довоенным периодом не менее чем в 2 раза.

В связи с ростом городского населения и расширением отраслей пищевой промышленности, перерабатывающих картофель и овощи, необходимо наметить значительное увеличение посевов также и этих культур. За пределами 4-й пятилетки площадь под картофелем и овощами, по нашему мнению, должна составить не менее 140 проц. по отношению к 1941 году.

— По размерам посева конопли перед Отечественной войной Курская область занимала второе место в СССР, уступая только своему соседу — Орловской области. Посевы конопли сосредоточены в северо-западных и северных районах. В большинстве этих районов конопля не только ведущая, но и единственная техническая культура. Местное население обладает богатым опытом выращивания высоких урожаев

конопли, высокая доходность этой культуры общеизвестна. Поэтому необходимость полного восстановления довоенной посевной площади под коноплей и даже некоторое ее увеличение едва ли могут вызвать какие-либо возражения.

Также нет оснований ставить вопрос о сокращении посевов кориандра. Появившись на полях Курской области в годы предвоенных пятилеток кориандр, благодаря своей очень высокой доходности, проник во многие районы юго-восточной части области.

Что касается посевов подсолнуха, размещенных в юго-восточных и центральных районах области, то некоторое их сокращение считаем допустимым и целесообразным. Прежде всего, необходимо снять посевы подсолнуха в Медвенском районе, где они появились в связи с постройкой здесь, ныне уже несуществующего, маслобойного завода.

В районах основной подсолнечной зоны (юго-восток области) имеем сильную перенасыщенность посевов техническими культурами, что создает тяжелое положение с трудовыми ресурсами и затрудняет введение правильных севооборотов.

Приводим данные об удельном весе технических культур по отдельным районам подсолнечной зоны.

№ пп.	Р а й о н ы	Удельный вес технических культур в ‰ к общей посевной площади района	
		1941 г.	1946 г.
1.	В целом по области	11,5	12,0
2.	Б.-Дворский	19,1	20,3
3.	Б.-Троицкий	16,7	20,6
4.	Валуйский	17,0	20,7
5.	Волоконовский	18,3	27,9
6.	Корочанский	19,2	25,0
7.	Н.-Оскольский	19,9	24,0
8.	Чернянский	18,9	26,0

На каждого трудоспособного колхозника в этих районах в 1946 году приходилось от 0,8 до 1,6 гектара пропашных культур.

Появление промышленных посевов сахарной свеклы на востоке и юго-востоке области открыло перспективы строительства здесь новых сахарных заводов. Совет Министров СССР в 1948 году принял решение о постройке в районах юго-восточной части Курской области сахаропесочного завода. Поэтому понятно, что сокращение размеров посевной площа-

ди под техническими культурами в юго-восточных районах должно произойти не за счет сахарной свеклы, а за счет подсолнуха. Общее сокращение посевов подсолнуха по области, по сравнению с 1941 г., мы намечаем на 13 тысяч гектаров. В этих условиях, за пределами 4-й пятилетки, считаем целесообразным расширить посевную площадь под сахарной свеклой на 15—16 проц. по сравнению с 1940 годом.

Увеличение посевной площади под сахарной свеклой нами проектируется не только за счет некоторого уплотнения посевов в старых свекловичных районах, но также и в результате внедрения промышленных посевов свеклы в ряде новых районов, главным образом, на востоке области.

По нашему проекту промышленные посевы свеклы за пределами 4-й пятилетки намечаются в 54-х районах, вместо 43-х до Отечественной войны.

Новые районы свеклосеяния: Мантуровский, Сажновский, Скороднянский, Тимской, Ястребовский, Беловский, Б.-Полянский, Б.-Дворский, В.-Михайловский и Корочанский находятся на востоке и северо-востоке области, большая часть из них входит в подсолнечную зону.

Внедрение в этих районах промышленных посевов свеклы должно произойти за счет некоторого сокращения площади, занятой подсолнухом.

В районах: В.-Любавском, Золотухинском, Поныровском, Михайловском, Хомутовском, Фатежском и Стрелецком, расположенных на севере и северо-западе области, промышленные посевы сахарной свеклы не намечаются.

Первые семь районов из этой группы составляют основную коноплеводческую зону области, здесь в подавляющем большинстве колхозов введены специальные коноплеводческие севообороты и превращение этих районов в свеклосеющие считаем нецелесообразным. Что касается Стрелецкого района, то он имеет резко выраженную пригородную специализацию и обслуживает потребности быстро растущего населения города Курска.

Вполне понятно, что в районах свекловично-подсолнечной зоны, особенно в новых районах свеклосеяния, должна быть проведена большая работа по внутрирайонной специализации сельского хозяйства.

Проектируемое за пределами 4-й пятилетки размещение посевов сахарной свеклы по районам Курской области ликвидирует те основные недостатки в географии свекло-сахарного производства, которые имеют место до настоя-

щего времени, даст возможность наиболее рационально спланировать сырьевые зоны сахарных заводов и обеспечить общий значительный рост сахарной промышленности без ущерба для других отраслей сельского хозяйства.

Намечаемый нами, за пределами 4-й пятилетки, рост посевов сахарной свеклы и увеличение ее урожайности до 250 центнеров с гектара обеспечит возможность расширения мощности сахарных заводов области до 138 проц. по сравнению с 1950 годом.

Прирост мощности возможен как за счет расширения уже действующих, так и за счет строительства новых заводов: Волоконовского, Колпнянского, Старооскольского и Скороднянского.

По предлагаемому проекту сахаропесочные заводы получают устойчивые компактные сырьевые зоны, полностью будут ликвидированы межзаводские переброски свеклы, резко сократится средняя дальность перевозок, основная масса свеклы на заводы будет поступать по автогужевым дорогам. Снижение транспортных расходов и уменьшение потерь в свекле при транспортировке окажет благоприятное влияние на себестоимость производства сахара.

Кроме того, приближение сахаропесочных заводов в районы производства свеклы улучшит возможность использования свекловичными колхозами отходов свеклосахарного производства (жом, патока и др.).

Производственная мощность существующей сети сахарных заводов: им. Ленина, им. Калинина, «Коллективист», Краснояружского, им. К. Либкнехта, Льговского и «Большевик» — на наш взгляд должна сохраниться без изменений. За счет некоторого уплотнения посевов сахарной свеклы в прилегающих районах, а также в результате улучшений транспортных условий, эти заводы получают достаточные и компактные сырьевые зоны.

На остальных существующих и восстанавливаемых в 4-й пятилетке сахаропесочных заводах, в связи с ростом валового сбора свеклы в их сырьевых зонах, будет необходимо значительно увеличить производственную мощность.

Строительство новых сахаропесочных заводов не может и не должно осуществляться одновременно. Два завода — Волоконовский и Колпнянский — уже имеют сложившиеся сырьевые зоны, в то время как для Скороднянского и Старооскольского заводов эти зоны лишь будут созданы за счет продвижения промышленных посевов свеклы в новые районы.

Волоконовский сахарный завод должен быть построен в первую очередь, и начало строительных работ мы считаем целесообразным запланировать в 1949—50 г.г.

При решении вопроса о месте и сроках постройки Колпнянского завода также необходимо учитывать наличие уже сложившейся в основном сырьевой зоны в районах, примыкающих к железнодорожной ветке Охочевка — Колпны.

Строительство Колпнянского сахзавода, как и Волоконовского, необходимо начать в ближайшие годы с таким расчетом, чтобы во второй послевоенной пятилетке он был введен в эксплуатацию, если не на всю, то на большую часть своей проектной мощности.

Строительство Старооскольского сахаропесочного завода должно осуществляться во вторую очередь, в конце второй послевоенной пятилетки или даже за ее пределами. На протяжении второй послевоенной пятилетки сырьевая зона, проектируемая для Старооскольского завода, должна будет временно служить дополнительным источником снабжения свеклой Кшенского сахзавода, и только при достижении намеченной проектом урожайности сахарной свеклы станет целесообразным пуск в эксплуатацию Старооскольского завода.

Также во вторую очередь, лишь в конце второй послевоенной пятилетки, намечается строительство и Скороднянского сахаропесочного завода. Большинство районов, входящих в сырьевую зону Скороднянского сахзавода, — Скороднянский, Тимской, Корочанский, Мантуровский и Б.-Дворский — в 4-й пятилетке посевов сахарной свеклы не имеют, и организация здесь промышленного свеклосеяния возможна лишь при условии постройки железной дороги: Мармыжи — Тим — Скородное — Короча — Б.-Троицкое, с выходом на линию Купянск — Белгород.

Таковы общие черты проектируемых нами изменений в географии свеклосеяния и сахарной промышленности Курской области за пределами 4-й пятилетки.

Крепостные села Андросова в борьбе за волю

Ф. И. ЛАППО,
Кандидат исторических наук.

«... историческая наука, если она хочет быть действительно наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов».

СТАЛИН.

История крепостных крестьян, типичного для центрально-земледельческого района, села Андросова определялась теми социально-экономическими условиями, которые сложились в России в последней четверти XVIII века. Мощный удар, нанесенный крепостному строю крестьянской войной 1773 — 1775 годов не приостановил сразу роста крепостничества: еще некоторое время продолжалось увеличиваться крепостное население; росли барщина и оброк; широко распространялась торговля крестьянами; изобретались все новые и новые методы внеэкономического принуждения. Однако, в то же время развивался неотвратимый процесс роста в недрах феодально-крепостнической формации нового капиталистического уклада: создавались капиталистические мануфактуры; усиливались связи помещичьего и крестьянского хозяйства с рынком; росло применение в промышленности и даже в сельском хозяйстве вольнонаемного труда, увеличивалась дифференциация крестьянства.

Другими словами, крепостное хозяйство в это время вступило в последний период своего развития, в период длительного кризиса, сопровождающегося мучительным процессом разорения крестьян и их упорной борьбой за волю. Под этим углом зрения необходимо рассматривать и такое крупное историческое событие, как массовое движение крепостных крестьян в начале царствования Павла.

Среди восстаний, происходивших в это время, наиболее значительными были восстания, охватившие значительную часть Орловской губернии, а самым первым из них по времени возникновения было выступление крестьян села Андросова (Дмитровский уезд)*.

Целью предлагаемой читателю статьи является исследование только одного этого волнения крепостных. Оно представляет большой интерес, прежде всего, как первое среди всех волнений не только Орловской губернии, но и всей России. Далее, анализ причин, породивших это выступление крепостных, основан на всестороннем изучении местного материала и позволяет выяснить типичные условия тяжелой жизни помещичьих крестьян черноземной полосы. Наконец, подобного рода исследование необходимо также в целях опровержения взглядов буржуазных историков, писавших на эту тему.

Автор отдает себе отчет в том, что подобное исследование, основанное на местном материале, может представлять общенаучный интерес только при соблюдении некоторых условий (типичность, связь с другими событиями того времени), и он приступил к выполнению поставленных задач, будучи убежденным, что событие, ставшее объектом изучения, является именно типичным событием для черноземной полосы в крепостной России конца XVIII века.

История борьбы крестьян села Андросова со своим помещиком так или иначе уже освещалась некоторыми буржуазными исследователями. А. Пупарев дает довольно подробное освещение этого события в статье, составленной «по подлинным делам, протоколам и другим документам судебных и административных мест тогдашнего времени»**. Однако, изложение этим автором хода борьбы ведется от источника к источнику без всякой попытки сопоставления и критики их. Кроме того, ему остались неизвестными материалы центральных архивов и, в частности, такие важные документы, как прошение крестьян царю и объяснение их помещика М. М. Андреева генерал-прокурору А. Б. Куракину. Конечно, никакой попытки проанализировать причины волнений и харак-

* В настоящее время с. Андросово входит в Михайловский район Курской области.

** «Орловский справочный листок», 1876 г., № 7. Статья А. Пупарева («Крестьянские волнения в Орловской губ. по вступлении на престол имп. Павла I») задумана была как часть «обширного исследования» для «Русской старины», но продолжена не была.

тер движения А. Пупарев не делает. Ценность этой статьи лишь в том, что она написана по ныне утраченным материалам местных архивов.

Е. П. Трифилев в книге, содержащей описание всех крестьянских волнений 1796—1797 годов*, несколько страниц уделяет и событиям в селе Андросово. В его распоряжении имелись важнейшие источники VII разряда Государственного Архива, но документы Сенатского Архива и канцелярии генерал-прокурора, хранящихся в Ленинграде, ему остались неизвестными. Что касается метода использования Е. П. Трифилевым этих архивных материалов, то еще Павлов-Сильванский отметил полное отсутствие в его книге анализа событий, критики источников и даже элементарной точности в передаче содержания этих источников. Е. П. Трифилев, например, всерьез принимает слова помещика Андреева об улучшении им положения крестьян, верит он и донесениям губернатора и рапортам прокурора. Даже там, где он единственный раз пытается поставить под сомнение слова Андреева, он делает это весьма неудачно. По словам Трифиолева, Андреев «умышленно искажает факты», когда объясняет выступление его крестьян «непослушанием и желанием его убить». Доказательством же этого искажения является «отсутствие сопротивления крестьян при аресте»**. Такое рассуждение нельзя признать убедительным: крестьяне к «начальству» относились, конечно, иначе, чем к помещику.

Эти недостатки ставят книгу Трифиолева значительно ниже уровня даже буржуазной исторической литературы. Довольно примитивная идеалистическая концепция автора, полная беспомощность в анализе материала и объективизм в его передаче обесценивают книгу Трифиолева как научный труд. Ценность ее лишь в собранном сыром материале.

Из других авторов, писавших о восстании крестьян при Павле I, де-Пуле*** вовсе не касается волнения в Андросове, Г. М. Пясецкий**** повторяет кратко Пупарева, а

* Е. П. Трифилев. Очерки из истории крепостного права в России. Царствование имп. Павла I. Харьков, 1904 г.

** Указанное сочинение, стр. 23.

*** Де-Пуле, Крестьянское движение при императоре Павле Петровиче и дневник князя Н. В. Репнина. «Русский Архив», т. III, 1869 г., стр. 532—570.

**** Пясецкий Г. М., Исторические очерки г. Севска и его уезда. «Сборник Орловского церковно-исторического архивного общества», 1906 г., т. II, стр. 301—341.

Н. П. Павлов-Сильванский* бросает по этому вопросу лишь пару замечаний.

Работы всех перечисленных авторов не могут нас удовлетворить, так как в их основе лежит идеалистическая буржуазная методология и, в лучшем случае, либеральная политическая концепция.

Подлинную историю крестьянства можно написать лишь на основе марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, лишь в свете указаний товарища Сталина, поставленных нами эпиграфом.

Для намеченного автором данной статьи пересмотра вопроса об истории крестьянского волнения в селе Андросово использованы как уже бывшие в руках Трифильева и Павлова-Сильванского источники**, так и ряд новых материалов. К последним относятся, во-первых, группа документов, отражающих экономическую жизнь Дмитровского уезда Орловской губернии (географические известия***, экономические примечания к генеральному межеванию****, ревизские сказки*****, статистические сборники того времени) и, во-вторых, те донесения губернских властей в Сенат и генерал-прокурору, которые сохранились в архиве Сената в Ленинграде*****.

В этом перечне недостает одного очень важного источника: материалов местных судебных учреждений. Следственное дело, составленное в Дмитровском нижнем земском и уездном суде, бывшее на ревизии в Орловском верхнем зем-

* Н. П. Павлов-Сильванский. Волнения крестьян при Павле I, в книге «Очерки по русской истории XVIII—XIX вв.», СПб, 1910 г.

** Центральный Государственный архив древних актов в Москве (ЦГАДА), Государственный архив, VII раз., оп. 7, №№ 2918/I и 2985/II.

*** Архив Академии Наук СССР в Ленинграде (ААНЛ), Фонд 3, опись 10-а, № 83.

**** ЦГАДА, Межевой Архив, фонд «Экономические примечания», Орловская губерния, №№ 24, 25.

***** Орловский областной государственный архив. Отдел дореволюционных фондов, фонд 63, связки 111, 113, 122, 123, 124; фонд 4, опись 2, св. 41, № 488.

***** Центральный госуд. историч. архив в Ленинграде (ЦГИАЛ) Сенат, I департамент, опись I, № 128, 1797 год. Фонд «Канцелярия генерал-прокурора», опись III отдела, том I, № 434.

ском суде и в Палате суда и расправы, не сохранилось *. Отсутствие этого дела, где мы могли бы встретить показания крестьян, конечно, затрудняет поставленную автором задачу, но не делает ее разрешение невозможным.

Своеобразие ведомственной переписки — основного источника нашего исследования — заключается в том, что в ней можно обнаружить следы показаний крестьян. Авторы донесений и рапортов правительству, не умея, видимо, излагать кратко содержание первичных документов (протоколов допроса, рапортов полиции и др.), прибегают к довольно подробному их цитированию. Именно эти цитаты и могут отчасти заменить нам недостающие источники. Однако, выявление их, особенно показаний крестьян, является делом довольно трудным. И не столько потому, что в них нигде не ставились кавычки при передаче прямой речи, сколько потому, что показания крестьян пересказывались людьми из господствующего класса, которым выгодно было изобразить действия крепостных в наиболее черном свете, а поступки помещика в приукрашенном виде. Все же, учитывая этот недостаток источников, можно более или менее точно воспроизвести мнения самих крестьян, по крайней мере, в таком виде, в каком они считали возможным формулировать их перед чиновниками. Задача воспроизведения крестьянских показаний облегчается тем, что в нашем распоряжении имеется такой драгоценный источник, как прошение андросовцев царю, написанное, если не самим уполномоченным андросовцев Вавилой Трофимовым, то, по крайней мере, под его диктовку **.

* * *

Орловская и Курская губернии, на границе которых стояло интересующее нас село Андросово, принадлежали к экономическому району «русского земледельческого юга» ***. Этот

* В Орловском областном архиве и в ЦГАДА нет вообще дел этих учреждений за 1796—1797 годы. Нам довелось только видеть в Орле старую опись дел Уголовной палаты, где под № 2593 значилось дело о восстании крестьян С. С. Абраксина в Севском уезде.

** После изложения просьбы под девятым «пунктом» написано: «Податель сего прошения в. и. в. от вышеписанного с. Андросова посланной от всего общества избранной крестьянине того ж села Андросова и г. прокурора Матвея Андреева Авил Трофимов». (ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, лл. 3—4).

*** П. Г. Любомиров. Крепостная Россия XVII—XVIII вв. Энциклопед. словарь «Гранат», т. 36, ч. III, стр. 655—656.

район характеризуется абсолютным превосходством земледелия над промыслами, преобладанием крепостного населения над некрепостным, а также значительным ростом крупного помещичьего землевладения за счет крестьянских наделов и одноподворческих земель.

По данным Германа, опубликованным в VIII томе Мемуаров Академии Наук за 1822 г. в Орловской губернии было в 1784 году 146 тысяч «казенных поселян» и 302 тысячи крепостных мужского пола. Ко времени пятой ревизии (1795 г.) количество «казенных поселян» увеличилось на 2,5 проц. (150 т.), а крепостных крестьян на 3 проц. (до 313 т.). В этих цифрах видно и преобладание крепостного населения и относительно более быстрый рост его.

Орловская губерния в конце XVIII века считалась уже малоземельной. Известный статистик Арсеньев вычислил, что в Орловской губернии в 1790 году на душу населения было по 2¹/₂ десятины, т. е. значительно меньше, чем в более южных и восточных губерниях. Еще в 60-х годах XVIII века здесь происходила ожесточенная борьба за землю как среди помещиков, так и между помещиками и государственными крестьянами. Так, например, автор ответов на сенатскую анкету 1767 года пишет, что в Елецком уезде крупные землевладельцы захватывают землю «из единственной безрассудной зависти пользованию себя обширными владениями, яко ненасыщающиеся в довольствии люди». Он отмечает, что поэтому здесь происходит «неисчислимое множество всяких столкновений, бесчеловечных драк» и проч. *.

Эта борьба за землю была тесно связана со втягиванием помещичьего хозяйства в рыночные отношения. Кроме отправки хлеба на местные ярмарки (на Коренную, Севскую, Брянскую, Трубчевскую) орловские помещики продают хлеб скупщикам, которые большими партиями перевозят его по Оке в центральные губернии и на Гжатскую пристань. О связи с рынком говорит и рост вотчинных мануфактур. По данным генерального межевания, в Орловской губернии было 64 винокуренных завода, 5 суконных «фабрик» и 12 полотняных. В 1807 году здесь было уже 105 винокуренных заводов **. Росла и купеческая мануфактура.

* ЦГИАЛ, «Правительствующий Сенат», ф. 1341, опись I, дело № 1651, т. IV, 1767 год, л. 490 об.

** Иван Голицын, Статистические таблицы Всероссийской империи. М., 1807 г., стр. 3.

О степени вовлечения крестьянских хозяйств в рыночные отношения можно судить по факту довольно сильного распространения в Орловской губернии денежного оброка. В. И. Севский установил, что здесь было 34 проц. оброчных крестьян, тогда как в соседней Курской губернии на оброке было лишь 8 проц. крепостных.

Крестьянская домашняя промышленность (деревообделочная, кожевенная и др.) все больше и больше связывалась с рынком. Особенно же расширялось производство крестьянами хлеба и пеньки для продажи.

В силу имевшегося малоземелья процесс перехода к рыночным отношениям вызывал здесь особенно острые классовые противоречия, ибо помещики-предприниматели начали резко уменьшать крестьянские наделы ради увеличения своей запашки.

Социальный состав населения интересующего нас Дмитровского уезда, в котором находилось село Андросово, характеризуется следующими данными. По материалам, сохранившимся в Орловском областном архиве, в этом уезде в конце XVIII века находилось 31.630 ревизских душ, из них помещичьих крестьян было 29.612 человек (95 проц.), экономических 1670 и однодворцев 249. Дворян же тогда числилось всего 41 чел., но среди них было несколько весьма богатых. С. С. Апраксин имел, например, 21 селение с 3.923 душами крестьян, Н. И. Трубецкой — 20 сел и деревень с 1629 душами. С. Д. Кантемир владел в 1784 г. 58 селами и деревнями. Д. И. Голицын имел 9 селений с 1429 душ. мужск. пола и т. д.*

Особенностью Дмитровского уезда было то, что его население закрепощено было лишь в начале XVIII века, когда Петр I пожаловал значительную часть старинной дворцовой Камарицкой волости бежавшему в Россию из турецких владений князю Дмитрию Кантемиру **. По его имени и было

* Орловский облгосархив. Ист. арх. ф. 63, св. 124. Ревизские сказки пятой ревизии (1795 г.). По спискам помещиков 1777 г. С. Д. Кантемир имел в Севском уезде, куда входило с. Дмитровское, 7.714 душ. (ААНЛ ф. 30, оп. 2) № 109, л. 257.

** В «Географических известиях», составленных для Шляхетского корпуса вотчинной конторой Кантемиров (начало 60-х г. XVIII в.), мы читаем: «оныя вотчины от его императорского величества Петра I... пожалованы их светлости... князь Дмитрию Костениновичу Кантемиру из Комарицких волостей в 712-м году за особливые заслуги бывшие в Турецкой акции под Прутом» (ААНЛ, ф. 3, оп. 10-а, № 83).

названо село Дмитровское, возведенное в ранг уездного города в 1778 году*. Для нас это имеет то значение, что мы можем предположить у крепостных Дмитровского уезда наличие свежей памяти о былых временах «воли», а эта память, безусловно, являлась одним из субъективных факторов крупных восстаний 1797 года.

По сведениям, имеющимся в «Географических известиях», уже в начале 60-х годов XVIII века местное население втянуто было в торговлю. Этому благоприятствовало удобное расположение города Дмитровска (тогда еще села Дмитровки) на большой столбовой дороге из Москвы в Киев. Через Дмитровск проходила дорога и на Гжатскую пристань. Автор «Географических известий» пишет, что «в селе Дмитровке да в селе же Глодневе бывают еженедельные торжки. Торх состоит пенкою, которая отпускается к Санктпетербургскому порту чрез города Корачев, Мещовск до Гжацкой пристани и до городов Старицы, Торжка и Вышнего Волочка сухим, а оттоль воденным путем». Но в торговом обороте не только пенка. «Оных же сел обыватели торгуют хлебом, мелочью, тако ж конопляным маслом и отпускается в Санктпетербург, в Москву и в протчие великороссийские и малороссийские города и местечки». Этот хлеб «крестьяне на продажу привозят в селы Дмитревку и Глоднєв и на винокуренные господские заводы в подрядную сумму**.

Приведенные данные позволяют нам сделать вывод о большом значении торговли для изучаемого района, о наличии скупщиков и о связи крестьянского хозяйства с рынком***.

В конце XVIII века торговля города Дмитровска значительно расширилась. Если в начале 60-х годов в нем насчитывалось «обывательских из разных городов купецких людей, малороссиян, волохов, господских служителей дворов... до двух

* «Во оных вотчинах главное место по вотчинному правлению состоит село Дмитриевка на большой столбовой Киевской дороге от Москвы 438 верст. А оное село построено по въезде из Турецкой области с Волохи... Дмитрием Костентиновичем Контемиром после пожалования на третий год, то есть в 714 году». (ААНЛ, ф. 3, оп. 10-а, № 83).

** ААНЛ, ф. 3, оп. 10 а, № 83, пункты 2, 4, 5, 17, 21.

*** «На торжки съезжается крестьянство из разных мест», — читаем мы в пункте 8 тех же «Известий». Но следует отметить, что торговля здесь развивалась недавно: «Знатных редов во означенных селах... не имеется, только адне малые амбары для деревенских товаров» (там же).

сот», то в 1795 году, по пятой ревизии, здесь числилось 373 двора, которые принадлежали, главным образом, купцам и мещанам*. В 1797 году в этом городе было уже 5 купцов второй гильдии и 230 третьей. При чем у первых было объявленного капитала на 8010 р., а у вторых — на 98.830 р. Всего же посадского населения в этом городе было по пятой ревизии 1075 человек.

Итак, Дмитровский уезд конца XVIII века характеризуется абсолютным преобладанием крепостного населения, крупным землевладением и значительным развитием товарно-денежных отношений.

После этой весьма краткой характеристики социально-экономической обстановки в Орловской губернии и Дмитровском уезде мы вправе перейти к истории села Андросова и к характеристике положения крестьян, его населявших.

Нам не удалось найти сведений о том, принадлежало ли это село к дворцовой волости. Первый из встреченных нами источников, где оно упоминается (ревизская сказка четвертой ревизии, 1782 года), говорит о том, что село Андросово принадлежало к «Луганской округе Речицкого стану»**. Это административное деление на станы было тогда, конечно, архаизмом, сохранившимся от XVII века. Оно не типично ни для крепостных, ни для дворцовых сел (в последних были не «станы», а «приказы»). Возможно, что жители его были вольными служилыми людьми, обслуживавшими оборону южных границ в XVII веке. Сохранение же его принадлежности к «стану» позволяет предположить, что оно было закрепощено путем пожалования сравнительно недавно. По «сказкам» видно, что во время третьей ревизии в нем было 230 душ мужского пола и 273 — женского, и что четвертая ревизия зарегистрировала здесь уже 396 душ мужского пола и 439 — женского. Теперь это уже крупное село, с населением в 835 душ, с распаханной кругом землею, церковью и прочими признаками старинной оседлости. Расположено оно было на левом берегу речки Песочной (приток Свапы) «и по обе стороны логов Перерывца и Коровина». В восьмидесятых годах владели им помещики Даниловы: Катерина Семенова дочь Данилова, муж ее «артиллерии капитан, а ныне майор Михаил Васильевич Данилов» и их сын Иван. Имение Даниловых по

* ЦГАДА, Меж. Арх., Орловская губ., № 27а, Перечневая табель по Дмитровскому уезду.

** Орловский Ист. арх., фонд 63, связка 111, № 1.

данным генерального межевания состояло из крупного участка земли в 1999 десятин, при чем пашни в нем было 966 десятин, луга 41 десятина и лесу 274 десятины. В Андросово тогда насчитывалось 90 крестьянских дворов. Земля этого имения была «иловатая с песком» и давала обычно средний урожай («хлеб и травы родственны»). Никаких предприятий для обработки сельскохозяйственных продуктов, кроме «мучной мельницы об одном поставе», Даниловы в ту пору не имели.

Рядом с селом Андросовым находилось еще «подсела» того же наименования, где жили однодворцы (13 дворов, 47 душ мужского пола и 42 — женского). Но здесь имелась земля Даниловых в чересполосном владении с однодворцами*.

Крепостные помещиков Даниловых состояли на оброке: платили по 4 рубля в год с души мужского пола. Кроме того, они отбывали и небольшую барщину**. Установить размер этой барщины, а также величину крестьянского надела довольно трудно, так как источники, имеющиеся в нашем распоряжении, не дают прямых указаний на этот счет. Приходится поэтому оперировать косвенными данными. По принятому в исторической литературе приему делить всю землю на число душ мужского пола можно вычислить, что в этом имении на душу приходилось 3,7 десятины пашни, т. е. значительно меньше, чем в среднем по уезду (4,5 десятины). «О недостатке по количеству работников земли» говорил и будущий владелец имения Андреев. Недостаток земли и заставил его «придать к этому селу из соседственного сельца Хлынина, состоявшего расстоянием не далее версты, на посев озимого хлеба более 50 десятин».

Но и после этой прибавки наделы продолжали оставаться мизерными. По словам того же Андреева, купленные им крестьяне «по стеснению дворов и недостатку земли за сделанным уже первоначально уделением имеют крайнюю нужду»***.

* ЦГАДА, Меж. Арх., Орловская губерния, № 25, л. 14 об.

** В своих показаниях советнику Яковлеву в декабре 1797 года андросовцы говорили, что «они за прежними своими помещиками состояли на оброке». (ЦГАДА, Г. А., VII, № 2918/II, лл. 1—2). В экономическом примечании, составленном в 80-х годах, однако, говорится только, что крестьяне села Андросова состояли «на пашне». Андреев же, купивший это село летом 1796 года, заявлял, что он «облегчил» крестьян «от малого на прежних помещиках посева хлеба и из годового оброка четырех рублей на год».

*** ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, лл. 29—29°.

Для определения положения крепостных крестьян большое значение имело бы установление бюджета крестьянского хозяйства. Из-за отсутствия прямых данных приходится и здесь прибегать к довольно приблизительным расчетам. Исходным моментом для них может служить «Хозяйственное исчисление», составленное курским губернским землемером Башиловым в 1784 году*. По его сведениям главный доход помещичьего крестьянина получался от ржи: ею засевалось 2 десятины из 4. При среднем урожае крестьянин мог снять 30 копен, или 22 четверти ржи. Кроме того, с ярового поля он снимал 4 четверти овса, 2 четверти гречихи, 1 четверть пшеницы, 1 четверть гороха, 2 четверти проса, 1 четверть ячменя и 1 четверть льняного семени. Всего по этим культурам валовой сбор крестьянина составит 34 четверти. Если считать достоверной приведенную Башиловым пропорцию расходов (20 проц. на семена, 60 проц. на пищу и фураж и 20 проц. на продажу), то получится, что в благополучный по урожаю год крестьянин, оставив 6—7 четвертей на семена и 19 четвертей на потребительские нужды, мог продать только 6 четвертей. Допустим, что крестьянин продает всю пшеницу и 5 четвертей ржи. Взяв существовавшие тогда цены на эти культуры в Дмитровском уезде, мы можем высчитать приблизительно денежный доход крестьянина — он составит сумму в 14 рублей**.

Расходная же часть бюджета для средней крестьянской семьи в 4 человека мужского пола составит: оброк 16 рублей и подушная подать (для середины восьмидесятых годов XVIII века) 2 р. 80 коп., а всего 18 р. 80 коп.

Эти расчеты, повторяем, весьма приблизительны, но по ним все же можно сделать вывод о тяжести для крестьян даже «умеренного» четырехрублевого оброка.

Анализируя все эти факты, можно заключить, что положение крепостных села Андросова при Даниловых даже в урожайные годы было тяжелым: у них было мало земли, денежные повинности были обременительны, дворы «стеснены». Однако, несравненно хуже стадо им, когда все они

* Центральный военно-исторический архив, фонд военно-ученого архива (ВУА) № 18.800, лл. 199^о—202^о.

** Цена ржи в Дмитровском уезде в июне 1785 года была 1 р. 80 к. четверть, а пшеницы 2 р. (ЦГАДА, Г. А., XVI, оп. 1, № 828, л. 25).

переведены были на барщину, а это случилось после продажи их Даниловыми новому владельцу — прокурору Курского губернского магистрата М. М. Андрееву.

Андреев — типичный помещик-предприниматель конца XVIII века. Как и многие представители дворянства того времени, он решил воспользоваться правами «Жалованной грамоты» 1785 года, уйти со службы и заняться «домоводством». До 1796 года его имение в Дмитровском уезде было сравнительно небольшим: 1241 десятина земли (из них 837 десятин пахотной) при 195 душах крестьян мужского пола в сельце Хлынине, расположенном по соседству с Андросовым. В поймах речки Песочной были его луга (30 десятин), недалеко лиственный (береза, осина, ива и орешник) лес в 327 десятин, используемый на дрова как помещиком, так и его крестьянами. Словом, это был помещик «средней руки», имевший тут же деревянный дом и небольшой, с претензией на французский манер, «регулярный» сад. Никаких следов хозяйственного предпринимательства в 80-х годах, когда составлялось первое описание его имения землемерами, не наблюдалось. «Мучная мельница о дву поставах», упоминавшаяся в «экономических примечаниях», была обычным в таких хозяйствах явлением *.

Переход Андреева на путь предпринимательства происходит в середине 90-х годов и связан, несомненно, с довольно значительным оживлением товарно-денежных отношений в центрально-земледельческом р-не. Как раз в это время курское купечество, с которым он связан был по службе в магистрате, пытается использовать Сейм как судоходную реку; орловское — строит пристань в Орле и хлопочет о сооружении канала между реками Болвой (приток Десны) и Жиздрой (впадающей в Оку)**.

Хлынинское имение, расположенное в 40 верстах от уездного города и в 20 от Верхних Любажей на тракте из Курска в Орел, казалось Андрееву имеющим перспективы, тем более, что подвернулся случай приумножить его покупкой у Даниловых смежного села Андросова. В Центральном межевом

* ЦГАДА, Эконом. примеч., Орловская губ. Дмитровский уезд. № 25, л. 15. Кроме этого, он имел землю и в Фатежском у. (село Рышиково) и в Белгородском (село Андреевна).

** Голицын Иван, Статистические таблицы Всероссийской империи, М. 1807 г., стр. 6.

архиве сохранилось два «Примечения» по селу Хлынину. Первое нами уже использовано выше. Второе — более позднего времени — позволяет нам увидеть уже некоторые результаты хозяйственной деятельности Андреева, имевшей целью поставить больше товаров на рынок. Заметно некоторое приращение земли в имении (на 23 десятины), для увеличения производительности мельницы вырыт пруд, а главное — построен «винокуренный завод с шестью аглицкими кубами». На этом заводе «выкуриваетца вина и поставляетца в разные города 11.000 ведер» *.

Но главным доказательством предпринимательских дерзаний Андреева была покупка им в июле 1796 года соседнего имения Даниловых за 33.100 р. Эти деньги составились из его собственного «заведения» и из займов в Опекунском совете **.

После этой покупки Андреев из помещика «средней руки» превращается в крупного помещика-крепостника, владеющего в одном месте 2.663 десятинами и 514 душами крестьян.

Особенно привлекал его в новом имении «дровяной лес», которого было у Даниловых 274 десятины: новый винокуренный завод требовал много топлива. Андреев впоследствии писал, что «в дачах села Андросова збереженной прежними помещиками особой от крестьянского бесполезно гибнущий лес» он решил «обратить в пользу винокурения и через поставку в указанные места вина, выручаемыми деньгами сколько можно уплатить из накопившегося... от покупки того имения долгов» ***.

Но нас вся эта хозяйственная деятельность Андреева интересует не сама по себе, а с точки зрения влияния ее на положение крестьян. Нетрудно заключить, что положение крепостных круто изменилось в худшую сторону. Все крестьяне — и хлынинские и андросовские — переводятся на барщину. Экономические примечания 1797 года указывают, что в селах «коллежского асессора» Андреева «крестья-

* ЦГАДА. Эконом. примеч. Дмитровского у. № 24, л. 6°.

** Всего ему пришлось взять в кредит и на покупку этого имения и на устройство винокуренного завода 100 т. р. (ЦГАДА, Г. А., VII. № 2985/II, л. 29°).

*** ЦГАДА, Г. А., VII, № 2989/II, л. 290.

не на издѣлье». Сами крестьяне в своих показаниях губернатору Квашнину-Самарину прямо говорили, что «у прежних помещиков были они на оброке, а нынешний помещик стал употреблять их в несносные работы» *. Да и сам Андреев не отрицает, по существу, факта замены оброка барщиной, хотя и говорит, что это касалось лишь одной трети крестьян: «третью же часть работников назначил я к переселению в другие мои деревни на свободные земли с таковым предположением, чтоб до того времени уже безоброчно исправляли они пополам с своими и мои хозяйственные работы». Далее он связывает необходимость этой перемены с постройкой и обслуживанием винокуренного завода.

Нельзя, конечно, верить словам Андреева, пытавшегося оправдаться в своем объяснении генерал-прокурору Куракину, что он две трети крестьян оставил на оброке «с исправлением постройкою и починкою помещичьего дому и мельницы» и что «тем крестьяне сии не только были довольными, но и самопроизвольно согласились при назначении к постройке в том же селе моего винокуренного завода сделать от усердия их пособие». Мы знаем, что означал для крестьян винокуренный завод. Скорее мы можем поверить очевидцу таких нововведений, депутату города Серпейска Родиону Глинкову, который еще в комиссии по составлению нового «Уложения» (1767 г.) так говорил о винокуренных заводах помещиков: «Другие фабрики строятся помещиками, которые для сего употребляют своих крестьян. Они начинают с того, что назначают с каждого двора привезти потребное количество леса, лубья, дору, тесу; поэтому всякий крестьянин, оставя хлебопашество, должен с плачем ехать и поставить то, что с него назначено. После того их принуждают строить безденежно и на своем хлебе. По постройке такой фабрики их же заставляют работать на ней, тоже безденежно. Это особенно случается тогда, когда владелец той фабрики для ее устройства войдет в долг. Между тем, как вести фабрику секрета не знает. Но, взяв наперед деньги, он всячески старается производить работу на своей фабрике, своими крестьянами, безденежно, чтобы только иметь возможность заплатить долг. От такого распоряжения помещик, по неумению своему вести дело на фабрике, не поправится, а крестьяне разоряются

* ЦГАДА, Г. А., VII, № 2918/I, л. 6.

вконец, и, отстав от хлебопашества, приходят в несостояние платить государственных податей» *.

Купец Глинка говорит о серпейских помещиках. Но то, что в 60-х годах происходило в неземлевладельческом центре (город Серпейск, Калужской губернии), в 90-х годах распространилось на юг. Зато какое совпадение в условиях! Здесь те же долги и то же разорение крестьян. Упрек в «неумении» мы можем, конечно, отбросить, ибо он исходит из уст конкурента.

Итак, мы видим, что Андреев, заявляя о желании крестьян добровольно помочь ему в строительстве винокуренного завода, искажает истину. В этом уличают его и сами крестьяне. По их жалобе царю можно заключить, что они вовсе не были «довольными» и никакого «самопроизвольного усердия» не собирались проявлять в постройке винокуренного завода. «И до днесь, — писали они, — оной... наш господин всячески без милосердия нас разоряет, отчего уж мы беспокровительственные и домов своих лишились и во всем претерпеваем великие нападения»**.

Нам очень важно иметь в виду, что все эти перемены происходят в течение какого-нибудь одного месяца после покупки имения. В июле 1796 года Андреев «в рассуждении летнего рабочего времени» не делал «никакой перемены в заведениях прежних помещиков» и оставил крестьян «при пер-

* Сборник Русского исторического общества, т. VIII, стр. 93—94. В 1796—1797 гг. 20 волнений крестьян было связано с отяготительной работой на винокуренных заводах, в том числе было самое крупное восстание этого времени в Севском у. Орловской губ. (см. Павлов-Сильванский, указ. соч., стр. 163).

** ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, л. 4, март 1797 г. В экономическом примечании по селу Андросову при Даниловых значится 90 дворов, а после продажи имения Андрееву — всего 60 дворов. Количество же крестьян возросло с 280 до 385 душ. Чем объяснить уменьшение количества дворов? В своем письме Куракину Андреев, между прочим, пишет: «третью же часть работников назначил я к переселению в другие мои деревни на свободные земли с таковым предположением, чтобы до того времени уже безоброчно исправляли они пополам с своими и мои хозяйственные работы». Здесь имеются в виду и работы на винокуренном заводе: «при сем случае, — продолжает Андреев, — и нужно было для меня... бесполезно гибнущий лес обратить в пользу на заведение винокурения». Если считать, что к моменту составления экономич. примеч. Андреев переселил эти 30 дворов, то как объяснить заявление крестьян, что они «и домов своих лишились»? Нет ли здесь сгона с земли, перевода крестьян на месячину?

вобытном распорядке». Перестройку хозяйства он начал лишь в последних числах октября, «войдя подробнее в хозяйственное распоряжение и состояние самих крестьян». А 27 ноября крестьяне уже восстали, значит в течение лишь одного месяца положение крестьян села Андросова, и без того тяжелое, резко ухудшилось: они переведены были с оброка на барщину; их заставили строить винокуренный завод и работать на нем; над ними нависла угроза разорения или переселения на новые места. Кроме этого, Андреев заставил только что купленных крепостных строить ему новый дом в Андросове. Он сам пишет: «Для удобнейшего же над сим моим заведением присмотра и по большинству в селе Андросове моего имения предпринял я мое жилище основать в том селе *.

Все эти «заведения» помещика не только вызвали новые «несносные работы» для крестьян, но и сопровождались рядом других стеснений и усилением жестокостей. В своих показаниях советнику Яковлеву андросовцы говорили, что «они за прежними своими помещиками Даниловыми состояли на оброке, что Андреев по покупке того села у Даниловых обещал иметь их также на оброке, но после стал употреблять их в неносные работы, запрещал им рубить лес на дрова и наказывал их как при работах, так и за рубку лесу». Поэтому они опасались «впредь и еще неноснейших к ним его поступков» **. Запрещение рубить лес было вызвано, конечно, желанием сохранить его для винокуренного завода. Мы можем легко представить себе все возмущение крестьян по этому поводу: на пороге стояла зима.

Большую ненависть к себе вызывал своими поступками староста Моисей Титов, он же Чухрин — активный проводник новой помещичьей политики. Впоследствии крестьяне говорили губернатору, что они претерпевали «всегдашние... жестокости, чинимые им от старосты помещика их» ***.

Обрисованная нами картина помещичьего хозяйства типична для конца XVIII века и носит на себе все черты барщинного хозяйства в начале его разложения.

«Крепостное поместье, — писал В. И. Ленин, — должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое,

* ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, лл. 29—29 об. Письмо генерал-прокурору Куракину от 28/IV—1797 г.

** ЦГАДА, Г. А., VII, № 2918/II, лл. 1—2.

*** Там же, л. 10.

находящееся в очень слабой связи с остальным миром: производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима^{*}. Былой замкнутости уже нет и в поместье Андреева. Здесь ярко проявляется производство хлеба на продажу: вся хозяйственная перестройка данного имения преследовала эту цель — 11.000 ведер вина через казну поступали на рынок. Следовательно, для продажи в конце концов шел и хлеб, из которого это вино выкуривалось^{**}. Только этим стремлением к производству сельскохозяйственных продуктов для продажи мы можем объяснить все новые «заведения» помещика-предпринимателя Андреева.

Но такая перестройка имения отнюдь не превращала его в хозяйство капиталистического типа. Основным производителем в нем продолжал оставаться крепостной крестьянин, а не вольнонаемный рабочий; внеэкономическое принуждение здесь не ослабело, а усилилось; нет никаких признаков изменения рутинного состояния техники земледелия; «освобождение производителя от земли» только еще начиналось.

Социальным результатом наблюдаемого нами процесса (втягивание помещичьего хозяйства в рыночные отношения) было резкое обострение классовых противоречий, обнаружившееся в длительной, мужественной и исключительно упорной борьбе крестьян не только против «новых заведений», не только против нового помещика-предпринимателя, но и против крепостного права вообще.

* * *

Если главной причиной восстания крепостных села Андросова были указанные выше изменения в их положении, то поводом, толчком к нему, несомненно, послужило вступление на престол в ноябре 1796 года нового царя Павла I^{***}.

^{*} Ленин. Полное собрание сочинений, т. III, стр. 140, изд. 3-е.

^{**} Обычно из четверти хлеба (8 пудов) тогда выкуривалось 5 ведер вина. Следовательно, для получения 11 тыс. ведер вина уходило 2.200 четвертей хлеба (см. Архив Государственного совета, т. II, стр. 91).

^{***} Не случайно один из пострадавших в 1797 г. помещиков Поздеев писал в Петербург о «распространившейся в здешнем краю сильной молве, что делаемая ныне присяга государю для того (происходит), чтоб впредь не быть за помещиками». Де-Пуле, Крестьянское движение при Павле Петровиче.

Крепостные крестьяне часто связывали надежды на улучшение своего положения с переменой царствующих лиц. Теперь же их особенно взволновало сообщение о восстановлении для них «права» присяги, которого они были лишены с 1741 года. Это «право» расценивалось многими крестьянами как начало крупных перемен, как свидетельство намерений нового «хорошего» царя отнять их от помещиков и сделать всех крепостных «государщиной», т. е. казенными крестьянами.

Что казенные крестьяне жили несколько лучше крепостных, последние видели очень хорошо. Часто рядом с помещичьими крестьянами жили однодворцы, экономические, дворцовые крестьяне, которые платили лишь подушную подать и так называемый казенный оброк в 3 рубля с души. Хотя и эти группы крестьян, как мы знаем, по-крепостнически эксплуатировались помещичьим государством и притеснялись чиновниками, но они не знали барщины, над ними не висела угроза лишения земли, в их личную жизнь не вмешивался ежедневно помещик. Вот почему их положение, в глазах крепостных, было идеалом, за который стоило бороться.

Среди крепостных, не выходивших часто за пределы своего села или уезда, отягощенных многообразной барщиной, забитых помещиками, неграмотных и темных, не могло, конечно, быть политического сознания. Суррогатом его были слухи, народная молва, передававшая из уст в уста то, о чем нельзя было услышать ни от господ, ни от попа, ни даже от «бывалых» солдат. Говорили о якобы лучшей жизни в старину, до закрепощения, о грозном для дворян восстании Пугачева, о новом «хорошем» царе... *

Такие слухи, ходившие, несомненно, и среди андросовцев, не могли не возбуждать мысли о несправедливости крепостного нрава и о возможности борьбы за волю. Там же, где происходило резкое ухудшение положения крестьян, как, напри-

* Тот же Поздеев писал: «и кроме сих волостей, в крестьянах видим явно готовящийся бунт, весьма похожий на Пугачевский, ибо все крестьяне имеют оставшегося от Пугачева духа, дабы не было дворян, да и теперь-то у них слышится, что и городов не будет: что есть точно иллюминатический дух безначальства и независимости, распространившийся.. по всей Европе» (там же). Иллюминатами в России называли тогда (неправильно) сторонников французской революции. Характерно, что помещики связывали крестьянские волнения того времени с событиями во Франции.

мер, в Андросове, эти слухи становились своего рода субъективным фактором восстания.

Выступление крепостных села Андросова против своего нового господина вспыхнуло стихийно и внезапно, хотя по документам можно уловить какое-то брожение еще до дня «отложения» крестьян от Андреева*.

События этого дня рисуются нам в следующем виде. Утром 27 ноября 1796 года, в день «знамения пресвятыя богородицы» по поручению сотского из деревни Зориной десятский села Андросова Шамарин собрал всех взрослых крестьян (до 150 человек) к господским амбарам, с тем, чтобы идти в церковь для присяги новому царю. Однако, этому решительно воспротивился староста Моисей Титов (Чухрин), который «стал приказывать всем крестьянам нарядить 65 подвод для перевозу из сельца Хлынина в оное село Андросово» кирпичей и бревен из лесу.

Крестьяне были возмущены этим, как им казалось, незаконным поступком старосты.

«Все эти затеи от тебя, — говорили андросовцы Титову, — ты и прежних господ восстанавливал против нас, да и Андреева восстанавливаешь». На работу идти они отказались, заявив, что: «идут присягать новому царю».

«У нас есть свой царь — господин свой, он за всех нас будет присягать», — возражал староста, принуждая крестьян выйти на барщину. Но несмотря на все возражения Титова, андросовцы все же отправились в церковь, где они услышали манифест Павла I о присяге. Слова присяги: «быть государю верными и послушными подданными», восприняты были крестьянами по-своему. Крестьянин Яков Дударов, по выходе из церкви, стал уверять своих односельчан, что теперь не следует подчиняться помещику, что все они теперь «государщина». Все сразу с ним согласились. Вспоминая слова старосты о помещике-царе, крестьяне с возмущением говорили: «он не царь, а кабатчик». Стремление старосты помешать андросовцам воспользоваться новым «правом» только еще больше убедило их в значении присяги для будущей судьбы

* Об этом свидетельствует и довольно дружное выступление крестьян, сговорившихся, видимо, ранее, и факт поджога помещичьего дома в сельце Хлынине. Андреев в своем объяснении Куракину пишет: «А в 26 день ноября в сельце Хлынине неизвестным случаем часть моего дома сгорела». (ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, л. 29).

крепостных. Теперь они по-новому смотрели на себя, иначе предстал в их глазах и помещик*.

Из церкви все направились к новому господскому дому, куда в этот день собирался переселиться Андреев. Здесь-то и произошла первая сходка крестьян, посчитавших себя свободными. По предложению своих руководителей Якова Дударова и Потапа Панина они решили послать формальное «отрицание» помещику о том, что отныне они ему подчиняться не будут и не допустят переезда его в новый дом. А чтобы это положение узаконить, крестьяне сразу же выбрали поверенных для представления просьбы дмитровскому городничему о взятии их «в казну» и собрали им на поездку 6 рублей. Наивные андросовцы верили не только в царя, но и в «начальство», которое они рассматривали как свою защиту. Моисея Титова, который все время сопротивлялся «миру», постановили наказать палками.

«Отрицание» все же составить не удалось: писарь из дворовых, несмотря на «понуждение», отказался это сделать и убежал из Андросова вместе со старостой**.

Что касается ходоков, то они действительно в тот же день были посланы в Дмитровск с жалобой на помещика и старосту. Поверенными крестьян были три старика: Данила Шитов (Крутилин), Назар Белов и Яков Коновалов.

Между тем, ничего не подозревавший Андреев весело проводил праздничный день в Хлыinine в кругу своей семьи и многочисленных гостей. Появление встревоженного старосты нарушило его праздник. Весть об отказе крестьян от работы, об «отложении» их и о намерении убить его встревожила Андреева не на шутку. Сейчас же посылает он прошения

* ЦГИАЛ, фонд «Канцелярия генерал-прокурора», № 434, 1797 г. лл. 1—1°, Пупарев. Крестьянские волнения по вступлении на престол имп. Павла I. «Орловский справочный листок» 1876 г. № 7.

** Андреев описывает эти события так: «В 27 день того месяца поутру из того села староста Моисей Чухрин при случившихся на то время у меня в сельце Хлыinine благородных людях объявил мне, что крестьяне с. Андросова, собравшись многолюдно к моему дому, принудили его разными угрозами итти ко мне с таковым объявлением, что они меня слушать не хотят и не будут и чтоб я в то село и дом мой не переезжал, а буде перееду, убьют они меня до смерти. То же самое подтвердили из дворовых людей моих писарь, коего принуждали они и написать ко мне отрицание и бывшие вольные нанятые плотники и печники, добавляя к тому ж, что крестьяне мои называют себя казенными». (ЦГАДА, Г. А., VII. № 2985/II. л. 3°).

Дмитровскому капитан-исправнику и генерал-губернатору Беклешеву в Курск, «прося себе защищения и сбережения». Одновременно Андреев решил начать расправу сам. По его указанию управляющий Михайло Ульянов схватил двух крестьян—Потапа Панина и Фому Дмитриева и доставил в Хлынино, где они были закованы в кандалы и обриты как каторжники. Следом за ходоками в Дмитровск был послан поверенный Андреева, там он схватил жалобщиков и доставил в Нижний земский суд. Здесь они были арестованы и посажены в острог.

Начальство, получив «объявление» Андреева, сразу же стало на сторону своего собрата по классу. Дмитровский городничий, предупрежденный Андреевым, арестовывает поверенных от крестьян. А исправник на другой день, 28 ноября, посылает в Андросово для усмирения восставших дворянского заседателя Микульшина и стряпчего Железнякова*.

Вести о приезде чиновников и об аресте стариков-ходатаев несколько не утешили андросовцев. Собравшись на новую сходку, они решили «быть в одном согласии, собираться в кучу, иметь наготове в каждом дворе оружие, какое найдется, а в случае, если заседатель кого-нибудь тронет или возьмет под караул, то чиновников бить до смерти... все равно отвечать». И когда чиновники, остановившиеся в господском доме, потребовали их к себе, никто к ним не пошел**. Так в ходе борьбы крепостные стали терять веру в «благодетельность» начальства и убеждаться в своей собственной силе.

Нескольким крестьянам было поручено ночью сжечь Андреева в его хлынинском доме. Однако, полностью осуществить это намерение восставшие не смогли: пожар был своевременно потушен дворовыми***.

* Крестьяне никак не могли поверить тому, что начальство действует по указанию свыше: все мероприятия, направленные против них, они объясняли происками Андреева. «И потом, — пишут они в своей жалобе, — господин послал в г. Дмитров и приказал взять градского стряпчего и исправника, которые и приехали в оное село Андросово и собрали наше все село и увещевали якобы бунтовщиков». (ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, л. 3°).

** Пупарев, цит. соч.

*** Сам Андреев рассказывает, что «незнаемо кем в ночное время в сельце моем Хлынине оставшие от пожара последние мои покои, в коих я с женой и малолетними осьмерыми детьми и случившимися гостями находился, подложенною под угол соломою сожжены. Однако людьми моими сей пожар был утушен». (ЦГАДА, Г. А., VII, № 2918/I, л. 4°).

29 ноября, несмотря на присутствие в селе чиновников, все крестьяне стали собираться в конец села «с разным дреколием», имея явное намерение идти в Хлынино для окончательной расправы с помещиком. В доме Потапа Панина происходили постоянные совещания*.

Этот день был кульминационным моментом восстания: ожесточение крестьян было крайне велико. Однако, Андреев, оповещенный о готовящемся «походе» каким-то предателем, сумел уйти от возмездия и, «будучи в страхе и великой опасности, бежал со всем своим семейством в Курск... в крайнем беспорядке». Гости тоже «с великим поспешением» постарались подальше уйти от опасности**.

Андросовцы торжествовали: помещик бежал, староста запуган, работы все отменены, никто теперь не будет разорять их дворы. Наивно полагая, что главная цель их достигнута, что после бегства помещика настали дни настоящей свободы, они сложили оружие и отказались от своего намерения «бить на смерть чиновников».

Что было причиной этого перелома в настроении крестьян—трудно сказать. Во всяком случае здесь несомненно сказалась ограниченность их сознания, темнота и забитость. Но андросовцы не только отказались от тактики открытого сопротивления властям, от наступательных действий, — они не стали даже обороняться от перешедших к активным действиям чиновникам. На другой день (30-го ноября), собрав из окрестных селений толпу понятых, Микульшин арестовал и направил в Дмитровск 62 человека, т. е. половину всех взрослых крестьян села Андросова (в том числе и руководителя Якова Дударова). При чем нельзя думать, что крестьяне

* В своей жалобе губернатору Андреев обвинял Потапа Панина в сборе к себе на дом крестьян для заговора против него. Сам же Панин, не отрицая самого факта собрания в его доме, говорил, что к нему заходили только четверо крестьян и распили с ним принесенный полуштоф водки. «Таперича, — говорил кто-то из них, — на сходке очень можно говорить против присзжих из города, заседателя и приказных, что не хотим быть у помещика». (Пупарев, цит. соч.).

** «Поутру последующего дня (после поджога дома, Ф. Л.), — пишет Андреев, — из села Андросова один крестьянин, прибежав ко мне, объявил, что того селения все крестьяне собираются с разным дреколием и для ободрения своей дерзости пьют вино. От каковых опасных преднамерений я с моим семейством, сохраняя собственную нашу жизнь, в крайнем беспорядке принужден был уехать в город Курск» (ЦГАДА, Г. А., VII, № 2918/I, л. 4°).

уступили силе: вряд ли у Микульшина была какая-нибудь команда; они добровольно отдали себя в руки начальства, будучи уверенными в его справедливости и в своей правоте*.

В этом сказалась чрезвычайная слабость движения крепостных помещика Андреева. Никаких следов связи их с крепостными других сел (даже с хлынинцами) источники не сохранили, хотя настроение соседних крестьян было, конечно, тоже мятежное. Не случайно же в январе 1797 года в соседнем Севском уезде поднялись на борьбу с помещиками 13 тысяч крестьян сел Брасово, Радогощи и др. Андросовцы все же больше верили в царя и начальство, чем в поддержку соседей.

Однако, даже это слабое возмущение крепостных Андреева вызвало чрезвычайное беспокойство губернских властей. Генерал-губернатор Курской и Орловской губерний А. А. Беклешев, получив «тревожное объявление» Андреева, посылает распоряжение дмитровскому исправнику Веревкину о немедленном усмирении крестьян, но так как в течение трех дней от него не получено было никаких известий, на место происшествия был отправлен советник наместнического правления Яковлев**.

В Дмитровске Яковлев застал уже 65 арестованных крестьян (62 захваченных Микульшиным и трех ходоков). Попытки его уговорить их войти в послушание не привели ни к чему. Причинами своего «отложения» андросовцы выставили, во-первых, недопущение их до присяги и принуждение их выполнять в день присяги барщину; во-вторых, нарушение Андрее-

* «При zabrании их, — пишет Квашнин-Самарин 16. XII, — супротивления заседателю чинено ими не было» (там же, л. 1^о). В документах нет упоминания о команде, но если бы такая и была у Микульшина, она не могла бы быть значительной, ибо всего в Дмитровске было во время пятой ревизии 33 «служащих при команде нижних воинских чинов». (Орлов. ист. архив, фонд 4, опись 2, св. 641, дело № 488). Пупарев пишет, что после отпразни 62 арестованных в Дмитровск в Андросове остался заседатель Микульшин «с одним приказным, двумя солдатами и толпою понятых» (Цит. соч.).

** Ему поручено было «узнать все обстоятельства трго происшествия, что Нижним земским судом учинено и усмирены ли ослушные крестьяне». В противном случае советнику рекомендовалось «постараться вместе с Нижним земским судом кротким образом с надлежащим внушением им законного повиновения и вредных от противного тому следствия привести их в должный порядок и покорность». (ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, л. 1).

вым своего обещания держать их на оброке, как было при Даниловых, и изнурение их «несносными работами»; в-третьих, запрещение им рубить лес на дрова; в-четвертых, жестокие наказания во время работ и за рубку леса*. Крестьяне все время подчеркивали произвол помещика. Между прочим, они сообщили советнику об аресте Андреевым Потапа Панина и Фомы Дмитриева и обращении с ними как с каторжниками**.

Никакие «вразумления» и угрозы Яковлева не помогли. Крестьяне твердо заявили, что «готовы на всякое себе наказание, но за Андреевым быть не хотят». Из арестованных только шестеро поддались на уговоры советника и были поэтому освобождены.

Захватив с собой исправника Веревкина и уездного стряпчего Железнякова, Яковлев отправился в Андросово. Здесь он застал толпу понятых, созванных заседателем Микульшиным для ареста непокорных крестьян. Опять начались уговоры с целью привести крестьян к покорности. Яковлев велел привести к нему из Хлынина крестьян, арестованных Андреевым, но привели к нему только Потапа Панина, остриженного и в кандалах, другой же был отправлен к Андрееву в Курск.

Приезд губернаторского советника в Андросово не произвел никакого впечатления на крестьян. Поэтому Яковлев велел арестовать еще 30 непокорных крестьян и отправить их в Дмитровск. Для виду Яковлеву пришлось арестовать и старосту Моисея Титова.

Всего, таким образом, в Дмитровске оказалось 95 андросовцев, которых пришлось «по тесноте острожной тюрьмы» разместить по обывательским домам.

Когда советник возвратился в Курск (8 декабря) и доложил наместнику о безрезультатности своих разговоров с крестьянами, Беклешев предложил ему «паки» отправиться в Дмитровск. В случае новой неудачи ему предписывалось «из упорствующих человек до 20 или более» отослать в наместническое правление для применения к ним «всей строгости законного наказания», а остальных отпустить домой «под неослабный надзор полиции». Узнав об этом, Андреев упросил Беклешева изменить свое распоряжение. Он опасался, что отпущенные в село возмутят оставшихся там. Наместник согласился с доводами Андреева и Яковлеву было послано

* ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, л. 1^о

** ЦГИАЛ, Фонд «Канцелярия генерал-прокурора», 1797 г., № 434, лл. 1—4.

новое предписание: «Остальных нераскаявшихся крестьян, кроме тех, которые будут отправлены в Орел, в село не отпускать, а содержать в Дмитровске*.

Возвратившись в Дмитровск, Яковлев в течение нескольких дней уговаривал андросовцев покориться. Он угрожал им строгими наказаниями за неповиновение «законному порядку», «но никакие его ко вразумлению их старания не успели». Крестьяне держались исключительно стойко.

Тогда советник, «заметив из них 18 человек упорнейших, назначил Дмитровскому нижнему земскому суду отправить их в Орел, а остальных 77 человек содержать в Дмитровске в хранении у тамошнего городничего»**.

20 декабря 18 андросовцев доставлены были в Орел. Здесь ими занялся сам орловский губернатор Квашнин-Самарин.

Обо всем этом событии Беклешев, Квашнин-Самарин, губернский прокурор Маслов и даже сам Андреев пишут в Сенат и генерал-прокурору. Последний считает нужным доложить о событиях царю***. Словом, на крестьян, выступивших против своего помещика, поднялась вся грозная сила крепостнического государства. Чем же это было вызвано? Почему робкие шаги андросовцев вселили такой страх среди «начальства»? Активность чиновников-дворян несомненно вызвана была опасением, что движение крепостных Андреева грозило охватить и других, может быть, и их собственных крестьян.

* Пупарев. Цит. соч.

** ЦГАДА, Г. А., VII, № 2918/II, лл. 1—2°. Донесение Яковлева от 13.XII—1796 года.

*** А. Б. Куракин докладывал об этом Павлу I 29 декабря 1796 года. Царь приказал «предписать губернатору, чтобы он старался узнать начинщиков такового дела и предал бы их суду для должного по законам наказания; прочих доколе не раскаются держать под стражею; дать знать о сем повелении самому помещику и губернскому прокурору, дабы сей последний наблюдал за исполнением повеления сего». Павел I, видимо, опасался распространения волнений. «Губернатору, между прочим, дать заметить, — говорится в повелении, — чтоб он употребил всю свою деятельность для предохранения от таковых зловредных внутреннему спокойствию происшествий, и чтоб примерное наказание сих начинщиков было способом удержать и других, ежели бы подобные быть могли». Беспокойство царя, видимо, было довольно серьезно, ибо он велел послать в Орловскую губ. эскадрон гусар, которые «на такой случай для приведения в порядок (губернатор) употреблять должен». (ЦГИАЛ, фонд. «Кацелярия генерал-прокурора», № 398, 1797 г., лл. 142—143; ЦГАДА, Г. А., VII, № 2918/I, лл. 6—7).

Эта возможность была весьма реальна, хотя бы потому, что многие крепостные сделались тогда жертвой предпринимательской активности помещиков. Слухи, связанные с присягой, тоже были повсеместны, а память о Пугачеве у них еще достаточно свежа. Кроме того, губернские власти, несомненно, опасались уронить себя в глазах нового царя, подозрительно относившегося ко всем ставленникам Екатерины II. Но все принятые меры, как мы видели, не смогли локализовать волнение крестьян. Вслед за андросовцами поднялись крестьяне Севского и Трубчевского уездов Орловской губернии, откуда движение перекинулось в Калужскую губернию, а отсюда распространилось по другим губерниям Российской империи.

Вернемся, однако, к виновникам этой тревоги. Нас теперь интересует борьба крестьян Андреева на втором ее этапе, во время стойкой, хотя и пассивной, борьбы андросовцев с начальством за свои права, как они их понимали. Положение арестованных в Дмитровске было тяжелое. В течение двух недель их подвергали непрерывным допросам и издевательствам. «Нас забрали, — писали впоследствии андросовцы, — в город Дмитров 65 человек и посадили в тюрьму, а других сажали в холодные избы и брили головы и бороды наругательство»*.

Сначала устрашал их заседатель Микульшин, потом старался «уломать» их советник Яковлев, а потом и сам губернатор. Но крестьяне продолжали «стоять на своем». Они все еще были убеждены, что действуют в соответствии с добрыми намерениями царя и все время подчеркивали, что причиной их «отложения» от помещика был преступный, по их мнению, поступок старосты, который не допускал их до присяги. Советник, как он сам об этом доносил, стал их уговаривать: «если б подлинно такие произносимы были старостою слова, то сие причиною отложения их от повиновения помещику быть не может, ибо староста, буде б в самом деле оное было, получит за то достойное наказание».

Крестьяне тогда выставили другой аргумент: их вывели из себя новые «несносные работы», введенные Андреевым, тяжкие наказания и запрещение рубить дрова; словом, разорение их помещиком. Напрасно Яковлев пытался оправдать эти меры помещика и убедить крестьян «войти к нему в послушание», напрасно призывал он их на «законный путь» — жалоб

* ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, лл. 3—4.

по начальству, — крестьяне стояли на своем: «Они в том упорствуют, чтоб помещику не повиноваться, да и готовы на всякое себе наказание, но за Андреевым быть не хотят»*.

Не устрасили их и допросы орловского губернатора Квашнина-Самарина. Тщетно он сам грозил привезенным в Орел 18 крестьянам «судом и строжайшим по законам наказанием». Тщетно он пытался сломить их обманом о «человеколюбии и снисхождении» их барина. Арестованные стояли на своем. «Они все единогласно, — читаем мы в донесении губернатора, — ничего более на то не отвечали, как то, что за лучшее считают всякое по закону претерпеть наказание, но помещику их Андрееву повиноваться не хотят». Так они и остались, заключает губернатор, «при прежнем упорстве»**.

Губернатор, раздраженный этим сопротивлением, поручил Дмитровскому уездному суду срочно произвести расследование и в семидневный срок вынести решение по поводу всех «ослушников». Он требует отказа от «кроткого» уговаривания и применения сурового наказания непокорных крестьян. «Ослушников, — пишет он, — теперь освободить, в рассуждении, что они, возвратясь в дома без наказания, могут иногда пуститься и на дальнейшие продерзости и подать пример собою к тому другим, опасно». Он даже велит всех арестованных перевести в Орел, так как в Дмитровске, «по тесноте осторожной избы и по малому количеству воинской там команды содержать неудобно»***.

Чем можно объяснить этот переход от уговаривания к репрессиям? Несомненно, здесь какую-то роль играло поведение крестьян, оставшихся на свободе. Многочисленные аресты несколько не напугали оставшихся крестьян: еще 7 декабря они отправили ходоков в Петербург подать на Андреева жалобу самому царю. Впоследствии арестованные крестьяне объявили губернскому прокурору Маслову о том, «что села Андросова Авил Трофимов и Федор Вертофастов посланы с просьбою к государю в Петербург, на другой день Николаева дни, оставшимися в селе Андросово крестьянами после забранья их в городе Дмитровске под стражу». Ходокам собрали деньги и наняли пару лошадей и подводчика—крестья-

* ЦГАДА, Г. А., VII, № 2918/I, лл. 1—2.

** ЦГАДА, Г. А., VII, № 2918/I, л. 10°

*** ЦГИАЛ, фонд «Канцелярия генерал-прокурора», 1797 г., № 434, лл. 1—4.

янина соседнего села Макарова (помещика Николая Логовчина) Александра Романова*.

Оставшиеся на свободе андросовцы тоже долго отказывались повиноваться помещику. «Крестьяне ж от меня, — пишет Андреев в своем объяснении Куракину, — оставались послушными без управления». «Остающиеся в селении», по его словам, «быв в подобном заблуждении», продолжали свое послушание и не раскаивались**.

Страх перед крестьянами, оставшимися в селе Андросове, у Андреева был настолько силен, что он стал просить об учреждении в этом селе постоя солдат***. Косвенное отражение этого мятежного состояния андросовцев мы можем найти и в поступках местных властей.

Квашнин-Самарин распорядился предписать Дмитровскому нижнему земскому суду, чтобы он дал приказ сотским и десятским «соседственных близъ состоящих около села Андросова селений» ежедневно наведываться в село Андросово и иметь «неослабное блюдение и примечание и коль скоро уведают или слышат какие ни есть от тех крестьян против помещика своего буйствы, то бы тот же час давали знать земскому исправнику; а между тем пока исправник или кто из суда прибудет, то и сами старались бы всемерно отвращать буйство и всякий беспорядок». Земскому исправнику, кроме того, было велено «иметь частовременно и личное свое о спокойствии того селения сведение, т. е., чтобы, по крайней мере,

* ЦГИАЛ, фонд «Канцелярия генерал-прокурора», № 434, 1797 г., л. 10°. Из этого показания, между прочим, видно, что арестованные поддерживали связь с крестьянами, оставшимися в селе и что андросовцам сочувствовали крестьяне соседних помещиков.

** ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, лл. 30—30°; № 2918/I, лл. 18—19.

*** «Дабы и оставшие в селе Андросове его крестьяне, — передает прокурор Маслов прошение помещика, — не отважились подобного же учинить послушания и буйства, то б для воздержания их и сбережения в том селе Андросове самого его со определяемыми им к управлению людьми и его имущества определить в надлежащем количестве военную залогу». В этом Андрееву было отказано «по малоимению здесь воинской команды». (ЦГИАЛ, фонд «Канцелярия генерал-прокурора», № 434, лл. 1—1). В письме Куракину от 28 апреля 1797 г. Андреев жаловался «и хотя я с женою и осьмерыми малолетними детьми крестьянами изгнаны были из моих деревень и домов, усугублено мое нещастие, что и курский капитальный дом сгорел до основания, не имею я и поныне своего пристанища». (ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, лл. 31—31°). Не является ли и этот пожар результатом поджога, организованного оставшимися крестьянами?

через всякие два дня наведываться туда исправнику или одному из дворянских заседателей, а чаще исправнику».

Опасения начальства относительно поведения крестьян, оставшихся в Андросове и их соседей выразились между прочим и в том, что было приказано вести арестованных из Дмитровска в Орел обязательно тремя разными дорогами*.

Однако, скорее всего, изменение тактики начальства объясняется начавшимся восстанием крепостных в Севском уезде. Так или иначе, теперь заработала крепостная «юстиция». 3-го января 1797 года Дмитровский уездный суд вынес решение: «оказавшихся начинщиками всему возмущению четырех человек крестьян при многом собрании, близ живущих селений обывателей наказать кнутом, а прочих нещадно плетьюми». Орловский верхний земский суд усилил эту репрессию, постановив: наказывать кнутом не четырех, а пять человек, после же наказания сослать всех их в Сибирь. Остальных 89 (один бежал из-под стражи) после наказания плетьюми предписывалось «отдать в селение помещику их, а буде кого из них, по учиненной дерзости, помещик принять в селение не пожелает, в таком случае того сослать куда следует».

Палата суда и расправы, куда дело андросовцев поступило на ревизию, рассматривала это дело 20 января 1797 года, после получения высочайшего повеления от 29 декабря 1796 г. Поэтому решение о наказании Семена и Никиты Кузнецовых с товарищами, всего 86 человек (из оставшихся 89-ти один умер и двое бежало) плетьюми было отменено, их постановили, как того требовал Павел I «держатъ под стражею доколе придут в раскаяние». В отношении же пяти «начинщиков»: Потапа Панина (35 лет), Данилы Шитова (Крутилина, 75 лет), Якова Коновалова (60 лет), Назара Белова (76 лет) и Якова Дударова (60 лет) приговор был подтвержден, при-

* В предписании губернатора Дмитровскому нижнему земскому суду говорилось: «дабы во время отправления сих крестьян в Орел по немалому количеству не отяготить селением провожатыми, так как на провод от Дмитровска до Орла колодников назначено три тракта, а потому, разделя их на три партии, и отправить по трем, а не по одному тракту». Конечно, забота о том, чтобы «не отяготить селение провожатыми» является лишь маскировкой истинной причины этого мероприятия. (ЦГИАЛ, фонд. «Канцелярия генерал-прокурора», № 434, 1797., лл. 1—4).

чем установлено было и число ударов кнутом (по 60-ти каждому)*.

Губернатор Квашнин-Самарин этот приговор утвердил.

27 января 1797 года, ровно через два месяца после начала волнений, на площади села Андросова состоялось приведение в исполнение этого приговора над руководителями андросовских крестьян. Даниле Шитову (Крутилину), Якову Коновалову, Назару Белову, Потапу Панину, а также главному вдохновителю движения Якову Дударову было дано каждому по 61 удару кнутом. Назар Белов вскоре после этого дикого наказания умер. Четверо же остальных были закованы в ручные и ножные кандалы и сосланы в Сибирь на каторгу.

Но и свирепая расправа над руководителями не сломила стойкости оставшихся еще в Орловской тюрьме андросовцев. Они долго не соглашались покориться своему помещику.

Еще 23 января 1797 г., когда губернский прокурор Маслов явился в острог для «обозрения содержащихся под стражею», они продолжали стоять на своем. На его уговоры крестьяне отвечали: «воля ваша, мы рады помереть здесь» или «нам слову своему изменить нельзя присяге, староста назвал господина своего царем, который (староста, конечно, — Ф. Л.) надобно, чтоб был по закону наказан, а без того мы у господина своего быть и не хотим». Между прочим стойкость их подкреплялась надеждой на положительный результат дея-

* Приговор был составлен на основании «Уложения» (2 глава, 13 пункт), Военского устава (17 глава, 135 и 137 артикулы) и указов от 2 июля 1762 года и 22 августа 1767 г. Потап Панин обвинялся: «в двукратном отложении от повиновения господину своему, ибо он по возмущении сперва раскаялся, а потом сделался ослушным, и в собирании в свой дом крестьян для согласия на возмущение и отложение от повиновения». Данила Шитов, Яков Коновалов и Назар Белов обвинялись «в учинении меж собою согласия просить на господина своего; в бытии самими просителями и в собирании денег». Яков Дударов был обвинен «в принятии на себя во время возмущения начальства, в утверждении государственными крестьянами и в собирании денег». Старосту Моисея Чухрина, конечно, оправдали, сославшись на то, что сотский Игнат Яковлев и 8 других крестьян показали, что Чухрин «при них» не говорил, что у крестьян свой царь — помещик. (ЦГИАЛ, фонд «Канцелярия генерал-прокурора», № 434, 1797 г., лл. 1—4).

тельности их уполномоченных, отправленных к самому царю 7 декабря 1796 года *.

Только в двадцатых числах февраля, после кровавой расправы над восставшими крестьянами Брасова и Радогощи, при «особом старании» прибывшего в Орел генерал-фельдмаршала князя Н. В. Репнина остальные андросовцы прекратили свое сопротивление, «раскаялись» и сданы были Андрееву**. Однако, губернское правление, не будучи уверено и теперь в покорности крестьян, предписало Дмитровскому исправнику иметь «в селении сем неослабное примечание, и коль скоро замечена будет склонность их к беспокойству и неповиновению помещику и приставленным от него над ними начальниками» — немедленно принять соответствующие меры и донести губернатору***.

Так окончилась упорная, стойкая, хотя и недостаточно активная борьба крестьян за волю. После двухмесячной относительной свободы была опять восстановлена прежняя власть

* Крестьяне спрашивали прокурора: «где же наши посланные два человека крестьян, коих мы с просьбою послали к государю? Разве их где задержали?..» «По замечанию же моему кажется, — заключает Маслов, — что они остаются в упорности единственно по сему случаю, что ожидают личного дознания от посланных крестьян просителями, что по их просьбе последовало». (ЦГИАЛ, № 434, 1797 г., лл. 10—10^о). О мятежном настроении андросовцев говорит еще один любопытный факт. Во время обсуждения дела в Палате суда и расправы между чиновниками — судьями возникли разногласия. Председатель палаты Ржевский, выполняя волю губернатора, предложил не оглашать этого приговора подсудимым, ассессор Клушин возражал. Остальные стали на сторону председателя: боялись, видимо, что андросовцы сразу сдадутся и что их придется отпустить. Возвращение же андросовцев в момент разгара восстания в соседнем Севском уезде могло бы привести к расширению волнений.

** Орловское губернское правление 21 февраля 1797 года рапортовало Сенату, что 20-го февраля новый орловский губернатор Воейков в присутствии правления объявил: «онные помещика Андреева крестьяне по довольно чинимому им от него господина губернатора увещанию, признав вину свою, пришли в раскаяние, и пред крестом и евангелием поклялись остаться навсегда в повиновении и послушании как самому помещику своему Андрееву, так и приставленным от него над ними начальникам, и что впредь не будут они предпринимать подобного ослушания и во всем спокойными останутся. Почему как при оном увещании случился быть и сам помещик Андреев, то он, господин губернатор, приказав освободить всех оных крестьян в то же время и отдал их ему, Андрееву». (ЦГИАЛ, Сенат, 1 Департамент 1797 г. № 128, лл. 32 — 32^о).

*** Там же.

помещика и его старосты. Но покорность андросовцев была лишь покорностью перед начальством. Андреева они долго еще не признавали своим законным господином*. Крестьяне решили продолжать борьбу. Однако, опыт их открытого сопротивления помещику и «упорства» перед чиновниками их ничему не научили. И если они перестали верить в справедливость местного начальства, то вера в царя у них еще была крепка. Они не знали того, что именно Павел был главным виновником репрессий, обрушившихся на их голову. Не знали, что он предписал губернатору употребить «всю свою деятельность для предохранения от таковых зловередных внутреннему положению происшествий», что он указал «примерно» наказывать «зачинщиков», что он послал в Орловскую губернию против них гусарский эскадрон, что, наконец, он отправил несколько полков против крестьян Севского уезда для кровавой расправы над брасовцами и радогощанцами. Они остались теми же «царистами», какими были и раньше, и долго еще ждали ответа на свое прошение, посланное царю. Их темнота, кроме того, выразилась и в том, что они продолжали верить и попам. Именно андросовский священник, как сами они говорили, «приказал» им обратиться к царю**.

Но неправильно было бы подчеркивать только отрицательные моменты в борьбе крестьянства со своим помещиком. Говоря о крестьянском движении при крепостном праве, Ленин писал: «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотою, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все еще боролись, как умели и как могли»***. И андросовцы тоже боролись «как умели и как могли». А бороться надо было. Напуганный восстанием Андреев и его староста начали мстить своим крестьянам за их «ослушание», вопреки обещанию поступать с ними «с должным человеколюбием». «И до

* Вряд ли можно считать опиской, что в своем прошении царю, поданном в марте 1797 г., они именуют себя крестьянами «помещика Ивана Михайлова сына Данилова» (ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, л. 3).

** «Неутерпев, — писали они, — принуждены утруждать ваше императорское величество оную просьбу написать ото всего села Андросова о зачищении нас бедных от того разорения и притом по согласию и приказу отца нашего духовного того ж села... Андросова священника Бориса Акинтьева» (ЦГАДА, Г. А. VII, № 2985/II, лл. 3—4).

*** Ленин, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 311, 3-е издание.

днесь, — писали крестьяне в марте 1797 года, — оный выше-писанной наш господин всячески без милосердия нас разоряет, отчего уже мы беспокровительственные и домов своих лишились и во всем претерпеваем великие нападения*. Из этого заявления, подтвержденного и данными экономических примечаний, мы видим, что Андреев и после восстания не отказался от хищнических приемов эксплуатации своих крестьян. Именно поэтому крестьяне и решили продолжать свою борьбу.

Но обращение к царю, конечно, тоже им не помогло. Посланные еще 7 декабря тайно от помещика ходоки Вавил Трофимов и Федор Вертофастов до Петербурга добрались и подали жалобу. Куракин 31 марта доложил о ней Павлу I. Однако этот «хороший» по мнению крестьян царь, конечно, стал на сторону Андреева. По его приказу ходокам было сделано строгое «внушение». Трофимову заявили, что «поступки» крестьян противу помещиков своих есть «дерзость», что «коли они прежде были послушны», то и впредь «такowymi быть должны» и что «если они в чем-либо доносят несправедливо, иди сами противу помещика виноваты», то им угрожает «жестокость справедливого наказания по законам**». Даже само обращение к царю, внушали Трофимову, есть «дерзость».

По словам Куракина, Трофимов, после сделанного ему внушения, «раскаясь в своем заблуждении, принес повинную», после этого его «простили» и «милостиво» отпустили в «его жилище»***.

Так кончилась и эта попытка андросовцев добиться воли путем обращения к царю.

Пятимесячная борьба крестьян села Андросова, как мы видим, закончилась неудачей. Остались они за прежним по-

* ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, лл. 3—4.

** ЦГАДА, Г. А., VII, № 2985/II, 1797 г., л. 1.

*** Там же. Письмо Куракина Андрееву от 2.IV—1797 г. с требованием объяснений по обвинению его крестьянами в недопущении к присяге и в жестоком обращении. В этом письме Куракин, между прочим заявил Андрееву следующее: «не могу я оставить вам без замечания и того, что или собственная неумеренность в образе вашего домоуправления, или слабый присмотр за прикащиками суть следствием, как для вас, так и для правительства к заботе и беспокойствам. От них единая умеренность в поступках противу ваших крестьян собственную вам пользу и успокоение правительству доставить может, о чем всемерно стараться вы должны» (л. 26).

мещиком, не удалось им стать «государщиной», не удалось даже от ненавистного старосты избавиться.

Имеющиеся у нас материалы не дают возможности точно установить дальнейшую судьбу крестьян села Андросова. Мы можем только предположить, что Андреев порядки свои не изменил: крестьяне остались на барщине, продолжали работать на винокуренном заводе, терпели и другие «несносные» работы и жестокости. Одну треть крестьян он, повидимому, оставил при заводе, «на месячине» или расселил по другим своим деревням. Андреев после описанных событий целиком отдался предпринимательной деятельности, освободившись в мае 1797 года от службы. Однако, теперь он не стал жить в Андросове, покинул даже свой хлынинский дом и поселился в своем селе Рышкова Фатежского уезда Курской губернии*.

* * *

Переходим к выводам. Нас, прежде всего, интересует вопрос о характере этой настойчивой и длительной борьбы крестьян со своим помещиком.

Е. П. Трифилев полагает, что главной причиной волнений 1796—1797 годов является «страстное желание свободы», воодушевлявшее крепостных крестьян. При этом он не ищет объяснений подобному желанию, а подчеркивает именно отвлеченный характер этого факта, чем довольно четко определяет идеалистическую основу своей концепции.

Доказательством, подтверждающим эту идеалистическую теорию у Трифилева, является именно волнение крестьян села Андросова. Крепостные Андреева, по его мнению, восстали во имя отвлеченной идеи свободы, несмотря на улучшение их материального положения (помещик прирезал им землю). Мы уже видели, что никакого улучшения положения андросовцев не было, что крестьяне восстали сразу же после изменений, внесенных Андреевым, что «отвлеченное желание свободы» появилось у андросовцев на вполне реальной почве и что, следовательно, оно вовсе не было отвлеченным, а имело корни в развитии товарности помещичьего хозяйства, в усилении крепостной эксплуатации.

Но неправ и Павлов-Сильванский, утверждавший, что реальным основанием движения крестьян при Павле I были

* Курский областной исторический архив, ф. 33, св. 6, № 20, 1797 г., лл. 1—2.

«злоупотребления помещиков», «темные стороны крепостного права: тяжкий гнет господского произвола и тяжелое экономическое положение крестьян во многих имениях»*. Крестьянские волнения вытекали из всей системы крепостного хозяйства: неотвратимый процесс втягивания помещичьих хозяйств в товарно-денежные отношения и связанные с этим усиление крепостного гнета, разорение крестьянских хозяйств, обезземеление их — вот что было причиной роста классовых противоречий и крестьянских восстаний в последний период феодально-крепостной формации.

К Павлову-Сильванскому можно целиком отнести критику субъективно-идеалистических положений о крепостном праве, которая была дана В. И. Лениным. Крепостное право, по словам В. И. Ленина, в народнической литературе «изображается не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей такую-то эксплуатацию, такие-то политические, юридические и др. порядки, а просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам»**. Только опираясь на марксистско-ленинское учение о феодально-крепостной формации мы сможем дать правильную оценку этому событию.

«Оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боящемуся «начальства» крепостному крестьянину» жилось очень тяжело. Но века рабства «настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны... ни на что, кроме раздробленных единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием»***.

Эти слова В. И. Ленина о крестьянском движении в годы реформы целиком можно отнести ко всему последнему периоду крепостного хозяйства и, следовательно, к рассматриваемому нами событию.

Изложенные выше факты подтверждают ленинскую характеристику движения крепостных. Вера в добрые намерения царя побудила андросовцев восстать; во имя неправильно понятого его указа они претерпевали все муки после ареста; веру в царя они сохранили даже и после зверской над ними

* Павлов-Сильванский. Указ. соч., ст. 159, 160.

** Ленин, Соч., т. I, стр. 219, изд. 3-е.

*** Ленин, Соч., т. XV, стр. 169, 143, изд. 3-е.

расправы; именно ею объясняется и верноподданическое прошение и посылка ходоков в Петербург.

Нельзя поэтому судить о значении данного движения крестьян, по их собственным высказываниям и намерениям, которые лишь затемняют объективное значение их борьбы. Нашей задачей и является именно выяснить это объективное значение, скрытое за целым рядом неверных, субъективных представлений самих крестьян.

Как сами крестьяне формулировали мотивы выступления? Сначала причиной своего «отложения» они выставляли противодействие совершению присяги со стороны Титова, навязывавшего им в цари помещика Андреева. Потом они все время твердили, что «за Андреевым быть не хотят», «помещику повиноваться не хотят», так как он изнуряет их работами и жестоко с ними обращается. Но значит ли это, что они выступали только против Андреева? Конечно, нет. Странно было бы, если бы они при допросах говорили царским чиновникам свои истинные намерения. Для ответа на поставленный вопрос необходимо привлечь показания «сторонних людей». Работавшие на постройке помещичьего дома «вольные, нанятые плотники и печники», которые присутствовали на сходке 27 ноября, говорили, что андросовцы «называют себя казенными»*. Это заявление, равно как и слова Дударова на сходе 27 ноября позволяют нам утверждать, что данное восстание было направлено не за возвращение к Даниловым и не только против Андреева, а против крепостной зависимости вообще**. И для этого восстания характерно то, что отличало вообще движение крестьян во время крепостного права. «Когда было крепостное право, — писал Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство»***.

Но если наши андросовцы представляли себе, хотя и весьма смутно, противоположность своих интересов интересам помещиков, то они совершенно не понимали классовый характер тогдашнего государства. Они, видимо, искренне не призна-

* ЦГАДА, VII, № 2985/II, лл. 30—30°.

** Это отлично понимал и Андреев, который писал, что его крепостные «возмутились от дерзости и своевольтва..., возмечтав быть казенными с подобными других помещичьих крестьян мнениями» и что к царю они обратились «для снискания из помещичьего владения свободы» ЦГАДА, Г. А., № 2985/II, лл. 30°—31.

*** Ленин. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 311.

вали себя «бунтовщиками», они не оказали активного сопротивления властям и дали себя убедить в том, что достигнуть своих целей можно лишь «законными» методами, жалобами по начальству. Тогда как из всех имеющихся у нас документов видно, что за Андреева горой встали все чиновники, начиная от дмитровского городничего и кончая генерал-прокурором, на его стороне был и сам царь. Именно Андреева «охраняло, защищало и поддерживало царское правительство». Оно-то понимало лучше, чем крестьяне, классовый характер борьбы андросовцев. Это видно из «внушений» Квашнина-Самарина, который говорил арестованным крестьянам, «что ослушностью, упорством и неповиновением помещику своему, а с тем совокупно (и) власти законом установленной», андросовцы делают «сим разврат в общем порядке и устройстве». То же самое, как мы видели, говорил и Куракин крестьянским ходакам. Поднявшись на борьбу за освобождение от крепостной зависимости андросовцы не сделали ничего, чтоб привлечь на свою сторону соседей и сами не оказали никакой помощи восставшим в январе месяце 1797 года крестьянам сел Брасово и Радогощи. Они поверили попу Борису Акинтьеву, который внушал им веру в царя и неверие в свои собственные силы.

Следовательно, для восстания андросовцев типичны все характерные черты «бунта» крепостных: отсутствие ясного политического сознания, стихийность, локальность, боязнь «начальства», вера в попов и монархические иллюзии.

В этих особенностях самого крестьянского движения заложены и причины его поражения. Сами же эти особенности являются в свою очередь следствием крепостного способа производства, характеризующегося сочетанием мелкой культуры с крупным землевладением. «Старая барщинная система», писал В. И. Ленин, есть «существование мелкой культуры, мелкого хозяйства на крупных латифундиях, обработка помещичьей земли инвентарем мелкого крестьянина»*. Существование этого мелкого частного хозяйства является причиной непрочности связей между крестьянами, в особенности в период роста товарно-денежных отношений. «Отдельные крестьянские восстания, — говорит товарищ Сталин, — даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному

* Ленин, Соч., т. XV, стр. 503.

не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»*. Рабочего же класса в описываемое время еще не было, а работные люди немногочисленных мануфактур по своей идеологии мало чем отличались от крепостных крестьян. Вот почему восстание крепостных помещика Андреева не принесло им никакого облегчения.

Но, несмотря на это, их борьба все же не прошла бесследно. Именно крестьянам села Андросова принадлежит почетная роль застрельщиков мощного движения крепостных, охватившего в 1796—1797 годах не только Орловскую губернию, но и большую часть России. Кроме того, андросовцы обнаружили в своей борьбе стойкость и мужество, которые были неотъемлемыми качествами многих восстаний русских крестьян, заставивших, в конце-концов, царское правительство отменить крепостное право в России.

* Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 527.

Курская Коренная ярмарка

В. И. САМСОНОВ.

Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» писал, что «...в эпоху Московского царства... государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии... Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое... оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенным растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» *.

Вопрос о концентрировании местных рынков в один всероссийский стал предметом внимательного изучения многих историков. Они ставили его в широких рамках, в применении ко всей стране в целом. Однако большее значение имеет изучение вопроса и в применении к отдельным землям и краям, где, в силу местных особенностей, процесс концентрирования принимал своеобразную окраску.

В связи с ростом общественного разделения труда росла потребность обмена между землями с различными естественно-географическими и экономическими особенностями. Одной из форм обмена были ярмарки — этот специфически феодальный способ торговли, уже вышедшей за пределы удовлетворения местных потребностей местными ресурсами.

XVIII век — время быстрого роста количества ярмарок в России. В начале века их количество было незначительно и при Петре I даже поднимался вопрос о принудительной их организации, а во второй половине века уже числилось более тысячи ярмарочных пунктов. Это обстоятельство было показателем роста товарного обращения, концентрирования местных рынков в один всероссийский.

* Ленин. Соч., т. I, изд. 4, стр. 137.

Крупная ярмарка, имевшая большое значение в системе всероссийского рынка, находилась в Курском крае. Ее зарождение, расцвет и затухание были обусловлены ростом общественного разделения труда и развитием капиталистических отношений в разлагавшемся феодально-крепостническом строе.

Важные исторические сведения о ярмарке имеются в материалах, хранящихся в Курском областном историческом архиве. Среди них нужно прежде всего отметить группу дел Курской казенной палаты, которая ведала ярмаркой до передачи ее «городскому обществу», осуществляла общее наблюдение над ней и контролировала правильность отчисления казне установленного процента сборов *.

Несколько дел сохранилось в фондах «Канцелярия курского гражданского губернатора»**, «Курское губернское правление»***, «Курский губернский статистический комитет»**** и «Канцелярия начальника Курской губернии»*****

Сведения о ярмарке в этих фондах довольно отрывочны, статистические данные неполны, однако, они позволяют создать общее представление о характере торговли на Корен-

* Курский областной исторический архив (КОИА), фонд 184, дело № 13 «О всемилостивейшем пожаловании обществу гор. Курска казенной мельницы и о построении тем обществом гостиного двора и лавок для Коренной ярмарки», 1787 г.

Дело № 3 «О спорной земле Курского Коренного монастыря с тамошней ярмаркой», 1810 г.

Дела №№ 80, 82, 83, 84. «Смета на построение общественных лавок в большом гостином дворе в гор. Курске для помещения Коренной ярмарки», 1852 г.

Дело № 34. «О переводе ярмарки из Коренной пустыни в гор. Курск» 1878 г.

** Дела №№ 21, 267, «Наряд о ярмарке при Коренной пустыни учреждений и о доходах с нее собираемых», 1811 г.

*** Дело «О таксе сборов на Коренной ярмарке» 1851—1852 гг. Дело «Об учреждении ярмарок в уездах»: 1832 г. № 3; 1833 г. № 2; 1843 г. № 23; 1845 г. № 7; 1850 г. №№ 8, 9, 11; 1851 г. №№ 33, 39, 41, 45, 46, 47; 1863 г. №№ 35, 38, 46, 47.

**** Дело № 24, 1855 г. «Сведения о положении Коренной ярмарки, составленные в Курской Городской Думе» № 130, 1904 г. «Сведения о ярмарках скота».

***** Дело № 315, 1894 г. «Обороты торговли Коренной ярмарки» № 81, 1901 г. «О Коренной ярмарке в Курске и крестном ходе».

ной ярмарке и ее истории с конца XVIII века до начала XX века.

Курская Коренная ярмарка, широко известная в свое время как в России, так и за границей, располагалась в 30 километрах к северу от Курска, на нагорном берегу реки Тускари, вблизи Коренной пустыни (монастыря), по имени которого она и получила свое название.

Установить точно время ее возникновения трудно из-за отсутствия достоверных источников. В литературе можно встретить самые различные даты. Так, например, В. Н. Майнов категорически заявляет: «Коренная ярмарка, без сомнения, принадлежит к числу древнейших. Возникновение ее относится к исходу XIII столетия»*.

Это утверждение, не подкрепленное никакой ссылкой на источник, вызывает сомнение, так как в конце XIII в. еще не было условий для развития ярмарочного торгового дела вообще. Мало вероятно и сообщение Ларионова, который в своем «Описании Курского наместничества», изданном в 1786 г., утверждает, что ярмарка в Коренной продолжается около 200 лет, т. е., что она возникла в конце XVI столетия. Условия жизни на южных окраинах Московского государства исключали такую возможность.

Первые достоверные сведения о ярмарке имеются в «Историческом описании Коренной пустыни» Леонида, который приводит челобитную «курченина» Одинцова, поданную царю в 1708 г. В ней говорилось: «В пустыни в 20-ти верстах от Курска бывает богомолье и мирской съезд повсягодни во время Петрова поста и курские таможенные и кабацкие бурмистры ездят в те времена в тое пустыню для продажи вина и меду и сбора пошлинных денег, а того ж богомолья и съезду и сбору государевой денежной казны бывает по три дни; а сколько в той пустыни таможенных пошлин и прибылей в сборе бывает и того сборщики именно в книгах не пишут, знатно сборною государевою денежною казною корыстуются они бурмистры себе»**.

Источники же середины XVIII века рисуют ярмарку, как

* В. Н. Майнов «Живописная Россия», т. VII, ч. 1., стр. 287.

** И. Леонид. «Историческое описание Коренной пустыни», 1898 г., стр. 46.

уже вполне сложившуюся, прочно вошедшую в быт и известную далеко за пределами Курского уезда. Следовательно, время возникновения ярмарки надо искать не в XVI и не в XVIII, а в XVII веке.

Наиболее вероятным является предположение о возникновении ярмарки в середине XVII века после постройки «Белгородской черты», защищавшей Курский край от разбойничьих набегов татар, и после присоединения левобережной Украины (1654 г.), когда границы были отодвинуты на юго-запад. Это же предположение может быть подтверждено и анализом экономики Московского государства: именно в середине XVII в. стали устойчивыми те хозяйственные связи, которые и привели к созданию всероссийского рынка. В деле закрепления этих связей ярмарки играли большую роль*.

Какими же экономическими условиями можно объяснить возникновение Коренной ярмарки?

Известно, что во время голода в центре страны в 1601 — 1603 гг. в Курском крае был большой урожай и сюда, в богатые хлебом места являлись многочисленные покупатели. Это обстоятельство было толчком, ускорившим втягивание местного курского рынка во всероссийский. На рубеже Курского края, тогда чисто земледельческого, должен был возникнуть пункт для обмена его продукции на продукцию смежных северных областей, где уж развивалось ремесло. Таким пунктом стало место будущей Коренной ярмарки.

Оно было удобно для обмена. Здесь скрещивались большие пути с севера на юг и с юго-запада на северо-восток. Последний путь был известен еще до татар: реки Днепровского бассейна — Десна, Сейм, Тускарь, Снова приводили с южной стороны к Самодуровскому торфянику, вблизи нынешней ж.-д. станции Поныри. К северу из того же торфяника вытекала река Очка — начало Оки. Возможно, что в древности на месте торфяника было озеро. В таком случае получался непрерывный водный путь из Днепровского в Волжский бассейн. При отсутствии озера водный путь прерывался

* Автору этих строк не представилось возможным ознакомиться с соответствующими материалами XVII века, хранящимися в Центральных Архивах. В столбцах Московских приказов, в особенности Белгородского стола, вероятно, можно найти ответ на вопрос о времени возникновения Коренной ярмарки.

лишь сравнительно коротким волоком. С указанным путем перекрещивался другой, шедший с севера на юг от Москвы к Орлу, Курску и далее на Белгород. С конца XVI века и в XVII веке, в связи с расширением Московского государства в сторону «Дикого поля», он получил особо важное значение.

Но выгоды местоположения Коренной не исчерпывались тем, что она находилась на границе, отделявшей южные земледельческие области Московского государства от северных, где развивалось ремесло. Местонахождение ее было выгодно и для международной торговли. Курский край был наиболее выдвинутой на юго-запад частью Руси. Он граничил с Украиной, через которую могли поступать товары из Польши и расположенных далее на запад стран. Конечно, этот фактор мог приобрести значение лишь после Андрусовского перемирия. Новоторговый устав 1667 года, стремившийся уничтожить привилегированное положение иностранцев на московском рынке, позволял чужеземным торговцам въезжать во внутренние русские города только по особым государевым грамотам. А незадолго до этого Алексей Михайлович разрешил киевским людям вольную и беспошлинную торговлю по всему Московскому государству. Следовательно, киевские торговцы получили возможность ввозить во внутреннюю Россию товары, доступ которых через другие границы был затруднен. На заграничные товары со стороны господствующего класса был большой спрос, который возрос особенно после окончания войны с Польшей. Курская Коренная ярмарка лежала на пути из Киева в Москву и должна была сделаться местом, где можно было найти заграничные товары.

Почему же ярмарка образовалась именно в этом пункте?

Для возникновения периодического торга необходим ряд условий.

Привлечь торговцев с товарами в то время могли пункты, наименее обремененные поборами, наиболее гарантировавшие безопасность и периодически привлекавшие большие массы населения. Этим требованиям отвечали связанные с определенным местом (собор, монастырь) и сроком церковные праздники и торжества. Так было в Европе, где часто монастыри являлись центром торговли (например, в Шампани в XII—XIII вв.). Связь торговли с церковной жизнью нашла отражение даже в терминологии: оптовая ярмарка в Германии до сих пор носит название церковной службы — мессы.

В феодальной России связь церкви с торговлей установилась очень рано. Она стала традицией, вошла в привычки населения еще с древних времен. Церкви были почти единственным местом людских соборщ в известные всем дни и часы — откуда и выработался обычай привозить товары к церкви в эти дни. С другой стороны сама торговля привлекала население, «богомольцев», с которых церковь получала большие доходы, как путем эксплуатации их религиозных чувств, так и взиманием пошлин с продавцов и покупателей (за взвешивание и т. п.).

Ларионов в 1786 году писал об этой связи Коренной ярмарки с религиозными обычаями: «Начало заведения ее было, что по стекающемуся множеству богомольцев, окрестные дворяне стали лошадей пригонять для продажи, купцы для вымену их и нужных покупок помещикам разные товары привозили и от того учредилась ярмарка» *. Исследователь середины XIX века Аксаков считал, что «стечение десятков тысяч народа, сопровождавших этот крестный ход и остававшихся на богомоліе в пустыни — положило начало ярмарке, сперва мелочной, розничной, потом постепенно принявшей размеры оптовой торговли и получившей громкую известность по всей России» **.

Еще в первой половине XVII века установилось обыкновение ежегодно, в девятую пятницу после праздника пасхи, переносить из Курска в Коренную пустынь местную «чудотворную» икону. По церковному преданию она была найдена («явилась») у корня дерева, в связи с чем был основан монастырь, получивший название Коренского или Коренного***. Перенесение иконы, так называемый «крестный ход», привлекал большие массы народа из ближних и дальних мест. Для обслуживания их возникла мелкая торговля, сначала съестными припасами, напитками и т. д., а потом и другими предметами. В то же время богомольцы приносили продукцию своих домашних промыслов (кушаки, рукавицы, шапки

* Ларионов, цит. соч., стр. 56.

** Аксаков, Исследование о торговле на украинских ярмарках, 1858 г., стр. 126.

*** Сенаторский, Коренная пустынь. Ларионов. Описание Курского наместничества, стр. 54.

и т. п.) в надежде сбыть ее среди собравшихся. С течением времени крестный ход становился многолюднее *.

Когда в процессе растущего общественного разделения труда нечерноземная и черноземная полосы России получили различную производственную специализацию и появилась потребность в постоянном обмене, граница между первой, где развивались промыслы, и второй, остававшейся земледельческой, проходила в пределах Курского края. Тут должен был возникнуть пункт обмена. А он уже был намечен — торжок, обслуживавший народ, собиравшийся у Коренной пустыни. Сведения об этом торге успели уже широко распространиться. Тут на привычном месте и сложилась ярмарка.

В середине XVIII в. начался быстрый рост Коренной ярмарки, достигший к концу века полного расцвета. Источники дают довольно полную картину функционирования ярмарки в это время.

Упоминание о Коренной, как об оформившейся и ежегодно повторявшейся ярмарке, имеется в дневнике курского помещика Анненкова.

Вот его записи: «1747 г., июня 2, куплено у Коренной ярмарки для выдачи подрядчику по «контракту рыбы сомовины и чебаков на 2 р. 70 к.»; в 1748 г. там же куплена рыба; в 1750 г. — разный строительный материал; в 1751 г. — цевка золота и материя «китайка»; в 1754 г. — серебряные ложки; в 1755 г. — «бокал серебряный с крышкою, на крышке двоголовый орел, весом 1 фунт 4 золотника, да котел чугунный за

* Сохранилось несколько описаний этого крестного хода современниками. В 1853 году артист Малого театра, уроженец черноземной полосы, Лавров писал: «Крестный ход чрезвычайно торжественный. За иконой шли архиерей, губернатор, и вообще городские власти, за ними купечество, горожане и громадная толпа народа. Несмотря на 28-верстное расстояние, голова шествия была у Коренной, а хвост протянулся чуть ли не до Курска». Резким контрастом этому является описание крестного хода в Коренную В. Г. Белинским: «На другой день, около 2-х часов пополудни, поехали назад в Курск. На полдороге встретился крестный ход... Вообрази, тысяч 20 народу, вразброд идущего по колена в грязи, и который, пройдя 27 верст, ляжет спать под открытым небом в грязи, под дождем, при 5 градусах тепла»... (Письма, т. III, стр. 122—123). Этот же крестный ход является сюжетом яркого, обличающего царский строй, полотна И. Е. Репина «Крестный ход в Курской губернии».

7 руб.», образа и церковные книги; в 1756 г. — пилы пластинчатые, зеркала, котлы чугунные и железные, материя; в 1757 г. — «на старый колокол, отданный ценою по 7 р. 50 к. пуд, выменен такой же равновесный новый по 9 р. 50 к. пуд»; в 1760 г. — евангелие в узорчатом переплете; в 1765 г. — ложки серебряные и церковные книги» *.

«Шляхетская анкета» по Курскому уезду от 1765 года дает следующее описание ярмарки: «Ряды ярмонки бывают в Курском уезде в Обмяцком стану, а именно, первая в Рождественской Коренной пустыни... в каждом году после пасхи с десятой пятницы и на оную съезжаются из Великой и Малой России купцы и греки и прочие разных чинов люди и торгуют больше красными и прочими многими товарами и продолжается она ярмонка две недели» **.

«Записка о Коренной ярмарке», составленная для Екатерины II в 1767 году, содержит в себе ряд ценных сведений о состоянии ярмарочной торговли в 1760 годах. Из этой записки видно, что до 1764 года ярмарка находилась в ведении Курского Знаменского монастыря, филиалом которого являлась Коренная пустынь. «Во все прежние годы, — говорит записка, — сбор с оной ярмарки был от одного Курского монастыря, а как деревни монастырские взяты в правление в канцелярию экономии, то от оной и приставлен был к сборам отставной маэор Веревкин»***.

В «Экстракте о Курской Коренной ярмарке», составленном, видимо, в Коллегии экономии и приложенном к записке, имеются следующие данные о росте сборов и, следовательно, о росте оборота на ярмарке: «с построенных казенных на гостином дворе лавок и амбаров собиралось в год по 800 рублей. А в 1764 году по вступлении той ярмарки в коллежное ведомство по уведомлению Белгородского губернатора Нарышкина показано в сборе со оной (ярмарки) полавочных денег 1450 руб. 70 коп. В 1765 году оным же губернатором

* «Журнал Курского помещика Володимирского драгунского полку капитана Ивана Петрова сына Анненкова», 1745--1767 гг. (Научный архив Курского облмузея).

** Архив Академии наук в Ленинграде, Ф. 3., оп. 10-а. № 59.

*** Установить, когда ярмарка попала в руки монастыря, не удалось. Из вышеприведенной челобитной Одинцова видно, что в 1708 году ярмарка была в руках государственных органов.

Нарышкиным отданы были те лавки на откуп курским купцам за 1500 рублей». В 1766 году сборы составили сумму в 2076 рублей, а на 1767 год ярмарка была сдана на откуп за 2600 рублей*.

«Экстракт» и «Записка» о Курской Коренной ярмарке дают некоторые сведения и о территории ярмарки. Центральной частью был так называемый «вал», в пределах которого помещались построенные деревянные лавки числом 332.

Однако, окруженного валом пространства было недостаточно, в том же «Экстракте» говорится о торговле «за валом на возах и в кибитках с мелочными товарами», а «Записка» указывает еще на «шалаша, что на поле городят тесами продавцы, которые товар привозят».

Кроме постоянных и временных строений, торговля шла на обширном пространстве прямо «с возов», которых, например, в 1767 году было «несколько тысяч». Наконец большая территория требовалась для лошадей, пригнанных на продажу. Если прибавить сюда посетителей ярмарки, собиравшихся в огромном количестве, то надо притти к выводу, что общая площадь ярмарки уже в середине XVIII века выражалась десятками гектаров**.

О доходах самого монастыря в то время говорят донесения настоятеля Коренного монастыря церковному начальству в 1766 году о сборе, «полученном во время бываемого в ней о девятой пятнице богомолия с построенных подле того монастыря лавок»***.

В 1781 году проезжавший через Курск академик Зуев писал о Коренной: «на нее съезжаются не только из Российских городов купцы, но из Польши, Молдавии, Волости, немецкой земли, Греции и Крыма и привозят всяких

* ЦГАДА, ф. Гос. арх., разр. XVI, оп. I, д. № 754, лл. 9—10. При этом надо иметь ввиду, что о повышении размера пошлин с лавок и шалашей в этих документах ничего не говорится. Значит, рост сборов отражает рост оборота.

** ЦГАДА, ф. Гос. арх., разд. XVI, оп. I, д. № 754, лл. 4—8, 9—10. В первой половине XIX в. она равнялась 64 десятинам. Бесядовский. «Коренная ярмарка в 1863 г.» Труды Курского губ. Стат. Комитета, вып. II, 1866 г., стр. 125.

*** И. Леонид. Историческое описание «Коренной пустыни», стр. 45.

товаров миллиона на три рубля, более или менее смотря по обстоятельствам»*.

Факт приезда на ярмарку иностранных купцов подтверждает и Ларионов. «На ярмарку, — пишет он, — наезжает множество купечества со всякими иностранными и российскими товарами ближайших наместнических городов и из Москвы. Лавок на ярмарке 337. Доход с сей ярмарки приносится короне до 4-х тысяч рублей»**. Таким образом, к концу XVIII века Коренная ярмарка вышла из границ местного торгового и выросла в ярмарку государственного и даже международного значения.

Она привлекала внимание иностранных писателей. В 1796 году в Лейпциге Иоганн Мизлер выпустил книгу: «Историко-географическое и статистическое описание Европейской России», в которой говорил: «В 20-ти верстах от Курска вверх по Тускари лежит знаменитый монастырь, где происходит большая ярмарка, начинающаяся в девятую пятницу после пасхи и длящаяся 14 дней».

В конце XVIII века размах торговли на Коренной ярмарке стал весьма широк, здесь шла торговля самыми разнообразными товарами как отечественными, так и заграничными. В конце XVIII века «купечество Курска получало товары из заграничных мест: из Лейпцига, Данцига — льняные тонкие полотна, сукна и разную галантерею, из Вены — разные бумажные, шелковые материи и галантерию и для хлебопашества разные орудия — серпы, косы и проч., из Китая — также разные материи и чай, а из Херсона — виноградные напитки и весьма хорошие апельсины, которые во множестве и в разные города привозят. От себя же отпускают в Санкт-Петербург: мед, воск, сало, конопляное масло, пеньку, веревки, щетину, лисий и волчий мех. В Москву — рогатую скотину и лошадей»***.

* Путешественные записки В. Зуева от Петербурга до Херсона 1781—1782 гг., стр. 145. Академик Зуев, описывая ярмарку, далее говорит: «Пустырь, где торг производится, окружен... глубоким рвом и складенным из дерну валом. Внутри сего пустыря стоят теперь несколько пустых сараев для лошадей и несколько жилых изб. Лавки становятся при наступлении ярмарки... Ярмарка начинается обыкновенно в девятую после пасхи пятницу и продолжается несколько дней сряду, а с приездом и разъездом считая — недели две».

** Ларионов, цит. соч., стр. 53.

*** Там же, стр. 46.

Еще более обстоятельная картина ярмарки в период ее расцвета имеется в «Экономическом примечании» по Курскому уезду, составленном в 1798 году землемерами в связи с подготовкой атласа Российской Империи. После описания знаменитого Коренного монастыря авторы «Примечаний» так характеризуют ярмарку: «В сем месте бывает в десятую неделю по пасхе ярмарка, на которую съезжаются из разных российских и украинских малороссийских городов, из Санкт-Петербурга, Московской, Калужской, Тульской, Орловской, Воронежской, Слободской-Украинской, Харьковской, Киевской, Володимерской, Рязанской, Тамбовской, Казанской и Костромской губерний и разных украинских мест купечество, дворянство и разночинцы. Торг производят разными шелковыми материями, парчами, сукнами, плотном, драгоценными камнями и жемчугом, золотом, серебром, фарфором, хрусталем, оловом, медью, железом, свинцом и чугуном в разных вещах: колоколах, котлах, люстрах и прочею посудой и в слитках; также каретами, разными экипажами, конской упряжью, юфтой и пушным товаром, а греки привозят разные виноградные вина и фрукты; также довольно пригоняют лошадей в продажу от донских казаков и станиц из Бахмута, Изюма и Хопра, а дворяне приводят заводских лошадей. Бывает и хлебная ссыпка и продажа пеньки, и отправляется хлеб и пенька сухим путем в Орел и прочие места. Из Черкаска, Царицына и Астрахани привозят немалое количество рыбы, а поселяне привозят разные деревенские продукты, как-то: воск, пеньку, конопляное масло, деготь и разную деревянную посуду и горшки» *.

Оба эти описания ярмарки показывают обширные торговые связи между различными районами страны и разнообразие товаров на Коренной.

Точные данные об удельном весе дворянских сделок и покупок и о доле крестьян в ярмарочной торговле отсутствуют, но анализ ассортимента товаров позволяет заключить, что как дворяне, так и крестьяне принимали активное участие в ярмарочной купле-продаже. Дворяне приобретали шелковые материи, парчу, сукна, драгоценности, фарфор, хрусталь и т. д. «Хлебная ссыпка», продажа пеньки, воска, конопляного масла производилась главным образом крестьянами.

* ЦГАДА. Межевой архив, Курская губерния, № 44, лл. 149—150.

Они же, видимо, являлись главными потребителями таких товаров, как серпы, косы, деготь, деревянная посуда, горшки.

Активное участие в ярмарочной купле-продаже крестьян видно из дела о злоупотреблениях и вымогательствах откупщика Мисяева (1767 год). Списки пострадавших перечисляли значительное количество жителей, как городов, так и слобод, сел и деревень*.

«Записка о Коренной ярмарке», приложенная к этому делу, называла среди пострадавших и однодворцев**. Она указывала, что в 1767 году «народу всякого звания и разных наций людей, конечно, было более полутора тысяч человек**», и упоминала о «шалашах, что на поле городят тесами продавцы, которые товар привозят и имеют большею частью всякую мелочь для крестьян»...

Косвенным подтверждением активного участия крестьян в ярмарочных операциях служит количество возов, которых в том же году было несколько тысяч, и количество лошадей, их «было в продаже до 20-ти тысяч». При чем «ни один крестьянин и казак» при сделках на лошадей не избежал вымогательства со стороны откупщика**.

В это время на территории ярмарки был гостиный двор, правда, еще деревянный и довольно ветхий: его беспрестанно ремонтировали. Количество постоянных лавок, принадлежавших казне в 1798 г., равнялось 337. Кроме них, на время съезда сооружались лавки, шалаши, балаганы временного типа. В это время ярмарка давала казне до 4-х тысяч рублей дохода.

Приведенные данные подтверждают вывод о том, что конец XVIII и начало XIX веков был временем процветания ярмарки.

О торговых связях Коренной с разными городами отчасти можно судить по ведомостям, составленным Курской казенной палатой. Лавки в гостинном дворе, т. е. в центральных помещениях для оптовой торговли, на Коренной ярмарке сдавались или на один сезон или на четырехлетие. (Данные на четырехлетие, с 1788 по 1792 гг., о нанимателях и взятых ими лавках см. приложение № 1, стр. 132).

* ЦГАДА, ф. Гос. архив., разд. XVI, оп. I, д. № 754, л. 3.

** Там же, лл. 9—10.

Распределение лавок среди купцов из разных экономических районов.

Название экономических районов	Количество нанимателей	Число нанятых лавок
Наниматели из центрально-промыш. области	96 (78 проц.)	181 (84 проц.)
Наниматели из центрально-земледельч. области	17 (14 проц.)	18 (9 проц.)
Наниматели из Украины	9 (8 проц.)	16 (7 проц.)
Всего:	122 (100 проц.)	215 (100 проц.)

Эта таблица позволяет сделать следующие выводы: нити торговых связей тянулись от Коренной во все стороны, но безусловно преобладали те, что шли к промышленным городам русского севера. 78 проц. нанимателей лавок в гостинном дворе были северяне. Ими было взято 84 проц. всех лавок гостиного двора. Значит купец, двигавшийся на Коренную с севера, шел сюда не как покупатель, а как продавец, нуждавшийся в помещении для своего товара. Характер нанимаемого им помещения, лавка, говорит, что его товар не был громоздким. Это была промышленная продукция. Навстречу северному купцу шел южный. Его место среди нанимателей лавок в гостинном дворе было ничтожно: 8 проц. по отношению к числу нанимателей и 7 проц. по отношению к числу нанятых лавок. Он был по преимуществу покупателем. Он расплачивался за северные товары или деньгами или своей продукцией. А последняя не могла поместиться в лавках гостиного двора, требуя более обширных помещений — балаганов, навесов, даже просто мест под открытым небом. Это были продукты земледелия, рогатый скот и лошади разных пород. Некоторым подтверждением того же служат данные о найме других видов ярмарочной площади, так называемых «шалашей», плата за которые взималась «посажно».

Тут на первом месте иногда оказывались наниматели с юга — харьковские и нежинские, а московские отступали на второе место или совершенно отсутствовали. Этот вывод можно сделать из данных о распределении торговых мест для громоздких товаров (шалашей) среди купечества различных городов. (См. приложение № 2, стр. 133).

Приведенные таблицы являются ярким цифровым подтверждением наличия в России конца XVIII века широкого общественного разделения труда.

Реестр № 1 дает возможность сделать вывод, что наибольшим спросом пользовались лавки, сдававшиеся по низкой цене. Но не всегда торговые помещения ярмарки находили себе нанимателей. Так, в 1787 году остались не взятыми всего 137 лавок и 9 погребов. Значительное количество пустовавших лавок не является показателем упадка ярмарки, оно, очевидно, было вызвано сильным голодом 1787 года.

Кроме Коренной, в городах Курского наместничества насчитывалось 33 мелких ярмарки, а именно: в Короче — 6, в Обояни — 5, в Судже — 4, в Белгороде и Старом Осколе — по 3, во Льгове, Рыльске, Фатеже и Тиму — по 2; в Щиграх, Путивле и Новом Осколе по одной. «Более по округу, — писал Ларионов, — ярмарок не имеется, оприч небольших торгов при селениях в храмовые дни» *.

Уездные города не развили свою собственную торговлю, их малочисленное купечество закупало товар опять-таки на Коренной. Только Белгород, имевший в 80-х годах XVIII века, по данным Ларионова, 654 купца, поддерживал непосредственные торговые связи с Украиной, с портами: Херсоном, Таганрогом и заграницей. Остальные, даже Рыльск и Обоянь, имевшие 412 и 243 купца, ограничивались скромными, иной раз мелочными оборотами.

Расцвет ярмарки в конце XVIII века был обусловлен рядом обстоятельств. Отмена в 1753 г. таможенной черты между Россией и Украиной, а в особенности присоединение Правобережной Украины к России, облегчили хозяйственные связи между обоими братскими народами. Коренная ярмарка стала важным пунктом обмена между ними.

Украина тогда не имела собственной развитой промышленности и не обладала даже достаточным количеством торговых центров, куда товары поступали бы непосредственно от производителей, купечество было малочисленно. В 1781 году в Черниговском наместничестве было, например, 834 купца, при чем из них только 299 были украинцы, а остальные — пришлые из Великороссии.

Во всем Харьковском наместничестве в 1787 году числилось 462 купца, тогда как в одном только Курске их было

* Ларионов, Цит. соч., стр. 12 и 126.

более 1000 человек. Украина покупала часть нехватавших ей товаров на Коренной. Сравнительно слабо развитая морская торговля и отдаленность от балтийских и черноморских портов содействовали поддержанию сухопутной торговли с Европой.

Упразднение в 1753 году внутренних пошлин ускорило процесс разделения труда между хозяйственными районами. Производство товаров внутри страны расширялось и в результате повышения ввозных пошлин тарифами 1753 и 1757 г.г. Предоставление купцам 1-й и 2-й гильдии права беспошлинной торговли на всех ярмарках в 1755 году способствовало оживлению ярмарочной торговли. Кроме того, быстрый рост торговли на Коренной ярмарке связан с установлением в конце XVIII века непосредственных границ между Россией и Австрией после разделов Польши.

Все эти обстоятельства, свидетельствующие о росте капиталистического уклада в России вообще, благоприятно отразились и на функционировании Коренной ярмарки.

Внешним показателем расцвета ярмарки на границе XVIII и XIX веков явилось сооружение на ее территории каменного гостиного двора. Мысль об этом сложилась еще в 1785 году, когда правительство предложило купцам на свой счет строить по данному из столицы плану каменный гостиный двор. Лица, выстроившие лавки, получали на 10 лет освобождение от поземельного налога за места, занимаемые лавками. Однако, такие условия не прельщали предпринимателей. Несмотря на «объявление торгующим на ярмарках купцам и публикацию в газетах, к построению упомянутого по плану нового каменного гостиного двора желателей не явилось».*

Тогда правительство предложило более выгодные условия, приурочив свой шаг к проезду Екатерины II через Курск. Возвращаясь из путешествия в Крым и побывав в Курске, Екатерина на следующей большой остановке в Орле 17 июня 1787 года подписала рескрипт: «... чтобы строение гостиного двора для бывающей близ города Курска Коренной ярмарки по утвержденному от нас плану удобнее в действие произведено быть могло, повелеваем оное предоставить городскому обществу сего города с тем, чтобы они выстроили означенный двор гостиный каменный по плану и за то пользовались с лавок и других тут мест доходом, не платя казне нашей поземельных денег в течение 20 лет».

* КОИА, ф. 184, 1787, д. 13

Курское городское общество оценило выгодность дела и уже 25 июня обратилось в Курское наместническое управление с просьбой ускорить передачу городу ярмарочной территории, чтобы «шестигласная дума могла бы предварительно к заготовлению всех нужностей взять надлежащие меры».

Для приемки Коренной ярмарки со всеми строениями Курская городская дума «отрядила» гласного Михайлу Минакова.

Передача ярмарки городу была крупным событием в экономической жизни всего края. Некоторые откупщики всполошились. Курский откупщик «надворный советник и кавалер» Переверзев обратился в 1787 году в Казенную палату с напоминанием, что «В Коренной ярмарке состоит казенных питей продажа моего откупа, для чего и занимались под выставки угловые и прочие выгодные места». Ссылаясь на это, он просил, «во избежание могущего быть замешательства со стороны гражданства» при передаче ярмарочной территории, сохранить за ним облюбованные доходные места.

19 августа 1787 года состоялось определение Казенной палаты: «пресечь» сбор денег с ярмарки в казну и предоставить его Курскому городскому обществу сроком на 20 лет; передать обществу все ярмарочные постройки; отпустить военнослужителей, оберегавших старый деревянный гостиный двор и потребовать немедленного начала постройки по утвержденному правительством плану нового каменного гостиного двора.

Тогда же было поручено губернскому архитектору наблюдать за тем, чтобы постройка производилась из годных материалов и сообразно утвержденному плану и фасаду. Общее наблюдение за постройкой возложено на директора экономии.

Получив ярмарку со всеми строениями и доходами, Курская городская дума перестала заботиться о постройке нового гостиного двора, а поднимала мелкие споры из-за построек, сданных казной частным лицам. Например, возник спор о постоялом дворе, взятом в аренду уже известным откупщиком Переверзевым.

О сборах, полученных с ярмарочных помещений, Городская дума упорно не давала отчета. Вследствие этого Курская казенная палата 14 июня 1790 года, т. е. через три года после передачи, сообщила в Петербург генерал-прокурору, что «отчета о доходах Городская дума и городской голова дать не хотят и к зачатию повеленного строения никаких приуготовле-

ниев не сделано и материалов еще не заготовляет. Деревянное же строение от года в год приходит в совершенную ветхость».

Сенат, на рассмотрение которого поступило дело, нашел, что «без представления отчетов удобно может произойти злоупотребление, что деньги будут собираемы и употребляемы на непозволительные расходы и гостиный двор останется неотстроенным, при чем нужно заметить, что отрицательство Курского городского общества происходит единственно от недозволительного их упорства», и предложил Курскому наместническому правлению «принудить строжайше общество», во-первых, к представлению отчета «без всякого отрицательства под страхом поступить с упорствующим по законам», а во-вторых, приступить немедленно к постройке.

30-го октября 1790 года Курское наместническое правление предписало Городской думе «явиться всем своим составом для выслушивания «сенатского приказа».

Устрашающие меры достигли цели: постройка началась. Правда, она шла медленно: в 1792 году была выяснена сметная стоимость, именно 246 094 руб. ассигнациями. В 1793 г. фактически приступили к постройке. В 1799 году городской голова и общество просили оставить ярмарочные сборы навсегда в пользу города. Но власть согласилась лишь продлить 20-летний срок еще на четыре года.

Тогда городское общество возобновило свою просьбу перед ревизором Курской губернии, ссылаясь на то, что без передачи ему сборов с ярмарки навсегда или на долгое время, оно не сможет закончить постройку. Наконец, в 1808 году центральная власть разрешила сохранить все доходы с ярмарки за обществом, но только до окончания постройки. После нее доходы должны были делиться пополам между казной и городским обществом*.

В 1812 году все работы по сооружению гостиного двора были закончены. Но сейчас же его пришлось использовать не по прямому назначению: занять под артиллерийские припасы и пушки, при чем на 50 метров в окружности все деревянные строения были сломаны. Военное имущество было вывезено только в 1813 году**.

* Аксаков. Исследование о торговле на украинских ярмарках, стр. 129.

** Бесядовский. Коренная ярмарка в 1863 г. «Труды Курского губ. стат. комитета». Вып. II., 1866 г., стр. 125.

Здание гостиного двора получилось прекрасное. Автором проекта был Гваренги. Оно представляло собой несколько вытянутый с севера на юг прямоугольник. На стороне, обращенной к дороге на Курск, помещался главный вход. По обе стороны от него симметрично располагались два дома — губернаторский и комендантский.

Широкий проезд с одноэтажными лавками по сторонам приводил на центральную площадь овальной формы, способную вместить до 50.000 человек. На площади, прямо против входа, стояло двухэтажное главное здание ярмарки, украшенное колоннами, нишами и высокой башней с башенными часами. Двухэтажные крылья расходились от него в обе стороны, охватывая северную сторону площади. С южной стороны им соответствовали одноэтажные корпуса, в разрыве между ними проходил упомянутый проезд. Фасады всех зданий представляли собой длинные аркады полуциркульных арок, поддерживаемых столбами. В тылу главного здания располагались прямые одноэтажные корпуса, отделявшие прямоугольную территорию гостиного двора от остальных ярмарочных кварталов. Внутренность корпусов представляла собой широкие, длинные коридоры, обставленные с обеих сторон арками. Каждой арке соответствовала лавка. В центре обширного двора, образуемого тыльным фасадом главного здания и тремя внешними корпусами, стояла так называемая «важня» — казенные весы в восьмигранном павильоне. Площадь под гостиним двором и всеми ярмарочными кварталами равнялась 64 десятинам. В гостиним дворе было 466 лавочных номеров *.

В период постройки гостиного двора в Коренной русская экономика пережила большие потрясения. В 1808 году, в силу Тильзитского договора с Наполеоном, был запрещен привоз в Россию английских товаров. Однако, английские товары различными путями проникали в Россию, между прочим и на Коренную, откуда по всей западной русской границе, через Пруссию, Польшу и Австрию попадали и в Европу, ослабляя действенность континентальной блокады. Одной из целей, какие ставил перед собою Наполеон в 1812 году, было стремление заставить Александра I осуществить блокаду на деле.

В первые десятилетия XIX века ярмарка расширила свои связи с целым рядом торговых и промышленных центров. В

* Для сравнения следует иметь в виду, что в 1812 году в гостиним дворе на Нижегородской ярмарке было 2530 лавок.

1811 году Курская городская дума доносила губернатору, что на ярмарку съехались купцы из Петербурга, Москвы, Тамбова, Касимова, Новгорода, Орла, Калуги, Костромы, Воронежа, Таганрога, Кизляра, Нахичевани, Харькова, Екатеринослава, Киева, Чернигова, Нежина, Стародуба, Черкаска, Полтавы, Одессы, Херсона и прочих «отдаленных и соседственных с Курской губернией городов» *.

В привозе имелись товары: шелковые, суконные, шерстяные, бумажные, полотняные, российские полотна, пестряди, крашенина, набойка, бахта, китайские, бухарские, галантерейные, пушные, овощные (бакалейные), москательные, железные, медные, оловянные, скобяные, особенно подчеркивались сенокосные косы.

Наконец, на Коренной появлялся еще один вид товара, о котором официальные источники избегали говорить, именно — крепостные крестьяне. Ф. Ф. Вигель, занимавший в 1827—1828 гг. крупную административную должность в Керчи, писал в своих «Воспоминаниях»: «Больно было для русского сердца моего слышать о жестоком обращении простых, ничтожных греков с русскими крепостными их людьми, как скот купленными на Коренной ярмарке» **.

Главным поставщиком металлических изделий были Тула, сибирские и другие северные заводы. Мелкие металлические изделия: замки, дверные приборы, ножи шли преимущественно из Воронежской губернии; бакалея и деревянное масло — с юга, Крыма, Нахичевани, Одессы; виноградные вина и водка — из тех же городов и Кизляра; рыбные товары — рыба, икра, рыбий жир — из Черкаска, Астрахани и Тамани. Ведущий сорт товара — ткани — получались с севера, в том числе из Московского промышленного района ***.

Из приведенных данных видно, что Коренная ярмарка была связана с целым рядом северных и южных городов, являясь, как и раньше, посредником в товарообмене между обеими группами. Имелись в привозе и москательные товары — красящие вещества, быть может, колониального проис-

* КОИА. фонд Курского гражданского губернатора, № 21. Донесения от 13. VI. 1811 г., № 2511 и № 355, Курской городской думы курскому губернатору.

** Ф. Ф. Вигель. Воспоминания. 1865, ч. VII, стр. 98.

*** КОИА, фонд Курского гражданского губернатора, № 21. Донесения от 13. VI. 1811 г., № 2511 и № 355, Курской городской думы курскому губернатору.

хождения, попавшие в Россию через «северную границу», и продвигавшиеся на запад, в запретную наполеоновскую зону.

Из местных произведений на ярмарку поступали: воск, деготь, масло, пенька, смушки, заячьи меха, шерсть, кожи, деревянная посуда, мука разных сортов, сено, овес. Наконец, на ярмарке появлялось большое количество цветных кушаков работы курских крестьянок. «Кушаков, по отзывам покупателей, было более нежели на пятьдесят тысяч, кои весьма тонкой и чистой доброты разных цветов с разными в тканье фигурами делаются обывательскими женщинами и девками из шерсти домашних заводов овец и из привозимой из украинских городов и красят сии кушаки сами обывательки, употребляя на то собственные домашние произрастания — морену и дрок с добавлением к тому сандала и квасцов».

Видное место занимала торговля скотом и особенно лошадьми. Еще Ларионов писал, что Коренная ярмарка «славна более лошадьми». Их приводили сюда из разных мест Курской и соседних губерний, с Украины и из Донских станиц по 4—5 тысяч голов.

Анализируя ассортимент товаров, привозимых на Коренную ярмарку, надо сказать, что с первых десятилетий XIX века главным товаром там стали разнообразные материи, включая сюда шелк, сукно, всякие полотна, хлопчатобумажные ткани и галантерейные товары. Из 466 лавочных номеров в гостином дворе специально под ткани отведено было 195 номеров. В 150 остальных номерах ткани продавались в соединении с другими товарами. (например, готовое платье, шапки и т. д.). Таким образом, ткани можно было получить в 345 лавках. Остальные товары — москательный, овощной, бакалейный, скобяной, колокольный и др. продавались в 120 лавках.

Преобладание в продаже на Коренной тканей имело исторические причины. В начале XIX века стало развиваться текстильное производство в центрально-промышленной области. В 1805 году в Московской губернии было фабрик: ситцевых — 55, бумаготкацких — 4, красильных — 5, а в 1809 году их было соответственно 96, 8 и 15. В 1808 году в Москве основана первая бумагопрядильная. В 1825 году ситцевых и бумаготкацких фабрик было 200. Положительное влияние оказал покровительственный таможенный тариф, введенный в России в 1822 году, который запретил ввоз 3110 видов товаров.

В связи с ростом числа текстильных предприятий и с

увеличением количества текстильной продукции оживилась торговля ею на Коренной ярмарке. Главными покупателями была попрежнему Украина, не имевшая из-за колониальной политики русских крепостников своей, развитой текстильной промышленности. Работа русских текстильных фабрик в связи с узким внутренним рынком скоро привела к перепроизводству. Началась погоня за покупателями, а поскольку южная часть России и Украина предъявляли спрос на ткани, то эти товары и двинулись на юг, на популярную Коренную ярмарку. Сначала они привозились сюда купцами. Позже фабриканты сами стали высылать свою продукцию на Коренную. Приток товаров оживлял обороты, тем более, что продавцы открывали широкий кредит покупателям*.

Преобладание хлопчатобумажных товаров и других дешевых изделий широкого потребления позволяет сделать вывод, что малосостоятельный покупатель, в первую очередь крестьянин, имел большой вес среди ярмарочных покупателей.

Большой интерес представляют относящиеся к 50-м годам XIX в. данные о так называемых «черных» товарах, специально предназначавшихся для крестьян или изготовлявшихся ими для продажи на Коренной: сукно «донское» или «крестьянское», его привозили на Коренную с Дона прасолы Суджанского у. в количестве до 100 тысяч аршин на 19 тыс. рублей золотом; сукно «нижегородское» доставлялось в количестве от 150 до 250 тыс. аршин на 35 000 руб. серебром; войлоки, некоторые с узорами, в количестве около 12 500 штук (125 возов) на 5000 руб. серебром из Болховского у., на 25 возах из Бирюченского у.

Кроме того, курскими кустарями изготовлялись на ярмарку колпаки, пояса, скатерти, чулки и др. Эти местные товары,

* Такса 1848 г. о сборах с торговли говорит о многочисленности и разнообразии товаров. Она упоминает лавки и места для торговли: серебряные, галантерейные, пуговичные, перчаточные, книжные, суконные, красные, игольные, холщевые, бумажные, кафтанные, москательные, овощные, пушные, мелочные, жемчужные, шляпные, скобяные, колокольные, иконные, винные, башмачные, меняльные, юхтовые, посудные, бакалейные, хрустальные, мебельные, шорные, сундучные, щепные, тулупные, мыльные, квасные, булочные, железные, чугунные, табачные, горшечные, соляные, хлебные, пряничные, мясные, макаронные, кожевенные, рыбные, бичевочные, каретные, восковые, войлочные, чулочные, сенные, мучные, крупяные, лесные, конные, овчинные и др.

а также иногородние «ковры, плахты, валенки, поярковые шляпы» находили себе покупателей среди крестьян.

Далее, на ярмарке можно было встретить и съестной товар: грибы, клюкву, малину сушеную, груши и сливы (последние, между прочим, доставлялись рыльскими извозчиками из Бессарабии). Среди «черных» товаров большое место занимали: мочальный товар — до 100 тысяч рогож, циновки, которые привозили из Нижегородской губернии так называемые «самовозы», т. е. крестьяне, возможно, сами производители; кули разных сортов, изготовлявшиеся в Курской губернии; бичева (до 25 тыс. пудов), калужская нить (3 тыс. пудов).

В большом количестве на ярмарку привозили деревянную посуду и так называемую «неточеную» посуду курского производства. Привозили также ободья из Курска и других губерний (до 1500 возов), игрушки (на 6 тыс. рублей) и т. п. *.

Значительное место среди покупателей занимали дворяне-помещики. К их услугам на ярмарке имелся специальный, так называемый, «панский ряд». Этот ряд самый разнообразный по содержанию: в нем заключались «почти все предметы, употребляемые в быту и общежитии дворян и купцов: здесь можно было найти модную мантилию и ученую книжку, тонкие кружева и черкесское седло, бриллиантовый браслет и икону в окладе, косметические товары, подзорные трубы, шляпы московского изделия и прочее».

«В панском ряду, писал очевидец, вы не увидите ни дегтем выпачканного чумака, ни прасола со шкурками, ни крестьянина с поясами. Вход черному народу недоступен в этот панский ряд... Обширная панская линия не уступит красотой ни С.-Петербургскому пассажи, ни Московской Голицинской галлерее. Пол ее обыкновенно бывает устлан свежескошенной травой, а в конце ряда, на галлерее, гремит ярмарочный оркестр, получающий 25 копеек в сутки с каждого лавочного номера» **.

Увеселению съезжавшихся на ярмарку служили и трактиры разнообразного пошиба. В иных цыганские хоры выручали до 3000 рублей за сезон.

* И. Аксаков, Исследование о торговле на украинских ярмарках, 1858 г., стр. 367—377.

** Бесадовский. Курская Коренная ярмарка в 1863 г. «Труды Курского губернского статистического комитета», вып. II. 1866 г. стр. 39.

У помещиков, офицеров-ремонтёров и купцов, приезжавших на ярмарку, были наличные деньги, иногда десятки тысяч, и, конечно, чуя возможность наживы, сюда стекались во множестве разные более или менее темные личности. Видное место занимали профессионалы азартной карточной игры. В 60-х годах на ярмарке было продано за семь дней 287 дюжим колод игральных карт. А шестидесятые годы были уже временем упадка карточной игры.

Большое скопление народа на ярмарке ставило перед губернскими властями задачу поддержания полицейского порядка. Так, в 1811 году за несколько времени до начала ярмарки курский губернатор отдал приказ курскому полицмейстеру откомандировать туда двух частных приставов, двух квартальных надзирателей, восемь конных драгун при унтер-офицере. Кроме того, туда направлены 40 рядовых внутреннего губернского полубатальона при пяти унтер-офицерах и двух обер-офицерах.

Курский земский исправник отправлялся туда же с двумя заседателями. Все эти власти должны были следить, «дабы при бываемом стечении великого множества разного звания людей, соблюден был полицейский порядок, чтобы никому из приезжающих, как со стороны приставленных от градской думы к сбору пошлин, так и не от кого из бывающих на ярмарке никакого притеснения не было, также злоупотребления и беспорядка при отдаче лавок и производстве торгов не производилось бы».

На время работ ярмарки выезжал в Коренную и земский суд в составе трех чиновников. Для суда отводилось помещение в центральной части главного здания и, сверх того, две лавки, которые служили для заключения арестантов.

Противопожарные мероприятия выражались в посылке из Курска на ярмарку двух брандмейстеров с пожарными трубами и «нужным числом принадлежащих к тому инструментов».

Курская врачебная управа высылала на ярмарку одного из своих членов «для бытия при свидетельствах мертвых тел и прочего по должности медицинских чиновников относящегося».

Для разъездов многочисленных чиновников требовалось большое количество обывательских лошадей. Для выпаса приобретаемых для армии ремонтных лошадей нужны были

обширные пастбища. Выполнение этих обязанностей было разложено на Курский, Щигровский и Фатежский уезды.

В виду отсутствия прямых данных о размерах торгового оборота на ярмарке в конце XVIII века и начале XIX века надо воспользоваться косвенными. В 1788 году собрано было в пользу казны ярмарочных сборов 2760 р. В следующие годы они систематически повышались, дойдя в 1806 году до 7146 р. В период континентальной блокады, т. е. в 1807 — 1810 гг. составляли в среднем 5600 р. в год. 1811 г. — год ослабления блокады — дал повышение до 6408 р.

Обороты Коренной ярмарки с некоторыми колебаниями продолжали расти и в последующие годы. О характере этого роста можно судить по следующей таблице о сборах с ярмарки *:

Годы:	1812 г.	1813 г.	1817 г.	1820 г.	1825 г.	1826 г.	1831 г.
Суммы:	10540 р.	12323 р.	20944 р.	28793 р.	20864 р.	21171 р.	14984 р.
Годы:	1832 г.	1840 г.	1850 г.	1859 г.	1860 г.	1861 г.	1862 г.
Суммы:	21275 р.	28209 р.	23761 р.	34580 р.	38515 р.	35634 р.	34694 р.
Годы:	1863 г.						
Суммы:	34333 р.						

При анализе этих цифр следует, однако, иметь в виду, что увеличение суммы сборов в конце 50-х годов объясняется также и более тщательным взиманием сборов. Современник писал: «В последние годы было обращено особое внимание на правильность сборов и усиление наблюдения за ними» *.

В начале шестидесятых годов проявились явные признаки упадка ярмарки. Даже при «тщательном взимании» сумма сборов, как видно из приведенной таблицы, с 1861 г. стала уменьшаться.

За 1811 год имеются уже и данные о размере привоза товаров на Коренную. Этот привоз выразился в сумме около четырех с половиной миллионов рублей. Но этот год считался посредственным. В донесении губернатору от Курской городской шестигласной думы от 13.VI.1811 г. говорилось: «Торги же были, как купечество отзывается, посредственные в рассуждении возвысившихся на все товары, припасы и извозы

* Бесядовский. Коренная ярмарка в 1863 г. «Труды Кур. губ. стат. комитета», вып. II, 1866 г., стр. 144—145.

цен». Конечно, главной причиной этого была континентальная блокада. По сравнению с 1811 годом значительно возросли обороты Коренной ярмарки к 30-м годам XIX века. Об этом можно судить по нижеследующей таблице:

	1811 г.	1829 г.	1830 г.	1832 г.
--	---------	---------	---------	---------

Сумма привоза 4,5 мил. р. 10,136 мил. р. 9,161 м. р. 10,042 м. р. *

Крупное значение Коренной ярмарки нашло себе официальное признание в законе, изданном в 1824 году и разрешавшем иностранцам высылать товары «на три главные ярмарки: Коренную, Нижегородскую и Ирбитскую»...**.

Росту ярмарочной торговли в это время содействовало, в числе прочих причин, направление путей сообщения. В 30-х годах XIX века из Москвы через Коренную и Курск проходила на Харьков дорога «больших сообщений». Она разветвлялась на две ветви: на Одессу и на Дон и Кавказ. Другая дорога такого же значения шла из Москвы через Коренную до Курска, откуда поворачивала на Чернигов и далее на Киев ***. Кроме того, через Курск, а значит и через Коренную, проходила дорога из Полтавы на Воронеж ****.

В те же 30-е годы курским дворянством при правительственной поддержке была сделана попытка оживить путь на юго-запад, выразившаяся в устройстве Сейминского водного пути.

Сооруженный в 30-х годах водный путь был снабжен рядом шлюзов, обводных каналов и бичевников. Срок навигации был определен с 15 мая по 15 октября. Путь должен был пропускать суда грузоподъемностью от 2 тысяч до 5400

* Эти данные, заимствованные у Аксакова, следует сравнить с оборотами других ярмарок: на Нижегородскую ярмарку в 1817 году было привезено на 26.000.000 р., а в 30-х годах XIX века туда ежегодно привозилось по Каме и Оке на 19.400.000 р. (1837 г.).

** Первое полное собрание законов, т. XXIX, № 30115. О большой популярности ярмарки говорит, между прочим, отражение ее в литературе (см. Сухово-Кобылин — «Дело» и Алухтин «Старая цыганка»).

*** Булгарин, Россия в историческом, географическом и статистическом отношениях. 1837 г.

**** Штукенберг. Описание Курской губернии. 1857 г., стр. 18.

пудов. В 1836 году началось движение, а официально весь водный путь был открыт в 1839 году. По этому поводу в официальном органе Министерства внутренних дел писалось: «В Десну впадает Сейм, объявленный в начале этого года судоходным» *.

Движение производилось не только вниз по реке, но и вверх. В 1846 году по Сейму прошел первый пароход, доставивший в Курск большую партию брянских лесных материалов. Однако, целый ряд причин делал водный путь нерентабельным и около 1850 года он был закрыт.

В период процветания Коренной ярмарки курское купечество стремилось максимально использовать все выгоды от нее, в связи с чем просило в 1819 году правительство перенести ярмарку из Коренной в город Курск. Оно выставляло доводы: охрана гостиного двора в Коренной требовала значительных издержек; самый двор мал и приходилось строить опасные в пожарном отношении деревянные балаганы; в ненастное время грязь затрудняла движение.

Купечество просило передать городу ярмарочные доходы целиком с тем, чтобы соорудить в Курске сначала временное помещение, а потом каменный двор, «удвоив его против ныне существующего в Коренной пустыне и применяясь всей постройке с планом и фасадом строящегося в Новгороде гостиного двора». Просьба удвоить размеры двора и сделать его по образцу крупнейшей русской ярмарки подтверждает большое экономическое значение Коренной ярмарки. В своем прошении купечество ссылалось на украинские города: «Харьков, Сумы, Ромны и проч., которые из небытия на степень величия взошли посредством ярмарок...» **.

Как согласовать желание купечества перенести ярмарку в Курск (1819 год) с фактом постройки каменного гостиного двора в Коренной (1812 год)? Могли ли за столь короткое время измениться условия, а вместе с ним и взгляд купечества на этот вопрос?

Дело, очевидно, в том, что в период постройки рядов вершителями дел были представители класса помещиков, а они не хотели порывать с традициями, не хотели уничтожать

* «Журнал Министерства внутренних дел», 1836 год, февраль.

** Купечество ошибочно принимало следствие за причину.

связь ярмарки с крестным ходом, не хотели расшатывать феодальные отношения. В недрах этих устоявшихся порядков росли новые капиталистические отношения, представителями которых были купцы. Купцы смотрели на дело другими глазами: коммерческую выгоду ставили выше традиций.

Их просьба заключала в себе одно важное указание: как пример процветания городов, вызванного учреждением ярмарок, они приводили Харьков, Сумы, Ромны, т. е. города, расположенные южнее и западнее Курска, в пределах земледельческой Украины. Этим они бессознательно подчеркивали передвижение на юг границы между промышленным центром и земледельческим югом, а вместе с ним и передвижение пунктов обмена. Последнее в конце-концов сыграло немаловажную роль в жизни Коренной ярмарки.

Во втором десятилетии XIX века перемещение только начинало ощущаться. Позже оно осуществилось полностью. Говоря о перемещении главного центра производства зерна из средне-черноземных губерний в степные, Ленин писал о последних: «этот интересный факт громадного роста земледельческого производства в описываемом районе объясняется тем, что степные окраины были в пореформенную эпоху колонией центральной, давно заселенной Европейской России. Обилие свободных земель привлекало сюда громадный приток переселенцев, которые быстро расширяли посевы. Широкое развитие торговых посевов было возможно только благодаря тесной экономической связи этих колоний, с одной стороны, с центральной Россией, с другой стороны — с европейскими странами, ввозящими зерно. Развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого» *.

Анализ нижеприведенных данных о привозе и продаже товаров на Коренной позволяет более точно установить переломный момент в истории ярмарки: период наибольшего подъема Коренной имел место в 1852 — 1853 гг., после чего начался постепенный упадок **.

* В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., том III, изд. 1935 г., стр. 194.

** Для составления таблицы (см. стр. 123) использованы след. источники: Материалы Кур. губ. стат. комитета, д. № 24, 1855 г.; Аксаков, цит. соч.; Бесядовский, цит. соч.

Годы	Привезено в руб.	Продано в руб.	%
1845	6.175.850 р.	2.977.850 р.	48 ⁰ / ₁₀₀
1846	6.855.650 »	2.893.750 »	42 »
1847	6.052.300 »	2.718.625 »	44 »
1848	6.953.350 »	2.432.430 »	35 »
1849	6.756.160 »	2.847.395 »	42 »
1850	6.808.400 »	2.127.750 »	31 »
1851	6.939.300 »	3.394.900 »	49 »
1852	9.096.500 »	5.758.300 »	63 »
1853	9.545.245 »	5.623.561 »	53 »
1854	5.085.806 »	2.125.600 »	41 »
1855	6.338.575 »	3.565.625 »	56 »
1856	6.555.600 »	3.918.000 »	59 »
1857	7.730.100 »	4.573.200 »	59 »
1861	6.085.000 »	—	—
1870	5.340.000 »	2.670.000 »	50 »
1877	2.022.000 »	1.600.000 »	78 »
1893	489.000 »	391.000 »	79 »
1894	813.000 »	739.000 »	90 »

Наряду с резким уменьшением оборота, изменялся и самый характер Коренной ярмарки. Текстильные товары, создавшие ее славу в начале XIX века, находили все меньший спрос. Процент проданных текстильных товаров был ниже общего процента продажи по всем видам товаров. Например, в 1855 году было продано 56 проц. всех привезенных товаров, в 1856—59 проц., в 1857 — 59 проц., а по отдельным видам *:

Наименование товаров	1855 г.			1856 г.			1857 г.		
	Привезено в рублях	Продано в рублях	% продажи	Привезено в рублях	Продано в рублях	% продажи	Привезено в рублях	Продано в рублях	% продажи
в тысячах рублей									
1. Хлопчато-бум. ткани	1745	940	53	2249	1371	60	2359	1310	55
2. Шелк. и шерст. ткани	996	442	44	984	542	55	638**	358**	56
3. Холсты и пестрядина	97	46	47	74	51	70	87	49	56
4. Сукна	270	97	35	229	95	41	334	168	50
5. Галантерея	335	110	33	331	113	34	418	197	47
6. Воск	214	180	84	97	97	100	89	89	100
7. Сахар	366	282	77	414	385	92	376	322	85
8. Мыло	27	20	74	33	31	93	52	49	95
9. Вино	94	62	66	93	61	65	107	65	60
10. Бакалея	118	75	63	33	33	100	260	169	65
11. Рыба	146	93	61	93	57	61	167	143	85

* КОИА, фонд Статистич. комитета, 1855 г., № 24.

** Без шерстяных тканей.

Такие товары, как соль, сало, табак, масло конопляное, деготь, марена, клей, мука были полностью проданы; воск, сахар, мыло — почти целиком. Текстильные же товары были проданы максимум на 60 проц., а в большинстве случаев от 40 до 55 проц.; наиболее ходкими товарами стали продукты питания. Из остальных товаров — лошади, которыми ярмарка «была славна» еще в XVIII веке, попрежнему находили хороший сбыт: в 1855 г. их приведено на 550.000 руб. и продано 95 проц.

Приведенные цифры рисуют путь, на который вступила Коренная ярмарка: время, когда она была крупным поставщиком привозных товаров для широкой территории, ушло в прошлое. Ярмарка стала перерождаться в торг местной продукции для местных потребителей.

На Коренной ярмарке проявилось действие экономических законов, общих для ярмарочного обмена.

Порожденные экономическими и общественными условиями феодального строя ярмарки существовали, пока этот строй был крепок, но когда наступил его кризис, когда усилились капиталистические отношения, заколебалась и база ярмарочной торговли. Одно за другим стали отпадать обстоятельства, обуславливавшие расцвет ярмарок.

Во-первых, безопасность для торговца и его товара, которую гарантировала ярмарка, перестала привлекать, поскольку установилась повсеместная безопасность передвижения товара и пребывание его на месте. Во-вторых, улучшение путей сообщения и связи, особенно возникновение и развитие железнодорожной сети и водного транспорта, парусного, а потом и парового, облегчило перевозку товаров в любой момент, независимо от времени года, непосредственно от производителя к потребителю. Железные дороги оказали глубокое влияние на развитие товарного обращения и рынка, впервые вовлекая в рыночный оборот ранее незатронутые им районы.

Говоря о периоде развития в России крупной машинной индустрии В. И. Ленин писал: «Торговые сношения между отдельными районами громадно расширяются; железные дороги облегчают передвижение» *.

* Ленин, т. III, стр. 429.

Для Курского края развитие железнодорожной сети, соединившей его с важнейшими промышленными и торговыми центрами страны, сыграло большую роль. В 1868 году открыто движение Москва — Курск, в 1869 г. — Курск — Киев и Курск—Харьков.

Известный интерес представляет, между прочим, сообщение П. И. Якушина о том, как объясняли падение ярмарки местные жители: «Москва стала ближе, в старину-то кому что надо купить, приезжали в Коренную, а господа на целый год в Коренной запасались: вино, чай, сахар, на платье что надо, все в Коренной покупали. Больше и взять было негде, а теперь уж эти порядки перевелись, прежних запасов не делают, а в Москву часто ездят, что надо в Москве и купят... Купец тоже в Москве товар покупает, а в Коренной разве какой плохенький!»

В результате этих процессов крупные ярмарки как в России, так и в Европе стали падать и частично сохранили свое значение только те, которые во-время перешли на торговлю «по образцам», отказавшись от привоза на ярмарку всего товара полностью (Лейпцигская ярмарка).

С мелкими сельскохозяйственными ярмарками дело обстояло иначе. Их число не уменьшалось, а наоборот, увеличивалось, поскольку они были местом, где первоначально формировались партии сельскохозяйственного сырья.

Мелкие сельскохозяйственные ярмарки стали аппаратом по выкачке на капиталистический рынок местной крестьянской продукции. На мелкие ярмарки направлялись фабриканты, чтобы приблизиться к сельским покупателям, а количество последних росло в связи с ростом внутреннего рынка, порождаемого общественным разделением труда. Сельская буржуазия искала на ярмарках товаров для удовлетворения своих растущих потребностей, а бедняки, хозяйство которых было или подорвано или совершенно ликвидировано, — шли туда за товарами первой необходимости.

В. И. Ленин говорит: «Чем дальше втягивается земледелие в товарное обращение, тем быстрее растет спрос сельского населения на продукты обрабатывающей промышленности, служащие для личного потребления» *.

Сроки этих мелких ярмарок были согласованы с требованиями сезонности производства крестьянских товаров.

* Ленин, т. III, стр. 238.

Следующая таблица показывает, что увеличение количества мелких ярмарок для Курской губернии падает на середину XIX века.

Годы	Количество вновь учрежден. сельских мелких ярмарок	
1832	3	*
1833	2	**
1843	2	***
1845	4	****
1847	2	
1850	8	*****
1851	19	*****
1861	5	*****
1863	6	*****

Конкуренция Балтийских и Черноморских портов отняла у Коренной ярмарки заграничную сухопутную торговлю. Русский промышленный центр стал посылать свою продукцию прямо на Украину, минуя посредничество Коренной. Народившаяся в уездных городах Курской губернии постоянная торговля, способная удовлетворить местные потребности, лишила Коренную положения губернского продавца-монополиста. На долю Коренной оставалась торговля местной продукцией и при том преимущественно сельскохозяйственной.

Несмотря на падение оборотов Коренной ярмарки, она все же осталась самой значительной из ярмарок Курской губернии*****.

* КОИА, фонд 33, № 3

** Там же, № 2

*** » № 23

**** » № 7

***** » №№ 8, 9, 11

***** » №№ 47, 41, 45, 46, 33, 39

***** » №№ 35, 36, 38

***** » №№ 46, 47

***** Обзор Курской губернии 1893 года.

В 1878 году состоялся перевод ярмарки в город Курск *, хотя не без возражений со стороны Казенной палаты, опасавшейся, что на время ярмарки все постоянные городские лавки окажутся на льготном ярмарочном положении и понизится доход казны **.

В связи с этим городское самоуправление указало точное размещение ярмарочной торговли: на Красной площади — мануфактура и галантерея, на быв. Георгиевской площади между нынешней улицей Дзержинского и Покровским базаром — москательные, бакалейные, железные, скобяные товары и мыло; у Барнышева моста — рыбные и мучные; на быв. Богословской площади (у верхнего конца ул. Дзержинского) — колониальные, лесные, кожевенные, веревочные товары, рогожа, щетина, мерлушки, шерсть, пенька, сало, пух, перо, воск; за Московскими воротами — щепные и крестьянские товары; на

* Курская городская дума и курское купечество еще в 50-х годах выдвигали проект перенесения ярмарки в город Курск. В 1850 году при ревизии Курской губернии сенатором Дурасовым обсуждался проект перенесения ярмарки в Курск. Предполагалось поместить ее при устье Тускари поближе к Сейму, по которому тогда проходил водный путь. В 1852 году даже составлялись сметы на исправление лавок в большом гостином ряду в Курске, на устройство временных лавок на месте нынешнего сада имени 1-го Мая, на Красной площади, на бывшей Богословской площади. Стоимость работ достигла 104 100 р. Однако тогда перенос не осуществился. Сторонники переноса выставляли следующие доводы: Курск занимает более центральное положение по отношению к украинским городам, чем Коренная. Лавки в Коренной, а особенно жилые помещения, непомерно дороги. Курские купцы, составлявшие приблизительно четверть всех съезжавшихся на ярмарку, при перенесении ее в Курск, будут избавлены от излишних расходов на перевозку. В Курске обеспечена полицейская и пожарная охрана.

Противники перевода ссылались на силу традиций, подкрепляемую религиозным обычаем—крестным ходом; на желание иногородних купцов сохранить ярмарку на прежнем месте; на наличие там уже готового помещения, обеспечивающего гораздо больший простор, чем мог представить Курск; на тесноту в Курске, который был неудобен своими спусками и подъемами и плохим водоснабжением; на невыгодность перевода для городской кассы, так как в Курске многие торговцы неминуемо расположились бы в частных помещениях; наконец, выдвигался и тот довод, что дворянство привыкло съезжаться в Коренную для развлечений, а в Курск оно ездить не станет.

Несмотря на ряд существенных доводов против переноса ярмарки, он был почти решен.

** КОИА, ф. 184, 1878 год, № 34.

быв. Загородной площади — табак, масло, деготь; наконец вблизи ипподрома — конная ярмарка.

После перевода в Курск обороты ярмарки резко уменьшились, но она все же продолжала существовать.

Тяжело отразились на делах Коренной ярмарки недород, голод и холера 1892 года. «Обзор Курской губернии» за 1893 год указывает цифры привоза—489 375 р. и продажи—391 000 руб., т. е. 79 проц., тогда как в 1877 году привоз составлял 2 миллиона рублей, а продажа 1600 т. р.

Несмотря на эти обстоятельства Коренная ярмарка в 1894 году сохраняла первое место среди всех прочих городских и сельских ярмарок Курской губернии (привоз 813 т. р., продажа — 739 т. р. — 90 проц.) *. Такое же место «единственной более или менее значительной ярмарки» она удержала и в 1895 году, когда было привезено на 651 370 р. разных товаров, а продано на 586 285 р., т. е. на 90 проц.*.

Давая эти цифры, авторы «Обзора Курской губернии» за 1895 год подчеркивали последовательный упадок Коренной ярмарки и приписывали его, во-первых, общей причине упадка ярмарок — удобству для потребителей вести коммерческие дела прямо с Московским рынком, не ожидая ярмарочных съездов, и, во-вторых, отсутствию в Курске особого места, специально отведенного для ярмарки. Разбросанность ярмарки по разным частям города представляла большие неудобства для обмена.

В 1896 году обороты Коренной ярмарки снизились **. Еще хуже обстояло дело в 1901 году: привоз 441 001 р., продажа 415 151 р., т. е. на 94 проц. Ярмарка окончательно превратилась в конную ярмарку. Лошади приведены в количестве 1501 шт., на 204 450 р. и все проданы, коровы в количестве 1783 голов на 71 320 рублей, тоже все были проданы.

Дальнейший перечень товаров, которые статистическое учреждение сочло нужным включить в ведомость, был таков:

* Обзор Курской губернии за 1896 год.

** Обзор Курской губернии за 1897 год.

	Привоз	Продажа	% продажи
Овчина и мерлушка	60 000 р.	48 000 р.	80 %
Кожы сырые	40 000 р.	40 000 р.	100 %
Пенька	16 600 р.	10 600 р.	63 %
Полотно, войлоки и крестьянское сукно	15 000 р.	15 000 р.	100 %
Бичева и рогожа	12 000 р.	10 000 р.	83 %
Щетина, грива	8000 р.	8000 р.	100 %
Медный, скобяной, косный	4000 р.	2000 р.	50 %
Мелочный, игольный	3000 р.	1500 р.	50 %
Кушаки и ковры	1500 р.	1200 р.	80 %
Мануфактурный	1000 р.	500 р.	50 %
Платье готовое	1000 р.	400 р.	40 %
Сало свиное	500 р.	500 р.	100 %
Шорный	500 р.	200 р.	40 %
Галантерейный	500 р.	200 р.	40 %
Казанское мыло	400 р.	200 р.	50 %

Из таблицы * видно не только падение оборота, но и громадное сокращение ассортимента. Целые категории товаров перестали появляться на Коренной ярмарке. Из общего привоза товаров 441 001 р. — 276 601 р., т. е. около 62 проц., падало на скот; 167 100 р., т. е. около 37 проц., — на продукцию сельского хозяйства, иногда совершенно не обработанную, и только 10 тыс. р., т. е. 2,2 проц., оставалось на все остальные товары.

В 1904 году на ярмарку, продолжавшую носить имя Коренной, было приведено 1044 лошади, 1777 коров, мелкого скота 321 штука, всего 3142 головы, из которых продано 2514, т. е. 80 проц., на 190 598 р.

К этому году в Курской губернии уже было 320 ярмарок, торговавших скотом с общим пригоном до 204 629 голов **. Скот, пригнанный на Курскую Коренную ярмарку, составлял всего 1,5 этого количества.

Курский Коренной торг растворился в массе крупных и мелких ярмарок.

* КОИА, ф. Канцелярии начальника губернии, 1901 г., № 81.

** КОИА, фонд «Курский губ. стат. комитет», № 130, 1904 г.

Из этих данных видно, что в последние десятилетия существования Коренной ярмарки не только сократились ее обороты, но и значительно уменьшилось количество видов и сортов товаров. Далее, товары, бывшие прежде ведущими — разнообразные ткани, — заняли совершенно ничтожное место, да и те находили сбыт лишь на 50—40 проц.

История Коренной ярмарки развивалась по тем же экономическим законам, действие которых проявлялось и в отношении европейских ярмарок. Возникнув на базе общественного разделения труда при феодализме и при господстве натурального хозяйства, она находила жизненную силу в общих условиях эпохи.

Успехи ярмарки были обусловлены выгодным положением ее между двумя экономическими различными областями — Великороссией и Украиной или, правильнее, тремя — Великороссией, Украиной и Польшей, через которую проходил один из путей для ввоза товаров из стран, расположенных еще далее на запад.

Развитие в феодальной системе капиталистических отношений первоначально оживило ярмарочную деятельность: отмена внутренних пошлин, увеличение безопасности перевозок облегчили передвижение крупных масс товара; усиление работы дворянской мануфактуры, а главное, появление и быстрый рост капиталистического производства во всех его видах, увеличили количество товарной продукции; рост общественного разделения труда влек за собой усиленный обмен и передвижение продукции. А продукция эта направлялась сначала по привычной, проторенной дороге, именно на ярмарку, поскольку постоянная торговля в магазинах, складах, лавках еще не получила достаточного развития. На эту стадию падает расцвет Коренной ярмарки, который она пережила в конце XVIII и первой половине XIX веков.

Усиленный рост фабрик в условиях узкого внутреннего рынка породил погоню за покупателем; улучшение путей сообщения и особенно появление железных дорог, в связи с развитием постоянной торговли в губернских и уездных городах, привело к передвижению товара дальше на юг, в непосредственную близость к покупателю, минуя посредничество Коренной ярмарки.

Недаром еще Аксаков в середине XIX века писал:

«Нет сомнения, что с проведением железной дороги от Москвы к Черному морю все ярмарки, лежащие на пути, постепенно уничтожатся». К этому прибавлялась конкуренция

Балтийских и Черноморских портов, обусловленная развитием морского парусного и, особенно, парового транспорта, подорвавшая сухопутную торговлю с Европой.

Появление капиталистических методов торговли (коммивояжерство и др.), увеличивших быстроту обмена, уничтожило его зависимость от сезонных, связанных с определенными сроками и местом, ярмарок. Постоянный торг, — капиталистическая форма обмена, — вытеснил ярмарку, — торг периодический — феодальную форму обмена.

В Курской области капиталистические отношения стали господствующими в последние десятилетия XIX века. К этому периоду относится и падение Коренной ярмарки.

Коренная ярмарка стала ярмаркой типа мелких сельскохозяйственных ярмарок, которые являются местом первоначального образования больших партий сельскохозяйственного сырья. Это нашло отражение в донесении Курского полицмейстера Курскому губернатору: «Ярмарка имеет значение для торговцев лошадьми и скотом, для торговцев сырыми кожами и овчинами, привозимыми из Курской губернии и Кавказа, главное же значение ее — для крестьян, сбывающих свой скот местным жителям».

Итак, наметившийся в середине XIX века процесс дошел до конца: Коренная ярмарка, когда-то третья в России по оборотам, упала, окончательно обратившись в торг местного значения.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

«Реестр подневанных купцов ко взятию и четырехлетнее
(с 1788 по 1792 гг.) лавок содержание».

Внутри гостинного двора

Город	Сколько наимателей	Колич. взят. лавок	Сумма	Лавки ценою выше 10 р.		Лавки ценою менее 10 р.	
				Число наим.	Числ лавок	Число наим.	Число лавок
Москва	37	79	665	10	19	27	60
Калуга	20	36	270	5	7	15	29
Тула	8	11	100—25	3	4	5	7
Шуя	8	13	69—50	—	—	8	13
Курск	7	9	81—95	4	6	3	3
Нежин	6	9	87—75	4	6	2	3
Нерехта	5	11	62	—	—	5	11
Белгород	4	8	92	4	8	—	—
Орел	3	6	47—50	1	1	2	5
Коломна	3	5	31	1	1	2	4
Серпухов	3	3	23—50	—	—	3	3
Елец	2	2	7—50	—	—	2	2
Харьков	2	5	47	1	1	1	4
Юрьев-Польский	1	2	14	—	—	1	2
Ярославль	1	2	12	—	—	1	2
Бахмут	1	2	13	—	—	1	2
Саратов	1	2	8	—	—	1	2
Кашин	1	2	16	—	—	1	2
Богородицк	1	1	10	1	1	—	—
Углич	1	1	12—50	1	1	—	—
Суздаль	1	1	5	—	—	1	1
Дмитров	1	1	10—50	1	1	—	—
Ростов	1	2	8—25	—	—	1	2
Француженка из Москвы	1	1	12	1	1	—	—
Фабрикант Барен из Москвы	1	1	11	1	1	—	—
Итальянец из Милана	1	1	12	1	1	—	—
Бах из Москвы	1	1	10—50	1	1	—	—
	122	215	1749—70	40	60	82	157

Вне гостинного двора взяли погреба:

Орловец 1 20 р.
Калужане 2 20 р.
Нежинский грек 1 9 р.*

* КОИА, ф. 184, д. № 13. 1787.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

«В е д о м о с т ь

по контрактам, состоящим в Курском Коренном гостинном дворе
и вне оного шалапам их хозяев меры и оклада».

Горсд	Колич. нанимат.	Нанятая площадь в саженьях	Сумма платы за место
-------	--------------------	----------------------------------	----------------------------

В гостинном дворе

Харьнов	4	20	50 р.
Нежин	3	9	15
Курск	3	7½	18—75
Москва	2	4½	13—50
Лебедин	1	2	5

Между «лавок номерных»

Москва	11	35½	93—25
Орел	3	9	25—50
Курск	2	4½	12—25
Калуга	1	4½	11—25
Нежин	1	2	5

Вне гостинного двора взято: В бакалейном ряду

Орел	4	8½	15
Курск	3	3	8—20
Калуга	1	5½	13—75
Крестьяне Шереметьева	—	5	13—50
Вязьма	1	3	8
Воронеж	2	4½	12—25
Ярославль	1	2	4

В железном ряду

Тула	16	46	46—30
Орел	3	6½	5—20
Москва	2	4½	3—60
Суздаль	1	3½	3—10
Калуга	1	1½	1—50
Курск	1	4	2

В рыбном ряду

Орел	5	12½	10
------	---	-----	----

Город	Колич. нанимат.	Нанятая площадь в сажнях	Сумма платы за место
В шляпном ряду			
Тула	3	20	20
Орел	2	8	8
В иконном ряду			
Калуга	1	5	13—75
Вязников	1	4	4
Москва	1	4	4
В хрустальном ряду			
Курск	1	2	1—50
В косном ряду			
Тула	2	12	5—60
Всего	83	335 сажень*	

* КОИА, ф. 184, д. № 13, 1787.

Из истории низшего профессионально-технического образования в России

А. Н. ВЕСЕЛОВ,
кандидат педагогических наук.

Развитие низшего профессионально-технического образования составляет особую, еще ненаписанную, страницу истории народного образования в России. Между тем, необходимость общего и частичных исследований по истории профессиональной школы совершенно очевидна, так как этот тип учебных заведений занимает очень важное место в системе народного образования любой развитой страны. Если учебные заведения общего образования ставят своей задачей дать учащимся тот или иной объем знаний основ наук, разрешить проблемы общего развития и воспитания, то профессионально-технические школы как бы продолжают дальнейшее формирование человека, вооружая его еще и специальными знаниями, умениями и навыками для более успешного выполнения конкретных обязанностей в промышленности. История показывает нам много наглядных примеров, из которых видно, что чем выше уровень индустриального развития страны, чем сложнее техника и технология промышленного производства, тем острее потребность в профессионально-обученных кадрах, в школах, которые готовят квалифицированных специалистов. С другой стороны, не менее ясно видно и обратное влияние хороших профессионально-технических школ на развитие и усовершенствование промышленности.

Разработка истории народного образования в России требует внимательного изучения развития профессионально-технических школ как с историко-познавательной, так и с чисто практической точки зрения, так как советская система профессионально-технического образования использовала лучший опыт дореволюционной России в этом отношении.

В настоящей статье мы поставили задачу проследить развитие системы низшего профессионально-технического

образования конца XIX и начала XX века в России, так как именно в это время создается более или менее стройная система профессионально-технических школ, разрабатываются уставы школ, учебные планы и программы и т. д. Мы сознательно не затрагиваем вопросов содержания и методов учебно-воспитательной работы, так как это должно составить самостоятельный предмет исследования.

1. ОФОРМЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Система профессионально-технических школ оформляется в России только во 2-й половине XIX века, хотя отдельные немногочисленные технические учебные заведения начинают возникать еще в XVIII веке *.

Причиной, обусловившей рост школ профессионально-технического образования в России, было развитие капитализма, быстрый рост промышленности, усложнение техники и технологии производства, вызывавшие острую потребность в кадрах специально-обученных рабочих, мастеров, техников и т. д.

«После отмены крепостного права, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — развитие промышленного капитализма в России пошло довольно быстро, несмотря на остатки крепостничества, еще задерживающие это развитие. За 25 лет, с 1865 по 1890 год, количество рабочих на одних только крупных фабриках, заводах и железных дорогах увеличилось с 706 тыс. до 1.433 тыс., то-есть более чем вдвое.

Еще быстрее стала развиваться капиталистическая крупная промышленность в России в 90-х годах. К концу 90-х годов количество рабочих на крупных фабриках и заводах, в горной промышленности, на железных дорогах только по 50 губерниям Европейской России выросло до 2.207 тысяч, а по всей России — до 2.792 тысяч».

Однако, несмотря на быстрый рост промышленности, развитие профессионально-технического образования в России шло очень медленно и значительно отставало от потребностей развивающегося капиталистического производства. С одной

* О проф.-технических школах XVIII в. см. работу Н. В. Нечаева «Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII в.». М. 1944 г. издание МГПИ им. Ленина.

стороны, остатки крепостнических отношений и реакционная политика русского самодержавия всячески тормозили рост школ для народа вообще и профессионально-технических, в частности. С другой стороны, русская буржуазия, хотя и была заинтересована в подготовке квалифицированных, профессионально-обученных рабочих, мастеров и техников для растущего промышленного производства, боялась давать в руки рабочего класса знание — мощное оружие, которое, способствуя повышению уровня самосознания рабочих, обращалось против эксплуататоров.

В. И. Ленин пишет, что «Интерес класса капиталистов, интерес всей буржуазии состоит в том, чтобы оставлять рабочих невежественными и раздробленными»*.

«Рабочие! Вы видите, как смертельно боятся наши министры соединения знаний с рабочим людом!» — говорит он в другом месте**.

Поэтому правящие классы дореволюционной России — помещики и капиталисты широко практиковали привлечение иностранных «специалистов» мастеров и руководителей промышленных предприятий и мастерских, школ и строительства. Этими иностранными «специалистами», по признанию самих правящих кругов, буквально была наводнена промышленность России.

Большое количество алчных и, часто, невежественных иностранцев, заботящихся только о личной наживе и обогащении, приносило великий вред развитию русской национальной промышленности, техники и культуры, так как тормозило подготовку специалистов из русских людей и прививало части русской интеллигенции идею «неполноценности» русского человека, идею вечного ученичества русских у иностранцев.

Профессионально-технические школы, созданные в России до 80-х годов XIX века, были немногочисленны и не представляли собой преемственной стройной системы технического образования. К 1888-му году в России существовало пять средних технических учебных заведений***, около 23 профессионально-технических школ, готовивших мастеров,

* В. И. Ленин «О промышленных судах», т. II, стр. 563.

** В. И. Ленин «О чем думают наши министры», т. I, стр. 421.

*** Иркутское техническое училище, Комиссаровское техническое училище в Москве, Омское техническое училище, Кунгурское техническое училище и Лодзинское высшее ремесленное училище.

низших механиков-специалистов, машинистов и т. д.*, немалым более 70 ремесленных и технических школ, имевших свою целью подготовку квалифицированных рабочих**. Каждое профессионально-техническое учебное заведение открывалось по особому разрешению и работало по индивидуальному уставу. Только в 80-х годах, когда технические и ремесленные школы открывались в сравнительно большом количестве, стала остро чувствоваться необходимость в разработке какого-то общего плана развития этих школ, приведения их в определенную систему связанных между собою учебных заведений.

В целях разработки таких общих теоретических оснований и системы профессиональных школ «Соединенные департаменты Государственной экономики и законов» при рассмотрении Устава и штата Комиссаровского технического училища в 1877 году вынесли заключение:

«... при убеждении в несомненной пользе и даже необходимости распространения в народе технического образования, нельзя не признать, однако, что учреждение для сей цели специальных учебных заведений, с пособием от казны, требует предварительного зрелого обсуждения начал такого образования и установления определенной для него системы в связи с системой общего народного образования».

Разработка общего плана развертывания технического и профессионального образования в России была возложена в 1878 году на Министерство финансов, так как именно в ведении этого министерства находилось тогда большинство профессионально-технических учебных заведений, уже открытых к тому времени в России. Позднее, а именно 17-го апреля 1881 года, почти все профессионально-технические учебные заведения в России были переданы в ведение Министерства народного просвещения, которому и была поручена окончательная разработка общего нормального плана развития профессионально-технического образования в России.

* Наиболее старыми учебными заведениями этого типа были: Череповецкое техническое училище, Симбирское ремесленное училище, Владикавказское ремесленное училище графа Лорис-Меликова, училище цесаревича Николая в Петербурге.

** См. Анопов И. А. «Опыт систематического обозрения, материалов к изучению современного состояния среднего и низшего тех. и ремесл. образования в России». СПб. 1889.

Общий нормальный план промышленного образования в России, составленный в основном И. А. Вышнеградским, представлял собой интересный педагогический документ своего времени. В плане был дан подробный анализ потребности русской промышленности в кадрах, требующих специальной школьной профессионально-технической подготовки. Установив, что русская промышленность нуждается в инженерах, в «коммерчески образованных руководителях» промышленного дела, в техниках, в мастерах и, наконец, в квалифицированных рабочих, автор плана далее развивает мысли о том, какое общее и специально-техническое образование нужно дать каждой категории специалистов промышленного труда, а также какую систему промышленных школ необходимо создать для этого. В общем нормальном плане были разработаны также проекты учебных планов различных промышленных школ, выдвинуты интересные предложения по организации и работе этих учебных заведений.

Так, утверждая, что рабочие в России в своей массе неграмотны, автор плана заявляет, что «... отсутствие всякого общего образования наносит нашим рабочим существенный духовный вред, препятствуя умственному и нравственному их развитию; независимо от сего оно не позволяет им в большинстве случаев возвыситься до сознательного и ясного понимания производимой ими работы и тем самым понижает ее достоинство, ставя, таким образом, преграду надлежащему усовершенствованию промышленности»*.

Профессиональное обучение не должно ограничиваться только развитием определенных производственных приемов и навыков в работе, не должно быть односторонним, так как «ловкость и навык в употреблении приемов производства и умение их надлежащим образом применять не суть единственные условия, которые желательно видеть осуществленными в рабочем; его общее развитие и его нравственный уровень имеют важное значение для успеха промышленного дела, равно как и сознательное отношение к исполняемой ими работе»**.

* Проект общего нормального плана пром. образ. в России. «Сборник материалов по технич. и проф. образованию», выпуск II, 1895 г., стр. 5.

** Там же, стр. 8.

Автор проекта хорошо понимал, что «специальное образование, состоящее только в практическом приобретении известной ловкости и умений, обращает человека почти совершенно в машину, и, будучи крайне односторонним, ставит рабочего в полную зависимость от того промышленного учреждения, где приобретенное ручное умение может быть применено». Во избежание этого нужно так строить профессионально-технические школы, чтобы «человек, получивший образование, приспособленное к известной специальности, не должен находиться в крепостной от нее зависимости и при временном застое дела, к которому преимущественно готовился в школе, должен иметь возможность заняться другим трудом» *.

Общий нормальный план предусматривал полное согласование системы профессионально-технических школ с системой общего образования, чтобы «... общее образование могло служить основанием специальному и последнее было правильным увенчанием первого».

Одной из ценных идей общего нормального плана промышленного образования является также требование введения преподавания ручного труда в общеобразовательной школе в целях педагогических и воспитательных. «Ручной труд, — говорилось в этом плане, — должен иметь преимущественно и существенно педагогическое и воспитательное значение, преследуя практические цели настолько, насколько они находятся в полном согласии с этим основным его назначением» **

Специальная подготовка в профессионально-технической школе должна обеспечить приобретение ловкости и умений в выполнении приемов производства, усвоение технологических сведений о материалах, изделиях, инструментах и т. д., без которых невозможно сознательное отношение к выполняемой работе и, наконец, ознакомление со всеобщим языком техники — графическим искусством.

Преподавание ручного труда в общеобразовательной школе до специальной подготовки воспитывает интерес к трудовой деятельности вообще, развивает глаз и руку человека в

* Проект общего нормального плана пром. образ. в России. «Сборник материалов по технич. и проф. образованию», выпуск II, 1895 г., стр. 2.

** Там же, стр. 13.

наиболее благоприятный для этого развития период жизни, приучает к внимательности, терпению, порядку, является отдыхом от умственных занятий и обладает целым рядом других ценных общепедагогических качеств.

Мы далеки от переоценки и, тем более, от идеализации проекта общего нормального плана, разработанного Вышнеградским. Это был план буржуазного деятеля по профессиональному образованию, разработанный, в основном, в соответствии с интересами буржуазии. В. И. Ленин писал, что «в этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья»^{*}.

Автор рассматриваемого нами плана очень обеспокоен, например, тем, чтобы «промышленное образование... подготовляло к промышленной деятельности лиц, действительно для нее пригодных», чтобы учащиеся низших профессионально-технических школ не рассчитывали позднее на продвижение к руководящим ролям в промышленности, ибо «каждая школа... должна быть сообразована исключительно в видах приготовления промышленных деятелей известной ступени и ни в коем случае не служила бы сверх того ступенью к переходу в школу, служащую для приготовления деятелей высшего разряда».

На основе проекта общего нормального плана промышленного образования в России в 1888 году были приняты «Основные положения о промышленных училищах», по которым в России устанавливались три типа профессиональных школ: а) средние технические училища, б) низшие технические училища, в) ремесленные училища.

В дальнейшем система профессионально-технических школ в России постепенно усложнялась: в 1893 году издается «Положение о школах ремесленных учеников», в 1895 году «Положение о низших ремесленных школах», в 1902 году «Закон о ремесленных и технических учебных мастерских и курсах», в 1903 — 1907 годах законодательно оформляются ремесленные и профессиональные отделения при общеобразовательных школах и т. д.

^{*} Ленин. Собр. соч., т. XXV, стр. 386.

С конца XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции большинство школ профессионально-технического образования находилось в ведении Министерства народного просвещения (МНП).

Кроме того, некоторое количество профессионально-технических школ находилось в ведении ряда других ведомств.

Исключительная разнотипность низших профессионально-технических школ в России, наличие сравнительно большого количества школ, работавших по особым, индивидуальным уставам, затрудняет их классификацию. Однако, основные учебные заведения низшего профессионально-технического образования дореволюционной России конца XIX века и начала XX века можно условно распределить по следующим группам:

1. Низшие технические училища (к этой группе относились также и горные технические училища, мореходные школы, железнодорожные училища и ряд школ, работавших по особым индивидуальным уставам).

2. Ремесленные учебные заведения разного типа: ремесленные училища, школы ремесленных учеников, низшие ремесленные школы и сельские ремесленные учебные мастерские.

3. Ремесленные отделения и курсы при низших общеобразовательных учебных заведениях.

4. Специальные женские профессионально-технические школы и курсы разных специальностей.

Рассмотрим развитие различных профессионально-технических школ по этим группам.

II. НИЗШИЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ УЧИЛИЩА

Низшими техническими училищами в России назывались специальные профессионально-технические школы, готовившие низший технический персонал мастеров, специалистов-механиков и т. д. В «Основных положениях о промышленных училищах» 1888 г. задачи школ этого типа были определены следующим образом: «Низшие технические училища, наряду с обучением приемам какого-либо определенного производства, сообщают знания и умения, необходимые ближайшим и непосредственным руководителям труда рабочих в промышленных заведениях».

Вопрос о путях и формах подготовки мастеров, старших рабочих, десятников и других непосредственных и ближайших руководителей труда рабочих горячо обсуждался на съездах деятелей по профессиональному образованию, на страницах журналов и в самих технических школах. Предметом дискуссии были вопросы о том, возможно ли вообще в школе подготовить такого специалиста, который бы владел практическими и разносторонними приемами работы своего отдела настолько, чтобы иметь возможность руководить рабочими, контролировать скорость и точность их работы, и при случае практически показывать им наиболее рациональные приемы труда. Многие специалисты считали, что мастеров наиболее целесообразно выдвигать из числа способных рабочих, без специального обучения их в профессионально-технических школах. Но оказывалось, что выдвинутые из рабочих мастера, хотя и владели в совершенстве практическими приемами труда, совершенно недостаточно знали технологию производства, не умели читать чертежи, выражать в чертежах заказы и свои мысли об усовершенствованиях производства. Мастера, техники и десятники, окончившие технические школы, имели другой недостаток: вооруженные достаточными общетехническими знаниями и графической культурой, они в первые годы своей работы на производстве не могли показать той высокой степени владения практическими приемами, как квалифицированные рабочие, проработавшие много лет в данном отделе, но этот недостаток практических навыков очень быстро мог быть восполнен.

Школьный путь подготовки низшего технического персонала постепенно расширялся, хотя до самой Октябрьской социалистической революции школьным путем готовился ничтожный процент мастеров и других низших руководителей труда рабочих.

По закону 1888-го года в низшие технические училища принимались подростки не моложе 13 и не старше 15 лет с образованием за курс городского (по положению 1872-го года) училища, уездного или 2-классного сельского училища. Обучение, обычно, длилось 3 года, но были технические училища и с 4-х и даже с 5-летним сроком обучения. Обычно в низших технических училищах открывались в разных сочетаниях следующие отделения: механическое, химическое, строительное, сельскохозяйственное и горнотехническое.

Учебный план низших технических училищ был утвержден в 1889-м году в следующем виде:

Предметы преподавания	Число часов учебных заведений в неделю								
	В механико-техническом училище			В химико-техническом училище			В строительно-техническом училище		
	I кл.	II кл.	III кл.	I кл.	II кл.	III кл.	I кл.	II кл.	III кл.
1. Закон божий	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2. Арифметика и алгебра	4	3	—	4	—	—	3	—	—
3. Геометрия	4	2	—	2	2	—	4	2	—
4. Физика	4	2	1	3	3	—	—	—	—
5. Химия	3	2	—	3	4	—	4	4	—
6. Механика	—	2	4	—	—	—	—	—	—
7. Устройство машин	—	4	6	—	2	5	—	—	—
8. Механическое производство	—	2	4	—	3	—	—	—	—
9. Химическое производство.	—	—	—	—	3	6	—	—	—
10. Естественная история	—	—	—	3	—	—	—	—	—
11. Счетоводство	—	—	2	—	—	2	—	—	4
12. Строительные работы и материалы	—	—	—	—	—	—	6	8	6
13. Вспомогательные приспособления	—	—	—	—	—	—	—	2	3
14. Землемерие и разбивка сооружений.	—	—	—	—	—	—	—	1	2
15. Рисование	4	2	2	4	2	2	6	6	6
16. Черчение (геометрическое и техническое)	4	4	6	4	4	4	4	4	4
17. Практические занятия	20	20	20	18	20	24	14	14	18

Если сопоставить учебные планы низших технических училищ с точки зрения удельного веса различных групп дисциплин, то получится следующая таблица:

Группы учебных дисциплин	Число учебных часов в %		
	Механическая специальность	Химическая специальность	Строительная специальность
Общеобразоват. предметы	18,7	19,4	19
Специальные предметы	17,9	17,2	18,2
Графические занятия	16,4	14,9	25,7
Практические занятия	44,8	46,3	34,9
Закон божий	2,2	2,2	2,2

В таком почти виде этот учебный план существовал в низших технических училищах вплоть до 1917-го года. Общеобразовательные дисциплины в низших технических училищах обычно имели в виду, в основном, повторение курса городских (по положению 1872-го года) училищ и только в незначительной части расширяли и дополняли этот курс, главным образом, в разделах, имеющих отношение к технике вообще, специальности — в особенности. Что касается специально-технических дисциплин, то они давались довольно широко для данного типа учебного заведения, особенно курсы устройства машин, специальные дисциплины механического, химического или строительного дела, а также курсы черчения. Специально-технические курсы, а также практические работы в мастерских согласовывались и по содержанию и по времени преподавания. В общем, нужно сказать, что русские низшие технические училища давали довольно широкие обще-технические и специальные знания будущим мастерам, механикам и т. д.

Значительную ценность представляет также опыт постановки практических занятий в низших технических училищах. Программы практических занятий исходили из того положения, что специалист, окончивший низшее техническое училище, должен прекрасно владеть всеми приемами работы отдела, мастером которого он будет, а также иметь необходимые навыки в примыкающих к его отделу специальностях. Так, учащийся механико-технического отделения низшего технического училища должен был овладеть приемами работы и получить умения и навыки в области столярно-модельного, литейного, слесарного, кузнечного и механического дела.

Кроме практических занятий в учебных мастерских и лабораториях училища, практиковалась в учебных целях работа учащихся непосредственно на предприятиях (фабриках, заводах, строительных работах). Но практика на предприятиях затруднялась тем обстоятельством, что владельцы предприятий не всегда охотно принимали учащихся технических училищ в качестве практикантов на свои фабрики, заводы, мастерские и т. д.

Низшие технические училища в своем большинстве находились в ведении Министерства просвещения и развивались они крайне медленно. Если рассмотреть по пятилетиям деятельность МНП в области организации новых низших технических училищ со времени опубликования основного закона 1888-го года, то получится следующая картина:

Пятилетия	Количество вновь открытых низших технич. училищ
1888 — 1893	Нет
1893 — 1898	10
1898 — 1903	4
1903 — 1908	Нет
1908 — 1913	4

Низшие технические училища других ведомств (Министерства торговли и промышленности, железнодорожного транспорта и т. д.) росли также крайне медленно. Как уже было сказано ранее, к типу низших технических училищ, т. е. профессиональных учебных заведений, готовивших низший технический персонал, могли быть отнесены некоторые училища, существовавшие по особым уставам, несколько художественно-промышленных школ, горные и железнодорожные училища и часть мореходных училищ.

Под названием художественно-промышленных учебных заведений в дореволюционной России были известны различные по своей направленности и уровню образования профессиональные школы, главным образом, школы технического рисования, художественно-ремесленные школы, учебные мастерские и курсы. Задачи этих учебных заведений в специальном «Положении о художественно-промышленных учреждениях» были определены следующим образом: «Художественно-промышленные учебные заведения, учреждаемые на основании настоящего положения, имеют целью подготовку для надобностей отечественной промышленности художественно-образованных деятелей».

К техническим училищам можно отнести только наиболее значительные и старые учебные заведения этого типа, а именно: «Строгановское центральное художественно-промышленное училище в Москве» (организованное ещё в 1825-м году), «Петроградское центральное училище технического рисования» барона Штиглица, организованное в 1879-м году, и Иваново-Вознесенскую школу колористов. (Специальным решением Совнаркома СССР от 1945-го года деятельность первых двух учебных заведений сейчас восстановлена).

Строгановское училище являлось низшей школой 3-го разряда и должно было готовить «рисовальщиков и орна-

ментовщиков для мануфактур и мастерств»; но большая часть окончивших это училище, как и окончивших другое крупное художественно-промышленное училище барона Штиглица, становились учителями рисования и чистописания. Так, из 402 учеников, окончивших курс Строгановского училища с 1862 по 1886 г., 320 поступило учителями в учебные заведения и только 82 на фабрики. Строгановское училище выросло в 1913—1914 году в большую, ведущую в дореволюционной России художественно-промышленную школу, насчитывавшую в 1914 г. 1724 ч. учащихся на основных отделениях и 855 учащихся в вечерних и воскресных классах рисования при училище.

За весь период существования Строгановского училища до 1914 года было подготовлено 2.057 специалистов. Школа имела ряд филиальных отделений в провинции (в 1914-м году — 8 отделений), вечерние и воскресные классы рисования и художественно-ремесленную учебную мастерскую.

Другая ведущая в дореволюционной России художественно-промышленная школа («Училище технического рисования барона Штиглица в Петербурге») возникла в 1879-м году. За весь период своего существования она подготовила более 300 рисовальщиков для промышленности. К 1914-му году это училище вместе с состоящей при нем начальной школой рисования, черчения и лепки насчитывало 932 учащихся.

Во второй половине XIX века, в связи с развитием железных дорог в России, возникают профессионально-технические железнодорожные школы. Первое железнодорожное училище было организовано в 1869-м году в городе Ельце при мастерских Орловско-Грязской железной дороги. В конце 60-х и начале 70-х годов некоторые железнодорожные общества и компании разработали проект о постоянном источнике средств на организацию и содержание профессионально-технических железнодорожных школ: они для этих целей ежегодно отчисляли из эксплуатационных доходов по 15 рублей с каждой версты протяжения дороги. В 1871-м году, по представлению министра путей сообщения, проект о таком отчислении на содержание железнодорожных училищ был санкционирован Министерством финансов и принял силу закона для большинства железнодорожных обществ.

Так как объем материальных средств на железнодорожные школы и потребность в технически обученных кадрах находились в прямой зависимости от роста сети железных

дорог, то и развитие самих железнодорожных училищ шло параллельно с ростом железнодорожной сети. Эту взаимозависимость можно выразить следующей таблицей:

Г о д ы	Протяж. сети ж. д.	Количество школ
1861 — 65	1.488 верст	
1866 — 70	3.543 »	1
1871 — 75	10.202 »	8
1876 — 80	17.626 »	27
1881 — 85	21.155 »	28
1886 — 90	24.229 »	29
1891 — 95	27.193 »	33
1896 — 1900	33.736 »	34
1901 — 1905	41.714 »	40
1906 — 1912	нет точных сведений	43
1913 — 1917	—	49

В 1871-м году Министерством путей сообщения был утвержден типовой устав железнодорожных училищ. Училища должны были готовить низших техников железнодорожной службы. В железнодорожные училища принимались подростки и юноши от 12 до 18 лет с образованием за начальную народную школу или уездное училище; продолжительность полного курса в большинстве училищ была установлена в 5 лет: 2 года общеобразовательных и 3 года профессионально-технического обучения. Предметы преподавания были различны в разных школах, но в большинстве школ изучались: закон божий, русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, механика, железнодорожная техника, строительное искусство, черчение, чистописание и ремесла: столярное, слесарное и кузнечное. В некоторых школах, кроме перечисленных предметов, преподавались еще тригонометрия, химия, геометрия, русская история, бухгалтерия, рисование и гимнастика.

В 1879-м году были разработаны унифицированные для всех железнодорожных училищ учебные планы и программы. Для управления железнодорожными школами и контроля за их работой в 1882-м году при Министерстве путей сообщения был создан учебный отдел и инспекция. По закону от 7-го апреля 1886 года все железнодорожные учебные заведения, существовавшие за счет средств пятнадцатирублевого повер-

стного сбора, от железнодорожных обществ были переданы в непосредственное ведение учебного отдела МПС вместе со всем имуществом и оборудованием. Была несколько изменена структура и учебный план железнодорожных училищ. В эти школы стали принимать с образованием за двухклассное уездное или городское (по положению 1872-го года) училище. Срок обучения хотя и был составлен пятилетний, но из этих пяти лет на классное обучение отводилось всего 3 года; два же последних года отводились на железнодорожную практику по специальности.

Очень интересно было поставлено производственное обучение в железнодорожных училищах. Нам удалось установить более или менее точную картину организации и содержания производственного обучения в некоторых школах и, особенно, в училище Московско-Белорусской железной дороги. В этом училище на первом году обучения изучалось столярное ремесло. Начиная с 1-го сентября и по 1-е мая учащиеся работали по 3.5 часа ежедневно (кроме субботы) в учебных мастерских. Параллельно на классных занятиях проходили курс технологии дерева. Учащиеся, научившись владеть инструментами и усвоив в первом полугодии важнейшие приемы соединения и скрепления деталей из дерева, во втором полугодии выполняли некоторые несложные работы утилитарного характера: ящики, шкафы, ремонт верстаков, табуреты и т. д. В июне месяце, когда не производилось классных теоретических занятий, учащиеся целый месяц работали на производственной практике по столярно-плотничьему делу ежедневно по 7—8 часов.

На втором году обучения в течение августа месяца (каникулы были — один июль месяц) ученики работали в слесарном цехе по 8 часов в день, а в другие месяцы — по 3—5 ч. в день. По слесарному делу сначала изучались такие простые операции, как опиловка и рубка, шабровка, сверление, нарезка, а затем выполнялись работы утилитарного порядка. Параллельно с работой в учебных слесарных мастерских на теоретических занятиях изучалась технология металлов, теория слесарного и кузнечного дела и черчение.

На втором году обучения с 1-го июня учащиеся отправлялись на производственную практику по геодезии (съемка планов, нивелировка местности, вычерчивание профилей местности). На третьем году обучения практически изучалось слесарное ремесло со специальным уклоном (паровозное дело). Слесарные занятия чередовались со строгальными.

токарными, кузнечными и другими работами, необходимыми для изготовления той или иной законченной детали паровоза. По теории в это время проходила механика, специальный курс по изучению паровоза и другие технические предметы. По окончании училища и сдачи экзаменов учащиеся разъезжались на два года на практику, после которой снова были экзамены на получение аттестатов второстепенного техника железнодорожной службы.

О горных и мореходных училищах мы скажем очень кратко.

Горных училищ среднего и низшего технического образования в дореволюционной России было очень мало, менее 10-ти (возникавшие когда-то в XVIII веке горные школы были к XIX веку частью закрыты, частью реформированы). В ведении Министерства торговли и промышленности в 1914-м году находилось всего лишь 8 средних и низших горных школ с количеством учащихся в 682 человека. Наиболее старыми горными школами были Уральское училище в Екатеринбурге, существовавшее с 1853-го года, Лисичанская штеттгерская школа Екатеринославской губернии, существовавшая с 1872-го года, Иркутское горное училище, организованное в 1893-м году, горное училище в Горловке (бывшей Екатеринославской губернии), Туринское горное училище Пермской губернии, частная школа десятников горного дела в Макеевке с вечерними курсами при ней и т. д.

Что касается мореходных школ, то их к 1908-му году в России было 46, и большинство из них готовили капитанов и штурманов. Профессионально - техническими, в строгом смысле слова, могли быть названы только организованные на основании закона от 13-го июня 1905-го года училища судовых механиков II и III разрядов, да курсы по отдельным отраслям технических знаний (сборка, ремонт судовых механизмов и т. д.). Училищ судовых механиков в 1908 году было всего 5 с количеством учащихся около 300 человек.

III. РЕМЕСЛЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Ремесленные учебные заведения имели своей задачей подготовку квалифицированных рабочих, которые могли быть использованы в крупной и мелкой промышленности.

В конце XIX века и начале XX века в России

возникали и развивались ремесленные учебные заведения нескольких типов. Основными и наиболее распространенными были: ремесленные училища, школы ремесленных учеников, низшие ремесленные школы, сельские ремесленные учебные мастерские и ремесленные школы, существовавшие по особым уставам. В списке ремесленных учебных заведений, возникших и работавших до издания «Основных положений о промышленных училищах» 1888-го года* числилось немногим более 70 ремесленных училищ с количеством учащихся около 6.000 человек. В это число включались и такие небольшие школы, как Мосальский ремесленный приют¹ М. Н. Каншиной с 9-ю воспитанниками, Тургайское Яковлевское ремесленное училище с 10-ю учениками, Тобольское ремесленное училище с 10-ю учениками, Чембарская земская ремесленная школа с 7-ю учениками и т. д. Из крупных ремесленных училищ, существовавших до издания «Основных положений», можно отметить ремесленное училище цесаревича Николая в Петербурге (335 учащихся), Тифлисское городское Михайловское училище (205 учеников), Еврейское ремесленное училище об-ва «Труд» в Одессе (166 чел.), ремесленное училище общества распространения технических знаний в Москве (180 чел.), Киевское ремесленное училище (159 чел.), Казанское ремесленное училище (149 чел.) и ряд других.

Некоторые ремесленные училища были открыты еще в 60-х годах XIX века (Елизаветградское, Архангельское, Севастопольское общества пароходства и торговли, Симбирское ремесленное училище), но большинство из них возникает в 70—80-е годы.

«Основными положениями о промышленных училищах» 1888-го года был узаконен в системе профессионально-технического образования только один тип ремесленного училища. Его задачи были определены следующим образом: «Ремесленные училища имеют целью сообщать прикладные знания и умения, необходимые для практической деятельности в определенном производстве». В ремесленное училище по положению принимались лица, имевшие общее образование не ниже Министерского двухклассного начального училища, или выдержавшие соответствующие этому курсу вступительные испытания. Продолжительность обучения была установлена различная (в зависимости от специальности), но не

* Анопов И. А. «Спыт систематич. обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России». СПб. 1889 г.

ниже 3-х лет. Учебный план ремесленного училища включал следующие учебные предметы:

Предметы преподавания	Число недельных часов по классам		
	I кл	II кл	III кл
1. Закон божий	1	1	2
2. Русский язык	2	2	2
3. Арифметика и счетоводство	3	2	2
4. Геометрия	3	3	—
5. Общие понятия из физики	—	2	4
6. Технология дерева (в столярном отделении)	—	2	1
7. Технология металлов (в слесарном отделении)	—	2	1
8. Чистописание	2	—	—
9. Рисование	4	2	2
10. Геометрическое черчение	3	2	—
11. Техническое черчение	—	2	5
12. Практические занятия в мастерских	24	24	24
Всего:	42	44	43

Если проанализировать учебный план ремесленного училища, то можно видеть, что предметы общеобразовательные составляют 17,9 проц., специальные 6,2 проц., графические занятия 17 проц., практические занятия 55,9 и религия 3 проц.

Слабостью русских ремесленных училищ, работавших по типовому уставу, была сравнительно невысокая теоретическая специальная подготовка. В ремесленных училищах, существовавших по особым уставам, этот недостаток был в значительной степени сглажен.

Очень скоро после утверждения «Основных положений о промышленных училищах» возникают дополнительно и другие новые типы ремесленных учебных заведений: в 1893-м году было утверждено положение о школах ремесленных учеников; 24-IV-1895 г. утверждается положение о низших ремесленных школах; 10.III-1897 года было принято положение о сельских ремесленных учебных мастерских. Все эти новые типы ремесленных учебных заведений по существу были лишь удешевленными ремесленными училищами.

Трехгодичные школы ремесленных учеников по положению «учреждаются с целью сообщать учащимся в них знания и умения, необходимые для успешного, по выходе из школы, изучения какого-либо ремесла у частного мастера». В школах ремесленных учеников практически изучались первоначальные и специальные приемы какого-нибудь ремесла, совершенствованные в котором происходило позднее на практической работе, уже по выходе из школы.

Низшие ремесленные школы «... имеют целью подготовку, преимущественно путем практического обучения, сведущих и умелых исполнителей по определенным производствам или мастерствам». В них принимали окончивших начальную народную школу, а в процессе обучения в самой ремесленной школе общеобразовательные занятия составляли всего лишь 6,9 проц. от общего количества часов по учебному плану (6,9 проц. общеобразовательные предметы, 2,3 проц. специальные, 11,5 проц. графические занятия и 79,3 проц. практические работы).

Сельские ремесленные учебные мастерские, находившиеся в ведении Министерства торговли и промышленности и содержавшиеся чаще всего на средства земств и местных обществ, имели своей задачей подготовить рабочих по ремонту сельскохозяйственного инвентаря и ремесленников по некоторым видам кустарной промышленности.

Вместе с обучением ремеслу в сельских учебных мастерских давались элементарные сведения по черчению и рисованию. Обучение, обычно, длилось 3 и реже 4 года; принимались по положению мальчики не моложе 14 лет, имеющие образование за начальную народную школу или, во всяком случае, умевшие читать и писать. Правда, от этого часто отступали, и в сельских ремесленных учебных мастерских часто обучались и совершенно неграмотные юноши. Обучение ремеслу по специальности проходило по старому способу индивидуального и группового ученичества, осуществляемого сначала «вприглядку», а затем в процессе личного участия в труде по выполнению тех заказов, которые мастерская обычно получала.

Кроме ремесленных училищ, школ ремесленных учеников, низших ремесленных школ и сельских ремесленных учебных мастерских существовали еще ремесленные учебные заведения по особым уставам, и таких ремесленных школ было довольно

много (к 1909 г. — 75). Правительство стремилось унифицировать эти школы, чтобы обеспечить более строгий контроль и наблюдение за ними. Многие ремесленные школы, работавшие по особым уставам, были организованы значительно лучше, чем это возможно было сделать на основе типового устава того или другого ремесленного учебного заведения.

Подавляющее большинство ремесленных учебных заведений по ведомственной принадлежности находилось также в ведении Министерства просвещения. Количество ремесленных учебных заведений этого ведомства, а также число учащихся в них можно видеть из следующей таблицы, составленной на основе отчетов Министерства.

Годы	Общее колич. ремесл. учебных заведений МНП	Число учащихся в рем. уч. заведени.
1900	205	6.975
1905	217	13.306
1910	239	15.991
1915	297	19.108

Некоторое количество разнотипных ремесленных учебных заведений находилось также и в ведении Министерства торговли и промышленности. Официальная статистика этого ведомства* к 1915 году насчитывала 89 технических и ремесленных (из них небольшая часть средних и низших технических) учебных заведений с количеством учащихся 9.265 чел. и 58 сельских ремесленных учебных мастерских с 2.411 учащимися. В число технических и ремесленных учебных заведений М. Т. и П. входили довольно значительные школы и курсы, например: политехнические первые Петроградские курсы М. А. Шуммера (803 учащихся), курсы шоферов Е. И. Шмидта в Петрограде (565 учащихся), технические курсы В. В. Перминова в Киеве (408 учащихся), учебные мастерские в селе Заворове быв. Тверской губернии (324 учащихся), автомобильные курсы В. А. Крживицкого в Москве (327 учащихся) и т. д.

* Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности за 1913 — 1914-й год. СПб. 1915 г.

Вместе с тем, в эту группу профессиональных школ включились и такие мелкие курсы и школы, как передвижные курсы кройки и шитья Емиковой В. И. в г. Нарве со сроком обучения в две недели, курсы обучения письму на пишущих машинках, курсы домоводства, курсы парикмахеров и т. д.

Учреждения типа сельских ремесленных учебных мастерских имелись и у русского земства. Так, в ведении различных земств в 1913-м году было 668 учебных мастерских и 24 показательных завода. Незначительное количество ремесленных технических учебных заведений находилось также в ведении Министерства земледелия, Военного и Морского Министерств и т. д.

Если взять общее количество всех ремесленных учебных заведений и курсов самых различных типов и размеров, то по всей России (без Финляндии) на 1.1.1910-го года их насчитывалось 1923 с количеством учащихся в 90.329 человек*.

Подавляющее большинство оканчивающих ремесленные школы и курсы становилось мелкими ремесленниками, кустарями и только незначительный процент шел на крупные предприятия, фабрики и заводы.

По данным III съезда деятелей по техническому и профессиональному образованию в России (январь 1904 г.), оканчивающие ремесленные учебные заведения по специальностям распределяются так: слесари 57,4 проц. всех оканчивающих, столяры 19,8 проц., кузнецы 2 проц., литейщики 2 проц., оружейники 7,6 проц., сапожники 2 проц., шорники 1,45 проц. и т. д.

Тяжелые условия жизни народа в дореволюционной России, и в частности материальная необеспеченность учащихся ремесленных учебных заведений, обуславливали исключительную текучесть состава учащихся, отсев из школ, а потому высокую стоимость обучения каждого оканчивающего.

Так, по сведениям из доклада на III съезде деятелей профтехобразования из всех поступивших в ремесленные учебные заведения 41,5 проц. выбыли до окончания курса. Наиболее благоустроенное ремесленное училище цесаревича Николая в Петербурге с 1875 по 1889-й год (за 14 лет) выпустило только 330 чел. окончивших курс, что составляло менее

* См. «Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России», изд. учебного отдела Министерства торговли и промышленности. СПб. 1910 г.

10 проц. всего числа учащихся, за это время каждый окончивший курс с званием мастера или подмастерья обошелся более 4.500 р., т. е. дороже, чем стоило в те же годы образование молодого человека, прошедшего полный гимназический и университетский курс (что стоило около 3.800 р.).

Слабым местом русских дореволюционных ремесленных учебных заведений всех типов был недостаток хороших специально подготовленных для своего дела учителей и мастеров по обучению ремеслу.

Если учителя по общеобразовательным, общетехническим и специальным дисциплинам подбирались из числа людей, окончивших специально: технические высшие или средние технические учебные заведения, то преподаватели ремесла и непосредственные руководители производственно-ремесленного обучения в ремесленных училищах были в большинстве (85 проц.) с низшим образованием, без необходимой педагогической подготовки и со слабыми техническими познаниями.

У официальных деятелей в области ремесленного образования, а также у некоторых представителей земства было мнение — учить ремеслу без элементов общего образования и теоретических сведений из технологии. Так, на Петербургском съезде деятелей по кустарной промышленности говорилось: «Соединение общего образования и обучения ремеслу не должно иметь места. Имеются многочисленные свидетельства вредного (??—А. В.) влияния от соединения в одной школе общего и ремесленного образования».

Казанская земская управа в «Предположениях по мероприятиям по развитию профессионального образования на 1910-й год» также констатирует, что «...наиболее соответствующим типом учебно-ремесленных учреждений для распространения среди сельского населения профессиональных знаний постановлено признать учебно-ремесленные мастерские без изучения общеобразовательных предметов». Эта же мысль имеется и в высказываниях Екатеринославского и других земств.

При низком уровне общего образования учеников, поступивших в ремесленные учебные заведения, при забывании полученных в элементарной школе сведений, ремесленное обучение без общего образования и осмысливания технологии ремесла приводило к самой обыкновенной ремесленной «н а т а с к е», к подготовке крайне ограниченных рабочих, не

имеющих почти никаких перспектив на дальнейшее общее и профессиональное развитие и продвижение в работе по специальности.

IV. РЕМЕСЛЕННЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ПРИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ

Кроме самостоятельных профессиональных учебных заведений, некоторую профессиональную подготовку давали ремесленные классы и отделения при различного рода низших общеобразовательных училищах, начальных, двухклассных, уездных, городских по положению 1872 г., а с 1912 года и высших начальных училищах.

Ремесленные отделения при общеобразовательных школах возникали в середине 60-х годов XIX века и могли рассматриваться как упрощенный тип низших ремесленных школ. Рост ремесленных отделений по десятилетиям может быть выражен следующей таблицей.

№№ пп	Годы	Колич. ремесленных отделен. при общеобр. начальных школах.	П р и м е ч а н и е.
1	1865	1	Усть-Хотинское, Одесского учебного округа.
2	1875	75	
3	1885	291	
4	1895	464 *	
5	1905	442 **	
6	1916	660 ***	

Задачи профессиональных и ремесленных отделений, классов и курсов при общеобразовательных низших учебных заведениях МНП были определены следующим образом: «Ремесленные отделения предназначаются для обучения простым видам ремесл по обработке дерева и металла, а также для сообщения иных профессиональных знаний и умений, в зави-

* По данным «Сборника материалов по технич. и профес. образ.» вып. IV. СПб. 1895 г., стр. 144.

** По отчету МНП за 1906 г.

*** По материалам В. А. Кинд, см. журнал «Техническое и коммерческое образование», 1917 г. № 234.

симости от рода занятий, господствующих среди местного населения».

Нужно сказать, что ремесленные отделения при общеобразовательных школах были весьма разнородны как по уровню профессиональной подготовки в них, так и по целенаправленности ее.

Срок обучения в ремесленных отделениях не определялся положением, как не определялось количество часов ежедневных занятий. Эти вопросы разрешались местным начальством в зависимости от рода ремесла, цели обучения и степени подготовки учащихся. Обычно ремесленные отделения доводили профессиональную подготовленность своих учащихся до невысокого уровня. Хотя министр народного просвещения в своем отчете за 1908-й год и писал, что ремесленные отделения «имеют целью практическое изучение данного ремесла, по возможности в полном его объеме, с сообщением учащимся всех необходимых профессиональных навыков», но практически эта задача решалась по-разному, и из ремесленных отделений при общеобразовательных школах выходили и достаточно квалифицированные в области конкретного вида труда ремесленники и полуобученные рабочие, которые не могли самостоятельно выполнять многих работ по приобретенной специальности.

Еще больше различий было в целенаправленности подготовки в ремесленных отделениях. Одни руководители на местах считали, что ремесленные отделения при общеобразовательных школах должны готовить профессионально-обученных рабочих для работы на фабриках, заводах и в мастерских; другие считали, что эти отделения должны готовить мелких ремесленников-хозяйчиков, которые работали бы в своих маленьких ремесленных мастерских, обслуживая нужды местного населения; третьи полагали, что знания, полученные в ремесленных отделениях, вообще не должны определять профессию человека, а должны быть лишь полезны ему в домашней жизни и занятиях. Всегда говорилось при этом что в выборе вида ремесла нужно исходить из характера занятий и потребностей жизни той местности, где находится школа. Допускалось, чтобы программы разрабатывались на местах с учетом особенностей и потребностей местной жизни. Нижеследующая таблица дает представление о специальностях ремесленных отделений при общеобразовательных школах на 1. XII. 1916 года.

Специальность	Количество отделений	
	при высших начальных училищах	при начальных народн. училищах
1. Столярно-токарная	32	87
2. Кузнечно-слесарная	21	53
3. Столярно-токарная и кузнечно-слесарная	61	145
4. Портновская и белошвейная	23	40
5. Электро-монтерские курсы	5	—
6. Строительно-техническая	4	—
7. Другие специальности	127	62

Вопросам о профессиональных и ремесленных отделениях при начальных общеобразовательных школах занимались съезды русских деятелей по профессиональному и техническому образованию, особенно III съезд, состоявшийся в декабре 1903 — январе 1904 года. III съезд высказался за то, чтобы во всех начальных школах сел и городов были включены в учебный план рисование, черчение и ручной труд, как общеобразовательные предметы, имеющие обще-пропедевтическое значение для подготовки учащихся к дальнейшей жизненной деятельности. Изучение ручного труда, рисования и черчения в значительной мере облегчает любую будущую работу. Съезд также указал на необходимость материальной поддержки ремесленных отделений при общеобразовательных начальных школах из государственного бюджета*. Тот же съезд сформулировал важное требование, чтобы ремесленные отделения при начальных общеобразовательных школах не только обучали ремеслу, имеющему применение, главным образом, в домашнем быту, но и давали некоторую подготовку для тех учащихся, которые намерены затем поступать в профессионально-технические и ремесленные школы.

Опыт работы ремесленных отделений при русских начальных общеобразовательных школах, несмотря на целый ряд трудностей и недостатков в их работе (слабость материальной базы, почти полное отсутствие педагогически подготовленных преподавателей ремесла, неразработанность методики ремесленного обучения и т. д.), можно считать ценным и

* Финансирование от казны ремесленных отделений при начальных народных училищах установлено было законом от 16.III.1904 года.

интересным — ремесленные классы и отделения несколько смягчали словесно-схоластический характер русской общеобразовательной школы, ее оторванность от жизни и книжность приобретаемых знаний учащихся. В условиях русской действительности эти отделения были своеобразной, скромной попыткой соединить первоначальное умственное образование с обучением производительному труду. На этих отделениях получили некоторую первоначальную профессионально-техническую подготовку десятки тысяч городских и сельских детей, часть из которых затем пошла на работу в промышленность.

V. ЖЕНСКОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

Вопрос о массовом женском профессиональном образовании был выдвинут в России в конце XIX века, когда при вовлечении в производство большого количества женщин потребовалась некоторая предварительная профессиональная подготовка их.

Еще в 1888 году при Министерстве народного просвещения была учреждена комиссия по вопросам женского образования. Комиссия разработала положения о двух типах женских профессиональных школ. Предполагалось, что в школах 1-го типа будет установлен 7-годи́чный срок обучения (первые пять классов — общеобразовательные, а два последних — специально-ремесленные), а в школах 2-го типа — 4-годи́чный, при обучении ремеслу и общеобразовательным предметам на всех 4-х курсах.

27. III. 1900 года был создан специальный отдел по руководству женским профессиональным образованием при отделении Ученого Комитета по техническому профессиональному образованию МНП. Сведения о профессиональных женских школах и курсах в 1900—1901 г.г. дает И. Н. Михайлов *. По данным попечителей учебных округов, он составил таблицу женских профессиональных школ, курсов и классов рукоделия, которую мы и приводим в несколько измененном виде. (См. табл. на стр. 161).

Большинство женских профессиональных школ, курсов и мастерских было открыто по частной инициативе. Так, в Министерстве народного просвещения в 1916-м году было только

* См. «Материалы и труды комиссии по вопросам женского профессионального образования» изд. МНП, СПб. 1904 г.

10 женских ремесленных училищ, содержащихся на государственный счет; в Министерстве промышленности и торговли 50 женских профессиональных учебных заведений, организованных по частной и общественной инициативе, получили ту или иную субсидию от государства, остальные школы содержались на частные средства.

Название учебных округов	Число женских профессиональных учебных заведений	Число учащихся в них	Типы профессиональных школ по уровню общеобразовательной подготовки			
			Профшколы и курсы с общеобразовательными знаниями			
			За курс гимназии	За курс прогимназии	За курс начальн. училища	Без общеобразов. предмет.
Петербургский	18	2,575	1	14	1	2
Одесский	26	1,562	4	8	8	6
Кавказский	19	947	—	—	1	18
Казанский	22	1,210	—	1	6	15
Харьковский	9	503	1	—	1	7
Московский	11	765	1	2	2	6
Киевский	4	839	2	—	2	—
Оренбургский	3	137	—	—	1	2
Виленский	7	929	—	—	3	4
Рижский	1	173	—	1	—	—
Варшавский	1	75	—	—	—	1
Западно-Сибирский	4	151	—	—	—	4
Туркестанский	2	40	—	—	—	2
Иркутский	1	14	—	—	—	1
Приамурский	1	—	—	—	—	1
Итого:	129	9,920	9	26	25	69

Различны были взгляды на цели профессионального обучения женщин в России, а также на виды ремесл, которым «не предосудительно» обучать женщин*. Так, большинство считало, что женщинам наиболее пристойно изучать ремесла, полезные и необходимые в домашнем обиходе; другие считали, что в женских профессиональных школах и курсах нужно изучать только такие ремесла, которые развивали бы вкус и эстетическое чувство женщин без каких бы то ни было видов на утилитарное применение полученных

* См. доклад Х. Х. Шванебах в книге «Материалы и труды комиссии по вопросам женского проф. образования» СПб. 1904 г. издание МНП.

навыков, и, наконец, третьи говорили, что женщин нужно обучать ремеслу, которое бы им дало средства к жизни.

Вплоть до первой мировой войны огромное большинство профессиональных женских школ и курсов обучало белошвейному, вышивальному, вязальному, кружевному, портновскому и другим ремеслам, считавшимися в России «дамскими профессиями». Кроме специальных женских профессиональных школ и курсов, некоторую профессиональную подготовку давали рукодельные и ремесленные классы при женских гимназиях и других общеобразовательных женских учебных заведениях. По данным доклада Х. Х. Шванебаха, таких ремесленных и рукодельных отделений при одноклассных и двухклассных женских училищах в 1908 году в России было 110, при чем большинство из них в Петербургском и Московском учебных округах (78).

Война 1914 года, отвлекшая от производства огромные массы рабочих-мужчин, способствовала привлечению женщин в самые различные отрасли труда; создается ряд курсов и краткосрочных мероприятий по профессионально-техническому обучению женщин. Но позднее, в связи с общей разрухой промышленности и хозяйства вообще, эта тенденция закреплена не была, и только после Октябрьской социалистической революции женское профессиональное образование получило настоящий расцвет на совершенно новых, социалистических основах.

Отсталость дореволюционной России в культурном развитии не была случайностью. В. И. Ленин в 1913-м году в статье «К вопросу о политике Министерства народного просвещения» писал:

«Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а неизбежна при гнете помещиков»...»

* * *

Профессиональное образование, являясь составной частью культурно-технического прогресса страны, развивалось в процессе преодоления реакционного сопротивления со стороны царского правительства, правительства помещиков и буржуазии.

Противоречие в развитии профессионально-технического

* В. И. Ленин. Соч., т. XVI, стр. 410.

образования в России заключалось в том, что, с одной стороны, быстро растущее промышленное производство, развитие сложной техники и технологии производства действительно требовали подготовки высококвалифицированных, образованных и всесторонне развитых рабочих, мастеров, техников и т. д.; с другой стороны, интересы классовой политической борьбы порождали стремление буржуазии держать рабочий люд в темноте и невежестве, порождали смертельную боязнь русской буржуазии дать рабочему классу знания. Это противоречие, усиленное наличием крепостнических пережитков, отражало общие противоречия развития капитализма в России. Наличие этого противоречия, при господстве политики наиболее реакционных кругов русского дворянства и крупной буржуазии, и обусловило крайне медленный рост школ профессионально-технического образования в России, отразилось в значительной степени на содержании воспитания и образования в возникающих школах, но остановить их развитие не могло, ибо необходимость их диктовалась самым фактом существования и развития в России крупной капиталистической промышленности.

Одной из важных помех на пути развития профессионально-технического образования в России была также вопиющая неграмотность народа, ничтожное количество школ общего образования. Профессиональное образование может успешно развиваться только на прочной базе общего образования широких масс народа.

Однако, развиваясь в таких трудных условиях, русское профессионально-техническое образование имело целый ряд положительных сторон и ценных достижений.

• В России уже в 80-х годах XIX века была разработана система профессионально-технических школ, которая позднее развилась и дополнилась различными новыми типами школ. Для многообразных типов технических школ были разработаны учебные планы, программы, методика теоретического и производственного обучения. Следует заметить, что русские профессионально-технические школы вынуждены были в своих учебных планах как-то смягчать недостатки общего образования. Многие исследователи отмечают, что дореволюционные русские технические школы были перегружены общеобразовательными предметами в ущерб специально-технической подготовке. Но такое соединение общеобразовательных и специально-технических задач было вынужденным. Нельзя

было дать специально-технических занятий без общих сведений из физики, естествознания, арифметики, геометрии, без повышения общей культурности и грамотности поступающих в технические учебные заведения. В русской системе профессионально-технических школ были воспитаны сравнительно многочисленные кадры специалистов учителей, организаторов и мастеров технического образования. Это были в основном буржуазные специалисты, воспитанные в определенном духе. Но позднее, после Октябрьской социалистической революции значительная часть их, перевоспитанная партией большевиков и советской действительностью, была использована в советской системе профтехнического обучения. В значительной степени под влиянием развивающихся профессионально-технических школ в русских народных общеобразовательных учебных заведениях вводится преподавание ручного труда, организуются ремесленные классы и отделения, что в значительной степени смягчило книжно-словесный, схоластический характер обучения. В отношении введения и постановки преподавания ручного труда, некоторые русские профессионально-технические школы опережали опыт Западной Европы и Америки. Так, известный американский исследователь по истории образования Кубберлей пишет, что обучение ручному труду в американских школах вводится только с 1876 года, когда там стала известна так называемая «русская система», т. е. опыт преподавания ручного труда в Петербургском техническом училище.

К положительным сторонам русской системы профессионально-технического образования следует отнести известную разносторонность в подготовке специалиста-мастера и квалифицированного рабочего. Русские школы в этом отношении исходили из того положения, что подготовку мастера и квалифицированного рабочего нельзя ограничить «натаской» в области узкого круга специальных приемов труда данного раздела. Считалось целесообразным знакомить с технологией и приемами труда смежных отделов, цехов и специальностей. Это знакомство вместе с известной технологической и теоретической подготовкой позволяло в значительном большинстве школ готовить специалиста-мастера и квалифицированного рабочего с сравнительно широким техническим кругозором, с предпосылками творческого, изобретательского подхода к труду. Правда, нужно сказать, что русская доре-

волюционная система профессионально-технического образования значительно отставала от развития техники и запросов производства: она как бы застыла в тех специальностях, которые были выработаны еще в 70—80 годах. Насущные запросы производств в подготовке рабочих, мастеров и техников по новым специальностям не нашли своего отражения в системе профессионально-технического образования. Производству необходимы были высококвалифицированные фрезеровщики, токари, электротехники, автоматчики и т. д., а профессиональная школа таких специалистов совершенно не готовила, выпускала в основном только слесарей, столяров, кузнецов.

Война с Японией 1904—1905 г.г. и, особенно, начинавшаяся в 1914 году первая мировая империалистическая война с предельной ясностью и наглядностью обнаружили и подчеркнули в глазах всего народа техническую отсталость России и реакционную политику правительства. Война 1914 года, прежде всего, обнаружила отсталость промышленности и огромный недостаток технически образованных людей. Это поняли даже самые реакционные руководители из правительственных кругов. Так, при открытии совещания по выработке основных положений профессионального образования в России 11. II. 1915 года товарищ министра торговли и промышленности А. Е. Лагорио вынужден был признать:

«Вопрос о рациональной подготовке в России профессионального и технического образования назрел уже давно... Но лишь последние чрезвычайные события открыли нам глаза на многие, поистине безотрадные явления в области нашей промышленной жизни. Вопрос о профессиональном и техническом образовании приобретает в настоящий момент характер исключительной важности».

На самом деле, среди русских людей к тому времени было много талантливых специалистов: механиков и инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих. Но правящие классы России — помещики и капиталисты боялись революционных настроений русских специалистов, не верили в их знания и обращались попрежнему за помощью к иностранцам, подчеркивая свое низкопоклонство и раболепие перед границей.

После такого оглушительного удара, каким была начавшаяся война 1914—1918 г.г., после непрекращавшихся пора-

жений русского царизма на полях сражений, начинается в частности и «мышинная возня» с разработкой проектов реформ и в области профессионального образования. В 1915 и 1916 годах через Государственную думу прошло три новых проекта организации системы профессионально-технического образования в России, разработанные министерствами народного просвещения, торговли и промышленности, путей сообщения.

Все три проекта намечали более быстрый рост технических школ и более стройную систему их организации.

В дореволюционной России была чрезвычайно затруднительна сама процедура разрешения и открытия профессиональных учебных заведений, особенно земских или частных. Просьба об открытии училищ в тех или иных городах или селах подвергалась многократным бюрократическим «обсуждениям», увековечивалось многотомными «делами», «протоколами», обычно задерживалась десятилетиями в осуществлении. Наиболее излюбленным методом задержки самых неотложных и важных реформ и профессиональных нововведений была передача их в «комиссию из сведущих людей», где эти проекты нововведений и застревали, обрастая кучей исписанных бумаг.

Проекты всех трех министерств предлагали значительно упростить процедуру открытия профессиональных учебных заведений, предоставить больше инициативы частным и общественным организациям. Во всех трех проектах предлагалось более правильно согласовать систему профессионального образования с системой общеобразовательных школ. Но проекты реформ профессионально-технического образования не были реализованы. Борьба вокруг этого вопроса еще раз показала, что всякому полезному начинанию прогрессивной части русского общества противопоставлялась антинародная реакционная политика правящих кругов, опирающаяся на всю силу государственной власти. Только Октябрьская социалистическая революция вывела нашу страну на широкую дорогу развития социалистической промышленности, техники, культуры. В развернувшейся после Октября созидательной работе был широко использован в частности и положительный опыт русской дореволюционной профессионально-технической школы и ее достижения.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. К. Плющев. Борьба за коллективизацию сельского хозяйства в Курском округе (1928—1930 гг).	5
Г. Е. Карпов. Свеклосеяние и сахарная промышленность Курской области	44
Ф. И. Лалло. Крепостные села Андросова в борьбе за волю	58
В. И. Самсонов. Курская Коренная ярмарка	96
А. Н. Веселов. Из истории низшего профессионально-технического образования в России	135

Ответственный редактор **Френкель И. А.**,
кандидат педагогических наук, доцент.

Редколлегия:

Веселов А. Н., кандидат педагогических наук, доцент.
Денисевич Г. В., кандидат филологических наук, доцент.
Кудрявцев Н. Е., доцент. **Лаппо Ф. И.**, кандидат истори-
ческих наук, доцент. **Отпущеников Н. Ф.**, кандидат фи-
зико-математических наук, доцент. **Толоконникова Т. К.**,
кандидат географических наук, доцент.

Тех. редактор **Р. И. Старченко.**

Корректор **З. Ф. Шиле.**

Подписано к печати 2/XII-1949 г.

Объем 10½ печат. лист., в п. л. 41211 знаков.

ИЕ 68217.

Тираж 1262 экз.

Заказ 1956.

Типография издательства «Курская правда»

г. Курск, ул. Ленина, 77.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
11	Таблица	от 21 до 50 1,2 ⁰ / ₀ свыше 50 16,2 ⁰ / ₀	от 21 до 50 16,2 ⁰ / ₀ свыше 50 1,2 ⁰ / ₀
16	16 снизу	колхозного движения, рабочие пропагандисты	колхозного движения рабочие-пропагандисты
18	17—18 сверху	этот скот и инвентарь использовался коллек- тивно	этот скот и инвентарь использовались кол- лективно
20	12 снизу	местными органами	местным органам
27	15—16 снизу	массовое истребление скота: коров, овец, свиней, птицы.	массовое истребление скота: коров, овец, свиней, а также птицы.
30	8—9 снизу	против течения	против течения
35	13—14 сверху	трудности, встретив- шиеся на севе	трудности, встретив- шиеся в период сева
38	6 сверху	в колхозах более высокий	в колхозах, более высокий
44	2 снизу	премии на экспорт	премии за экспорт
45	8 сверху	принадлежащих	принадлежавших
54	6—7 сверху	в годы предвоенных пятилеток кориандр	в годы предвоенных пятилеток, кориандр
57	7 сверху	Колпны	Колпна
58	5 снизу	сопровождающегося	сопровождавшегося
59	8—9 сверху	среди всех волнений не только	среди всех волнений 1796—1797 гг. не только
60	9 сверху	хранящихся	хранящиеся
79	5 снизу	чиновникам	чиновников
84	14 снизу	осторожной	острожной
94	16—17 сверху	Поднявшись на борь- бу за освобождение от крепостной зависи- мости андросовцы	Поднявшись на борь- бу за освобождение от крепостной зависи- мости, андросовцы
96	2 сверху	Московского	московского
124	3 снизу	индустрии	индустрии,
136	14 снизу	задерживающие	задерживавшие
159	1 строка после таблицы	Вопросам о профес- сиональных	Вопросом о профес- сиональных
165	13—14 сверху	и, особенно, начинав- шаяся	и, особенно, начав- шаяся
166	16 сверху	увековечивалось	увековечивалась

Цена 7 руб. 50 коп.